Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
Кафедра всеобщей истории

Россия – Африка:

от устной истории к постколониальному нарративу

Сборник материалов Всероссийской конференции
с международным участием
18–20 мая 2022 года

Ярославль
Филигрань
2022

УДК 94(47+57)(063) + 94(6)(063)
ББК 63.3(2)я43 + 63.3(6)я43
Р76

Рецензенты:
Элеонора Сергеевна Львова, доктор исторических наук, профессор, кафедра африканистики, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова

Сергей Валентинович Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный педагогический университет"

Р76 **Россия – Африка: от устной истории к постколониальному нарративу** : сборник материалов Всероссийской конференции с международным участием 18–20 мая 2022 г. / отв. ред. Т. М. Гавристова; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль : Филигрань, 2022. – 246 с. – ISBN 978-5-6048593-6-0.

В сборник включены статьи ведущих ученых, аспирантов и студентов, представленные в рамках Всероссийской конференции с международным участием «Россия-Африка: от устной истории к постколониальному нарративу», которая состоялась в ЯрГУ им. П. Г. Демидова 18–20 мая 2022 г.

УДК 94(47+57)(063) + 94(6)(063)
ББК 63.3(2)я43 + 63.3(6)я43

ISBN 978-5-6048593-6-0
© ЯрГУ, 2022

Содержание

Балезин А. С. Образ Восточной Африки в советских печатных СМИ в 1960-е гг.: Занзибар на страницах газеты «Правда» …….....…….. 7
Блинова Е. В. Топографический нарратив «африканского» Лондона (середина XIX – начало XX вв.) ……..…..…... 17
Бондаренко Д. М. Становление наций в Танзании, Замбии и Уганде: сравнительный анализ ……....…..…. 21
Гавристова Т. М. Литература африканской диаспоры как объект изучения истории: актуализация сторрителлинга ……..…… 26
Гаврюшева А. Е. Чимаманда Нгози Адичи: TED-лекции ……..…..…… 32
Герасимов И. В. Суфийские братства в Дарфуре ……..…..……. 37
Годовова Е. В. Казаки в Африке (по материалам дневника начальника конвоя Российской Императорской миссии в Абиссинию в 1897–1898 гг.) …….…….. 42
Грибанова В. В. Потомки россиян на юге Африки. Связь времен и культур .....… 45
Громова Н. В. Африканские языки в постколониальном дискурсе …..…. 50
Данилов Е. С. Средневековая Африка в российских школьных учебниках …….....…. 55
Денисова Т. С. Культурное наследие русской эмиграции в Эфиопии (конец XIX – первая половина XX в.) …….……...… 59
Желтов А. Ю. Африка в российском дискурсе: тексты и смыслы …..….... 65
Жерлицына Н. А. Ориенталистский дискурс в публицистике Российской империи в период колониального освоения Алжира Францией …… 70
Завьялова О. Ю. Рабство у народов Манден …….…….. 74
Захарова Н. А. Культурный национализм: образованная элита йоруба и публичная дискуссия о браке ……...……..……. 79
Зданевич А. С. Эволюция кризиса идентичности белой общины ЮАР (1994 г. – наши дни) ……...…….. 83
Иванова Л. В. Роль сомалийской диаспоры в сохранении традиций ...…. 89
Ивкина Н. В. Постколониальные исследования в современной немецкой историографии ……...…….. 94
Касимовская Е. Н. Этническая принадлежность и кросс-культурные вариации ценностей современных африканцев …..... 98
Кинфу Зенебе Тафессе Современная роль СМИ и СМК в укреплении африканского самосознания ……....…… 102
Кишкурно А. В. Эмигрантские библиотеки во Франции ……....…….. 108
Кривошеева Ю. А. Женские нарративы о фабричных буднях: работа, семья, общественная польза ……..…….. 113
Крылова Н. Л. Русские жены африканцев в литературном процессе ….. 118

Куликова О. Д. «Красивые» и «безобразные». Женщины Алжира
и Туниса в описании русских путешественников XIX в. …….…..…. 122
Куценков П. А. Письменные, этнографические,
устные и археологические источники по истории догонов …..…..……. 129
Мазов С. В. Ганские миротворцы в Конго: провал планов
африканизации урегулирования конголезского кризиса, 1960–1962 гг. .. 137
Марасанова В. М. Нарратив VS стереотип:
«Записки губернатора» С. Д. Урусова ……..…….……. 143
Мильто А. В. Презентация культурного пространства города
в постколониальных исследованиях ……..…. 147
Мокрушина З. В. Антропология будущего в нигерийской non-fiction 152
Моргунова (Петрунько) О. А. Африканское искусство на аукционе Сотбис:
история, рассказанная охотником или львом? ……..……. 157
Неклесса А. И. Постколониальность и цивилизационный транзит .....…. 165
Неклюдова М. А. «Матушка Сикоул» и история сестринского дела …..... 170
Рашковский Е. Б. «Изгнанная Россия» как проблема
глобальной структуры истории: теоретические заметки ……..……. 173
Сидорова Г. М. В преддверии Второго саммита «Россия-Африка»:
итоги трех лет взаимодействия ……..…..…. 178
Следзевский И. В. Постколониальность
в мировом цивилизационном транзите современности ……....…… 182
Спиридонова Е. В. Британский Камерун в книгах Джеральда Даррелла ….. 186
Суетина Ю. Г. Женская литература на хауса в постколониальной Нигерии 192
Токарев А. А. Языковая доминанта в сотрудничестве
португалоязычных государств в области культур ……..…… 196
Туряница Д. А. Национально-освободительные движения на юге Африки:
Советский Союз и ФРЕЛИМО в 1960–1970-е гг. (по документам РГАНИ) 201
Урядова А. В. Русские в первой итало-абиссинской войне в конце XIX в. .. 204
Усков Г. В. Антиримские выступления в североафриканских провинциях
во II в. н.э.: оценки в историографии ……..…… 207
Филатова И. И. «Как в прошедшем грядущее зреет, так в грядущем
прошедшее тлеет». К вопросу о границах постколониальности ……..... 209
Хохолькова Н. Е. Деколонизация сознания:
культурный национализм, афроцентризм, афротриумфализм …...…….. 216
Цветков Э. Г. Государственный переворот в Гане 1966 г.
глазами советских специалистов ……...…….. 221
Чемякин Е. Ю. Художественное образование в Нигерии в 1920–1960-е гг. 228
Шатохин И. Т., Шатохина С. Б. Губернаторы Остзейского края
XIX – начала XX в. ……. 233
Шубин В. Г. Отражение новейшей истории Южной Африки
в романе Барри Гилдера «Список» ……..…… 238

Contents

Balezin A. S. The Image of East Africa in Soviet Printed Medias in 1960s: Zanzibar on the Pages of the "Pravda" ……..…...……. 7
Blinova E.V. Topographic Narrative of «African» London (in the mid. XIX and early XX centuries) ……..…..……. 17
Bondarenko D. M. Nation Building in Tanzania, Zambia, and Uganda: A Comparative Analysis …….…….….. 21
Gavristova T. M. Literature of African Diaspora as an Object of Historical Studies: Storytelling update …….……. 26
Gavryusheva A. E. Chimamanda Ngozi Adichie: TED Talks ……..… 32
Gerasimov I. V. Sufi Brotherhoods in Darfur ……..….. 37
Godovova E. V. Cossacks in Africa (based on the materials of the diary of the head of the convoy of the Russian Imperial mission to Abyssinia in 1897–1898) …….…….. 42
Gribanova V. V. Descendants of Russians in Southern Africa. Connection of Times and Cultures …….……. 45
Gromova N. V. African languages in Postcolonial Discourse …….…….….. 50
Danilov E. S. Medieval Africa in Russian School Textbooks ……..…… 55
Denisova T. S. Cultural Heritage of the Russian Emigration in Ethiopia (late 19th – first half of the 20th century) ……..…… 59
Zavyalova O.Yu. Slavery among the Manden Peoples …….……..… 74
Zakharova N. A. Cultural Nationalism: Yoruba educated elite and public discussion about marriage ……..……..… 79
Zdanevich A. S. The evolution of the South African white community identity crisis (1994 – present) …….…..… 83
Zheltov A. Yu. "Africa" in Russian Discourse: texts and significances …..…... 65
Zherlitsina N. A. Orientalist discourse in the journalism of the Russian Empire during the colonial development of Algeria by France ……..… 70
Ivanova L. V. Somali Diaspora and its Role in Preserving Traditions …….…. 89
Ivkina N. V. Postcolonial Studies in Modern German Historiography …..…… 94
Kasimovskaya E. N. Ethnicity and Cross-cultural Variations in the Values of Contemporary Africans …….….. 98
Kishkurno A. V. Emigrant Russian libraries in France …..…….…. 102
Zenebe Kinfu Tafesse. The Contemporary Role of the Mass Media in Strengthening of African Identity ……..…. 108
Krivosheeva Yu. A. Women's Narratives about Factory Everyday Life: Labour, Family, Public Benefit ……..…….. 113
Krylova N. L. Russian Wives of Africans in the Literary Process ……..…. 118
Kulikova O. D. The «Beautiful» and the «Ugly». The women of Algeria and Tunisia in the Descriptions of Russian Travelers of the 19th century ..… 122

Kutsenkov P. A. Written, ethnographic, oral and archaeological sources about the History of the Dogon ……..…… 129
Mazov S. V. Ghanaian Peacekeepers in the Congo: the failure of Africanization plans to resolve the Congolese crisis, 1960–1962 …….. 137
Marasanova V. M. Narrative VS stereotype: "Notes of the Governor" by S. D. Urusov ……..……..….... 143
Milto A. V. Presentation of the cultural space of the city in post-colonial studies ……..….. 147
Mokrushina Z. V. Anthropology of the Future in Nigerian Non-fiction …..… 152
Morgunova (Petrunko) O. A. Trading African Art at Sotheby's: a Story Told by Lions or Hunters? ……....…. 157
Neklessa A. I. Postcoloniality and the Transit of Civilization …….… 165
Neklyudova M. A. «Mother Seacole» and the Development of Nursing ...… 170
Rashkovsky E. B. "Russia in Exile" as a Problem of Global Structure of History: Some Theoretical Notes …….…….….. 173
Sidorova G. M. On the Threshold of the Second summit «Russia-Africa»: the results of the three-year cooperation …….… 178
Sledzevsky I. V. Postcoloniality in the World Civilizational Transit of Modernity …….….. 182
Spiridonova E. V. British Cameroons in the books of Gerald Durrell ….….. 186
Suetina Y. G. Women's Literature in Postcolonial Nigeria …….…… 192
Tokarev A. A. Linguistic Dominance in the Cooperation of Portuguese-speaking States in the Field of culture …… 196
Turianitsa D. A. National liberation movements in southern Africa: Soviet Union and FRELIMO in the 1960s–1970s (according to the RGANI documents) …… 201
Uriadova A. V. Russians in the First Italo-Abyssinian War at the end of the XIX century ……..... 204
Uskov G. V. Anti-Roman uprisings in the North African provinces in the II century AD: assessments in historiography ……..……. 207
Filatova I. I. "As in the Past the Coming Ripens, So in the Coming the Past Smoulders". On the Limitations of Postcoloniality ……....… 209
Khokholkova N. E. Decolonization of Consciousness: Cultural Nationalism, Afrocentrism and Afrotriumphalism …….….. 216
Tsvetkov E. G. The 1966 coup d'état in Ghana through the Eyes of Soviet Specialists ……..…..…… 221
Chemyakin E. Yu. Art Education in Nigeria in the 1920s–1960s …...……. 228
Shatokhin I. T., Shatokhina S. B. Governors of the Ostzei Region of the XIX – early XX century ……...……. 233
Shubin V. G. Reflection of the Current History of South Africa in the Novel "List" by Barry Gilder …….……...…… 238

УДК 94 +316.070

А. С. Балезин

Образ Восточной Африки в советских печатных СМИ в 1960-е гг.: Занзибар на страницах газеты «Правда»

A. S. Balezin

The Image of East Africa in Soviet Printed Medias in 1960s: Zanzibar on the Pages of the “Pravda”

Ключевые слова: международные отношения, геополитика, СССР, Занзибар, средство массовой информации, формирование представлений.

Keywords: International relations, geopolitics, USSR, Zanzibar, mass media, formation of images.

Газета «Правда» – самая массовая газета времен СССР. Ее тираж в рассматриваемый период доходил до 10 млн экземпляров. «Правду» читали везде, и в больших городах, и в самых отдаленных уголках Советского Союза. Она была самым главным источником информации в 1960-е гг., ей верили практически безусловно.

Одним из первых упоминаний островного государства на страницах газеты, еще не расшифровывающей, что это и где оно находится, случилось в связи со строительством там военной базы США: «Сегодня на Третьей конференции народов Африки <…> представитель Занзибара Али Мохсин заявил, что США расходуют огромные средства на строительство ракетной базы в Занзибаре, в то время как население Занзибара вынуждено жить в условиях нищеты» [1]. Борьба против колониализма в островном государстве продолжалась, что нашло отражение на страницах «Правды».

10 апреля 1962 г. первая страница газеты: «Народ Занзибара осуждает тактику английских колонизаторов, оттягивающих момент предоставления независимости этой африканской стране» [2]. 18 июня 1962 г.: «Генеральный секретарь Националистической партии Занзибара Абдуррахман Мохаммед приговорен к 15 месяцам тюремного заключения. <…> Подлинная же причина ареста Абдуррахмана Мухаммеда состоит в том, что возглавляемая им националистская партия требует ликвидации

© Балезин А. С., 2022

английского колониального управления и безотлагательного предоставления независимости островам Занзибар и Пемба» [3]. Тут уже идет упоминание одной из партий Занзибара и одного из лидеров антиколониального движения. 28 августа сообщается о достижении договоренности между двумя главными на тот момент партиями Занзибара: «Две главные политические партии острова Занзибар – правящая Националистическая и оппозиционная «Афро-ширази юнион» – пришли к соглашению между собой и договорились сотрудничать в деле устранения напряженности на острове, чтобы обеспечить получение независимости» [4].

Через год, 15 апреля 1963 г., слово на страницах «Правды» получил занзибарец Сулейман Малек. Он рассказал о том, что приближается дата получения независимости его родины: «Моя родина – Занзибар – должна стать независимой в нынешнем, 1963 году. <…>. Мы выступаем за проведение на Занзибаре всеобщих выборов. Требуя независимости для нашей страны, мы одновременно добиваемся ликвидации американской военной базы на Занзибаре. <…>15 апреля, <…> выходит из тюрьмы один из самых популярных лидеров национально-освободительного движения на острове – Абдуррахман Мухаммед, или, как мы его называем, Бабу. Освобождение Бабу – наша большая победа над англичанами. Занзибар стряхнет скоро оковы колониального рабства и станет свободным» [5].

Так «Правда» перешла от перепечаток к информации из первых рук, в частности – от отправленного в Восточную Африку собственного корреспондента Т. Колесниченко. Назавтра после получения Занзибаром независимости, 11 декабря 1963 г., в газете вышел его материал, озаглавленный «На карте Африки появилось новое, 33-е независимое государство» [6]. Это была первая относительно подробная информация на ее страницах о государстве, его истории, положении и борьбе за независимость, снабженная к тому же картой Занзибара и Пембы. В статье говорилось о приверженности нового государства политике позитивного нейтрализма и дружбы со всеми странами, в том числе, конечно, социалистическими, и подчеркивалось: «Несмотря на то, что только сейчас представителям Советского Союза и других социалистических стран удалось посетить Занзибар, который англичане держали за семью замками, приятно было убедиться, что здесь много знают о Советском Союзе и считают его лучшим

другом Африки. «”Передайте привет советскому народу, Хрущеву” – так заканчивают свои беседы со мной многие занзибарцы» [7].

В самый день независимости, 10 декабря, «Правда» опубликовала телеграммы Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева премьер-министру и султану Занзибара соответственно. В первой объявлялось о признании Занзибара суверенным независимым государством, готовности установить с ним дипломатические отношения и выражалась надежда на развитие дружественных отношений между нашими странами [8]. 22 февраля 1964 г. «Правда» сообщила о назначении туда Чрезвычайным и полномочным послом СССР Д. С. Чувахина [9]. Это уже был другой Занзибар, не султанский, а революционный.

Когда 12 января революция совершилась, поначалу не очень понятна была суть событий. Такова была первая информация о ней в «Правде» со ссылкой на британские источники: «Положение на Занзибаре остается неясным. Корреспонденты иностранных информационных агентств передают противоречивые сообщения» [10]. Однако 16 января газета публикует под названием «Занзибар не одинок в борьбе» информацию из Найроби Т. Колесниченко, в которой событиям дается ясная оценка: это антиимпериалистическая и антифеодальная революция [11]. За ней 18 января следует написанная им уже на Занзибаре статья «Самая молодая республика». Автор делится впечатлениями не только от увиденного своими глазами на острове, но и от бесед с руководителями республики Абейдом Каруме и Абдаллой Хангой, с руководителем революционной армии фельдмаршалом Джоном Окелло.

«Окелло – подчеркивает он, – заявил, что революционное правительство будет придерживаться независимой внешней политики и неприсоединения к блокам. Оно вместе с тем является сторонником африканского единства и поддержки освободительной борьбы в колониях» [12]. В том же выпуске газеты можно найти сообщения ТАСС о разрыве отношений Занзибара с США [13].

В последующие дни газета публикует еще несколько материалов Т. Колесниченко о положении на Занзибаре после революции. 19 января – репортаж «Первые дни молодой республики», где, в частности, говорится: «Мы беседовали с десятками людей – все они хотят мира. Важно отметить, что в то время, как западная пресса заполняет страницы своих газет сообщениями об «экстремистах» на Занзибаре, руководители республики говорят о мирном будущем

страны и о необходимости сохранения мира во всем мире. В задачу внутренней политики, по мнению членов правительства, с которыми мне пришлось беседовать, входит, прежде всего, укрепление единства. Колонизаторы веками разделяли народ по цвету кожи и национальности. Новое правительство считает необходимым обеспечить равные возможности всем занзибарцам – и арабам, и африканцам. Сегодня на пресс-конференции представитель революционного правительства сообщил, что отныне их независимое государство будет называться: Народная Республика Занзибара и Пембы» [14].

20 января публикуется материал Т. Колесниченко «Занзибар благодарит друзей», в котором речь идет о реакции занзибарцев на телеграмму Н. С. Хрущева о признании Советским Союзом Народной Республики Занзибара и Пембы. В ней жирным шрифтом выделено сделанное автору министром иностранных дел Абдуррахман Мохаммед (Бабу) заявление для советской печати: **«**Признание Советским Союзом нашей народной республики имеет исключительно важное значение. В трудную минуту мы почувствовали дружескую поддержку братского советского народа. Передайте через «Правду» самое горячее поздравление и благодарность советскому народу и его правительству. Признание Советским Союзом нашей республики еще больше укрепит дружбу как между нашими народами, так и между СССР и всей Африкой**»** [15].

21 января публикуется короткая информация ТАСС под характерным названием «Жизнь на Занзибаре нормализуется», в котором, в частности, говорится и о прогрессивных преобразованиях в республике: «Во всей стране царит полное спокойствие. Теперь в каждой деревне есть революционные советы. Эти советы будут проводить ангарную реформу на островах» [16].

В конце января 1964 г. – новая серия материалов о Занзибаре. Связаны они с концентрацией западных, в частности, британских войск в Восточной Африке, поводом к которой послужили восстания в армиях Кении, Уганды и Танганьики.

27 января «Правда» под заголовком «Предотвратить угрозу вмешательства в дела Занзибара» публикует пространное заявление МИД СССР, в котором дается оценка занзибарской революции: «Как известно, 12 января 1964 г. населением Занзибара была устранена власть ставленников колонизаторов и провозглашена Народная Республика Занзибара и Пембы. К власти пришли

патриотические силы, объединенные в партиях «Афро-Ширази» и «Умма», пользующиеся поддержкой большинства 340-тысячного населения страны. Правительство объявило о своем намерении провести ряд экономических реформ, передать землю крестьянам, изменить однобокий колониальный характер экономики страны, покончить с нищетой, болезнями, неграмотностью населения».

Как подчеркнул вице-президент Касим Ханга, внешняя политика республики «будет состоять в том, чтобы установить отношения со всеми странами мира <…> Мы хотим сотрудничать со всеми, и, естественно, мы поддерживаем все африканские освободительные движения» [17].

В последующие дни вышел в свет ряд материалов о реакции на это заявление и дельнейший ход событий. Так, 28 января «Правда» публикует материал И. Филиппова из Лондона «Предотвратить вмешательство», где среди прочего приводится цитата из «Гардиан»: «Россия предупредила Англию в заявлении, опубликованном вчера, что любые насильственные действия в отношении новой республики Занзибар со стороны тех, кто не хочет отказаться от своих бывших колониальных привилегий, чреваты опасными последствиями» [18]. 29 января сообщается, что заявление советского правительства публикуется на первых страницах египетских газет, причем газета «Аль-Ахбар» отмечает, что переброска английских войск в Восточную Африку таит в себе большую угрозу для стран региона, которые только что получили независимость [19].

С 4 по 6 февраля 1964 г. «Правда» публикует серию материалов Т. Колесниченко о положении на Занзибаре, его наблюдения, с самого острова.

В первом, под заголовком «Республика набирает силы», подчеркивается, что большой поддержкой революционной стране явилось заявление МИД СССР и приводятся слова Дж. Окелло: «Передайте советскому народу нашу большую благодарность. Он еще раз проявил себя верным другом Африки. Как бы ни бесновались империалисты, не только Занзибар, но и вся Африка в ближайшем будущем станет свободной» [20]. Там же – о «больших сдвигах» в жизни островного государства, менее чем через месяц после революции – о конфискации земель феодалов, об объединении «Уммы» с «Афро-Ширази», о разработке нового плана развития страны. На фоне информации о визите делегации ВЦСПС на остров

подчеркивается, что вмешательство СССР в дела Занзибара – раздуваемый на Западе миф, в то же время приводятся слова Дж. Окелло: «Мы не будем держаться в стороне от социалистических стран. Мы надеемся на самое тесное сотрудничество со всеми демократическими странами и, конечно, в первую очередь с социалистическими, в том числе с большим другом Африки – Советским Союзом» [21].

Второй материал – «В народной Республике Занзибар» от 5 февраля. В нем говорится о создании нового государственного аппарата страны – его «занзибаризации», а также о росте ее международного авторитета: «На местном аэродроме ежедневно приземляются самолеты, привозящие сюда дипломатов самых разных стран. С большим удовлетворением здесь встретили известие о том, что Советский Союз уже назначил временного поверенного в делах. Республика установила дипломатические отношения с ГДР, что получило широкий отклик во всей Восточной Африке» [22].

6 февраля газета писала о прибытии на Занзибар временного поверенного (будущего посла СССР) Г.И. Карлова и заявлении министра иностранных дел Народной Республики Занзибара и Пембы Абдуррахмана Мохаммеда по этому поводу, в котором отмечалось: «Мы будем еще больше крепить дружбу и солидарность между нашими странами и народами в общей борьбе против империализма и колониализма, за установление и сохранение мира на земле» [23].

18 февраля в «Правде» появилась короткая заметка «Народ поддерживает правительство», где говорится: «Во всей стране царят мир и порядок. Органы власти приступили к реализации мер по обеспечению интересов широких народных масс. Красноречивым свидетельством поддержки народом революционного правительства явилась массовая демонстрация жителей Занзибара, в которой приняли участие десятки тысяч человек» [24].

11 марта «Правда» публикует статью Т. Колесниченко «Занзибар: уроки и перспективы». В ней, в частности, проводится мысль не только об антифеодальном, но и об антикапиталистическом характере занзибарской революции: «Султанат и прежнее правительство были свергнуты в результате организованного выступления народных масс. Его возглавила партия «Афро-Ширази», представляющая интересы большинства населения острова. Только

на последних выборах она получила более 60 % голосов всех избирателей. Ее лидеры Абейд Каруме, Касим Ханга в течение долгих лет последовательно выступали за уничтожение колониализма и феодализма. Выполнение выдвинутой ими программы по существу явилось началом национально-освободительной, антиимпериалистической, антифеодальной революции, в основе которой лежит борьба за действительную свободу, экономическую независимость и коренные социальные преобразования». И еще: «Революционное правительство вырабатывает сейчас программу переустройства жизни страны. Как рассказывали занзибарские руководители, партия «Афро-Ширази», выражая мнение народа, не только уничтожит феодальные отношения, но и покончит с капиталистической эксплуатацией на Занзибаре» [25].

Автор рассматривает занзибарскую революцию на более широком фоне национально-освободительного движения на африканском континенте: «Победа патриотических сил на Занзибаре, сумевших сломить сопротивление колонизаторов, показала всей Африке неодолимость национально-освободительного движения, закономерность использования в борьбе против империализма всех средств, включая вооруженное выступление масс, если для этого существуют необходимые внутренние условия. Совершенно очевидно, что в таких странах Африки, как Ангола, Мозамбик, ЮАР и других, где колонизаторы прибегают к военному подавлению освободительной борьбы, к террору, народ вынужден взяться за оружие» [26].

Занзибар фигурирует в ряде материалов «Правды», связанных с его объединением с Танганьикой. 28 апреля публикуется статья Т. Колесниченко «Занзибар в эти дни». Одним из ключевых вопросов создания нового государства автор справедливо считает сохранение социалистического курса Занзибара и дает оптимистический прогноз: «Западная печать не скрывает, что колонизаторы, напуганные социалистическим курсом Занзибара, надеются использовать свои позиции для давления на правительство и поворота вправо. Но не такие планы у народов Танганьики и Занзибара». Автор статьи приводит слова вице-президента Народной Республики Занзибар К. Ханги: «Западная печать выдает желаемое за действительность. <…> Объединяясь с миллионами братьев из Танганьики, занзибарцы надеются вместе, став еще сильнее, идти по пути социального

прогресса. В международной политике мы будем придерживаться курса на борьбу против колониализма, на укрепление дружеских связей со всеми миролюбивыми странами. Мы будем крепить наши дружеские связи с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Один из примеров этого: новая Республика Танганьики и Занзибара признает Германскую Демократическую Республику, и мы это заявляем открыто» [27].

29 апреля вышла в свет короткая информация ТАСС «Правительство сформировано»: «Президент Объединенной Республики Танганьики и Занзибара Джулиус Ньерере объявил состав правительства республики, сформированного после объединения двух восточноафриканских стран – Танганьики и Занзибара. Вице-президентами страны являются Абейд Каруме, сохраняющий также титул президента Занзибара, и Рашиди Кавава, являющийся одновременно министром обороны и национальной службы республики. Министром иностранных дел назначен бывший министр иностранных дел и обороны Танганьики Оскар Камбона. Бывший вице-президент Занзибара Абдулла Касим Ханга становится в новом правительстве министром шахт, промышленности и энергетики. Абдуррахман Мохаммед, занимавший в правительстве Занзибара пост министра иностранных дел, назначен одним из трех министров в новом директорате планирования в ранге члена кабинета» [28].

30 апреля газета публикует материал Т. Колесниченко «Новое государство на карте Африки». В нем снова дан оптимистический прогноз о сохранении социалистического курса Занзбара: «Планы империалистов сейчас заключаются в том, чтобы постараться не только задержать развитие новой республики на пути к прогрессу, но и отнять у народов Занзибара его революционные завоевания. В этой обстановке необходима особенная бдительность со стороны африканцев. Они это хорошо понимают. Председатель Федерации революционных профсоюзов Занзибара М. Омар подчеркнул в беседе со мной: “Мы знаем, что замышляют враги африканского единства, неоколонизаторы. Но никто не свернет нас с пути борьбы за мир и социализм в Африке”. Слова М. Омара разделяют все занзибарцы» [29].

После сообщения ТАСС от 15 мая 1964 г. «Нота Танганьики и Занзибара У Тану». [30] о создании нового единого государства Занзибар как правило фигурирует в СМИ в контексте Объединенной республики Танзании.

Итак, «Правда» дала своей широчайшей читательской аудитории много информации о Занзибаре, провозглашении независимости, установлении отношений с СССР, позиции СССР по защите независимости островного государства на мировой арене. Она познакомила советских людей с лидерами революции и прогрессивными преобразованиями на Занзибаре, осуществленными под их руководством. Она рассказала об объединении Занзибара с Танганьикой, о месте лидеров занзибарской революции во вновь созданном объединенном государстве. Эта информация, однако, была далеко не полной. Не сообщалось о контактах СССР через Комитет солидарности стран Азии и Африки еще с конца 1950-х гг. с Националистической партией, противницей будущей правящей партии «Афро-Ширази», с дочерними организациями «Афро-Ширази», контактах с будущими лидерами революции, например, о приглашении в СССР А. Каруме (еще в 1961 г.), о том, что А. Ханга в 1960–1961 гг. обучался в Университете друдбы народов в Москве и был женат на советской гражданке Л.О. Голден; о том, что на 1 января 1964 г. в СССР обучалось 58 студентов с Занзибара и о многом другом [31; 32]. Об этом стало известно лишь после открытия архивов на рубеже XX–XXI вв.; ранее многое хранилось в секрете. Так, под грифом секретно защищалась диссертация О.И. Тетерина «Социально-политическое развитие Занзибара» на соискание ученой степени канд. ист. наук в Институте Африки АН СССР в 1972 г. [33].

Ссылки:

1. Правда, 29 марта 1961 г.
2. Правда, 10 апреля 1962 г.
3. Правда, 18 июня 1962 г.
4. Правда, 28 августа 1962 г.
5. Правда, 15 апреля 1963 г.
6. Правда, 11 декабря 1963 г.
7. Правда, 11 декабря 1963 г.
8. Правда, 10 декабря 1963 г.
9. Правда, 22 февраля 1964 г.
10. Правда, 13 января 1964 г.
11. Правда, 16 января 1964 г.
12. Правда, 18 января 1964 г.
13. Правда, 18 января 1964 г.

14. Правда, 19 января 1964 г.
15. Правда, 20 января 1964 г.
16. Правда, 21 января 1964 г.
17. Правда, 27 января 1964 г.
18. Правда, 28 января 1964 г.
19. Правда, 29 января 1964 г.
20. Правда, 4 февраля 1964 г.
21. Правда, 4 февраля 1964 г.
22. Правда, 5 февраля 1964 г.
23. Правда, 6 февраля 1964 г.
24. Правда, 18 февраля 1964 г.
25. Правда, 11 марта 1964 г.
26. Правда, 11 марта 1964 г.
27. Правда, 28 апреля 1964 г.
28. Правда, 29 апреля 1964 г.
29. Правда, 30 апреля 1964 г.
30. Правда, 15 мая 1964 г.
31. Балезин А. С. СССР и Занзибар в годы его борьбы за независимость и объединения с Танганьикой (по архивным источникам) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. Деколонизация, неоколониализм и реколонизация: к 60-летию Года Африки. С. 54–66.
32. Балезин А. С. Советский комитет солидарности со странами Азии и Африки и Восточная Африка в конце 1950-х – начале 1960-х гг. // «Россия-Африка: политика, экономика, история и культура». Материалы международного научного форума, Казань, 11 ноября 2020 г. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный ун-т. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, 2020. С. 45–59.
33. Тетерин О. И. Вспоминая Африку (важное… и не очень). М.: Cherry Pie, 2019. 556 с.

УДК 94(6)

Е. В. Блинова

Топографический нарратив «африканского» Лондона (середина XIX – начало XX в.)

E. V. Blinova

Topographic narrative of «African» London (in the mid. XIX and early XX centuries)

Ключевые слова: Африка, Лондон, топография, африканцы.
Keywords: Africa, London, topography, Africans.

Со второй половины XIX в. Лондон, «глобус многих наций» [1, с. 805], получил репутацию наиболее толерантного города из всех мировых столиц [2, p. 1], в том числе для мигрантов, где большинству из них были гарантированы свобода, работа и кров. Лондон манил и притягивал к себе. Численность жителей так называемого Большого Лондона в начале XX в. достигла 6 млн. человек.

Сколько африканцев проживало тогда в Лондоне? Ответ на данный вопрос затруднителен [3, p. 7]. Ясно одно: согласно переписям, производимым в Британии (Англия и Уэльс) каждые 10 лет, приток населения из колоний с середины XIX в. постоянно возрастал. В 1841 г. число прибывших из колоний составило 17 248 человек, в 1851 г. – 33 688, в 1861 г. – 51 572, в 1871 г. – 70 812 человек [4, p. 214]. К началу XX столетия в Лондоне проживало 20 324 человека [4, p. 215]. Установить точное число африканцев невозможно: переписи, как и ранее, не учитывали ни этническую принадлежность, ни регион происхождения. Как правило, африканцы были представлены выходцами из Западной Африки [5, p. 2], преимущественно мужчинами. Они представляли практически все социальные слои и категории: от попрошаек до профессионалов и даже селебрити. Они формировали не только социально-культурный, но и территориальный образ «африканского» Лондона.

Становление феномена «африканского» Лондона происходило на протяжении столетий во временном и пространственном

© Блинова Е. В., 2022

единстве и стало следствием процветания имперских традиций. Закономерным следствием роста численности африканцев в Лондоне можно считать появление в их среде внутренних связей, сети взаимодействия и даже традиций. Лондон вместил в себя разнорабочих и моряков, домашнюю прислугу и профессионалов высочайшего класса. Специализация их деятельности способствовала расслоению, возникновению особой иерархии в кругу африканцев, что нашло отражение в топографии города.

Территориальное оформление «африканского» Лондона зависело от социального положения африканцев. Маргиналы (африканская беднота, моряки, рабочие), чье материальное положение оставляло желать лучшего, прочно закрепились в Ист-Энде. Лондонские власти старались ограничить стихийное распространение нищеты, пытаясь обеспечить людей жильем. Строились специальные заведения для проживания бездомных, в том числе африканцев: в 1857 г. был открыт «Дом для бездомных африканцев и азиатов» на Вест Индиа Док Роуд. Недалеко находился «Дом для чужестранцев» [6, p. 26]. В 1881 г. на Уэлл стрит была открыта больница для моряков. Лечебница принимала африканцев и азиатов, что запечатлено фотографом в 1880-е гг. На снимке черные моряки сидят в больничном холле в ожидании приема врача [7]. В доме 18 по Стефней Косвей располагался детский приют – так называемый «спасительный дом» Барнардо. Доктор Джон Барнардо основал его в 1870 г. Приют был открыт для бездомных детей всех рас и национальностей [7].

Матросы жили преимущественно в «Грин Хоум» и морских доках, в районе «Кеннинг Таун». Ричард Грин (1803–1863) – судовладелец – в середине XIX в. специально для чернокожих матросов оплатил постройку приюта. Матросы называли приют просто – «Грин Хоум» («Дом Грина»). В нем была столовая, комнаты отдыха, библиотека с читальным залом. Дом обслуживали сестры из церковных приютов [8, p. 3–5; 48]. «Грин Хоум» существовал до начала XX в., пока, согласно указу мэра Лондона, в нем не разместилось вновь образованное Министерство морской торговли. Матросы расселились по «Кеннинг Таун» [9; 10], жили на Кроун стрит, в районе так называемой «Шахматной Аллеи», которую, наряду с чернокожими, населяла белая английская беднота. Отсюда, по аналогии с черно-белыми фигурами шахмат, происходит и название улицы.

Прислуга, портные, бухгалтеры, так называемый средний класс обслуживающей сферы, расселились по всему Лондона. Корабельный повар и стюарт Джон Филлипс, сьерра-леонец, жил на 21 Копенгхэм Плэйс, Лаймхаус; африканский портной – в районе Уайтчепел на Востоке Лондона; сьерра-леонец Колин Грэхем работал бухгалтером [7], проживал на 4 Крофтон Роад, Кэмбервелл. Прислуга нередко жила в благополучных и даже престижных районах Лондона: Челси, Вестминстер, Кенсингтон.

Что указано в объявлениях о найме, которые африканцы публиковали на страницах лондонских газет? «Цветной гражданин ищет место повара или слуги. Обращаться: Симондс стрит, Челси (Август 1880 г.); Цветной молодой человек ищет работу камердинера. Обращаться: Винсэент Сквэр, Вестминстер (Октябрь 1883 г); Цветной молодой человек 22-х лет, ищет работу домашней прислуги. Обращаться: 43 Бэссетт-роуд. Норз Кенсингтон. (Ноябрь 1883 г.); Цветной мужчина в возрасте 27 лет ищет место дворецкого. Обращаться: 1 Ментон-роуд, Кенсингтон (Июнь 1886 г.)» [7].

Профессионалы и богема (врачи, юристы, журналисты, деятели сферы искусства) предпочитали центральную часть Лондона: Сохо, Ковент-Гарден, Блумсбери, Вестминстер, Сатворк. Этот выбор не случаен. Местом их «обитания» были университеты, колледжи и музеи; театры и мюзик-холлы; клубы (и рестораны), даже парки.

В Блумсбери, который традиционно считался сердцем интеллектуальной жизни Лондона, располагались: Лондонский университет, колледжи, Королевская академия драматического искусства, Британский музей. Блумсбери славился большим скоплением разнообразных магазинов, кафе, пабов и ресторанов – местом собраний лондонской богемы. Многие африканцы жили и работали здесь, останавливались во время гастрольных турне. Афроамериканская актриса и певица Флоренс Миллс (1896–1927) предпочитала Блумсбери на время гастролей в 1920-е гг. Лесли Э. Дж. Томпсон (1901–1987) ямайский джазовый музыкант, жил в Лондоне с 1929 г., имел квартиру не далеко от Марчмонт-стрит [11, p. 11]. Африканские студенты селились в Блумсбери, где жили на съемных квартирах на Фитзроу стрит [11, p. 11, 12] и в общежитии для «студентов-переселенцев» на Расселл-сквер (дом 32), открытом в 1917 г. [12]. Блумсбери для многих стал вторым домом, местом, куда всегда хотелось вернуться [13, p. 13].

Топография «африканского» Лондона многогранна, она формировалась на протяжении столетий, напрямую зависела от социальной, культурной и политической эволюционной парадигмы лондонских африканцев, стала своеобразным оттиском их жизнедеятельности.

Ссылки:

1. Акройд П. Лондон: Биография: пер. с англ. В. Бабкова, Л. Матылева. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2005. 896 с.

2. Kershen A. J. London: The Promised Land? The Migrant Experience in a Capital City. Aldershot: Avebury on Behalf of the Centre for the Study of Migration, 1997. 167 p.

3. Donovan J. We Don't Buy Sickness, it just Comes: Health, Illness and Health Care in the Lives of Black People in London. Aldershot: Gower, 1986. 294 p.

4. Lorimer D. A. Colour, Class and the Victorians. English Attitudes to the Negro in the Mid-Nineteenth Century. Leicester: Leicester University Press, 1978. 300 p.

5. Killingray D. Africans in Britain. L.: F. Cass, 1994. 245 p.

6. Banton M. P. The Coloured Quarter. Negro Immigrants in an English City. L.: Jonathan Cape, 1955. 254 p.

7. A Map of Black History in Nineteenth Century London // URL: https://www.ucl.ac.uk/equiano-centre/projects/black-londoners-1800-1900 (accessed: 08.04.2022). В рамках цифровой истории доктором Каролиной Брессей (Эквиано центр, Университетский колледж Лондона) на основе церковно-приходских записей, была разработана интерактивная карта «черного» Лондона, где автор указала места (район/улица) проживания «найденных» ею африканцев в Лондоне в XIX в.; представлена краткая биографическая справка лондонских африканцев. Проект существует с 2015 г.

8. Bulleng, F. With Christ in Sailor Town: What the Seamen's Mission is Doing. L.: Hodder & Stoughton, 1901. 162 p.

9. Colonial Administration Records (migrated archives) // URL: https://cdn.nationalarchives.gov.uk/documents/migrated-archives-4-guidance.pdf (accessed: 08.04.2022).

10. Homage to Canning Town. African Ancestors // URL: https :/ /www.irokotheatre.org.uk/projects/6.pdf (accessed: 09.04.2022).

11. Matera M. Black London: The Imperial Metropolis and Decolonization in the Twentieth Century. Oakland, California: University of California Press, 2015. 410 p.

12. Drawing over the Colour Line: Geographies of Art and Cosmopolitan Politics in London, 1919–1939. Exploring Diverse British Histories. URL: https://drawingoverthecolourline.wordpress.com/page/2/ (accessed: 09.04.2022).

13. Merriman-Labor A. B. C. Britons Through Negro Spectacles, or a Negro on Britons: With a Description of London. L.: The Imperial and Foreign Company, 1909. 238 p.

УДК 94(6)

Д. М. Бондаренко

Становление наций в Танзании, Замбии и Уганде: сравнительный анализ*

D. M. Bondarenko

Nation Building in Tanzania, Zambia, and Uganda: A Comparative Analysis

Ключевые слова: постколониальное государство, национальное строительство, историко-культурные факторы, Танзания, Замбия, Уганда.

Keywords: postcolonial state, nation building, historical and cultural factors, Tanzania, Zambia, Uganda.

В данной работе рассматриваются важнейшие историко-культурные аспекты процесса строительства наций в трех постколониальных государствах Африки: Танзании, Замбии и Уганде – странах, в которых между 2003 и 2018 гг. мы проводили полевые исследования этого вопроса. В предыдущих работах нами было показано, что сегодня Танзания ближе, чем большинство африканских стран подошла к появлению нации в ее классическом, новоевропейском, виде: как сообщества сограждан, разделяющих единую систему ценностей, принадлежащих к одной национальной

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 18-18-00454, https://rscf.ru/project/18-18-00454/.

© Бондаренко Д. М., 2022

культуре, в чьем сознании общегражданская идентичность доминирует над частными и локальными идентичностями, а лояльность национальному государству важнее делений по региональному, религиозному, этническому или каким-либо еще признакам [1]. Для большинства других постколониальных обществ, в том числе замбийского и угандийского, частные, локальные идентичности гораздо значимее, чем для танзанийского.

По нашему мнению, основа этих существенных различий – историческая. Они связаны с различиями в их историческом прошлом – доколониальном и колониальном – и его интерпретациях в период независимости. В противоположность Замбии и Уганде, в Танзании социокультурная основа, сегодня единая для подавляющего большинства населения, начала формироваться задолго до установления колониального режима. Эта основа – культура суахили с ее письменным языком, ныне – единственным официальным языком страны. Благодаря этому в Танзании рост национального самосознания может проявляться преимущественно (хотя, конечно, не исключительно) на уровне не отдельных народов, а почти всего ее автохтонного населения. То, что культура и язык относительно небольшого даже сегодня прибрежного народа суахили начали широко распространяться вглубь материковой части страны только в XIX в. – несомненный исторический факт. Более того, расширение ареала суахилийских культуры и языка происходило не без участия европейских миссионеров, часто проповедовавших на суахили и сделавших его языком преподавания в миссионерских школах. К тому же и культура, и язык суахили еще в Средние века и раннее Новое время впитали множество арабских элементов. Тем не менее, сегодня огромная часть танзанийцев, независимо от происхождения и религиозной принадлежности, с гордостью причисляет себя к носителям суахилийской культуры, воспринимая ее как автохтонную – однозначно африканскую, не связанную с колониальным наследием – и объединяющую людей различных местных «племен» в танзанийскую нацию поверх (но не вместо) их локальных «племенных» идентичностей [2; 3].

Культура суахили служит не только основой для формирования, но и средством конструирования танзанийской нации с первых лет независимости. Официальная идеология, базирующаяся на «теории уджамаа», разработанной первым

президентом страны Дж. К. Ньерере, в немалой степени поспособствовала утверждению в сознании граждан представления о танзанийской нации не как о наследии колониализма. Напрямую связанная с государственной идеологией языковая политика, направленная на усиление позиций суахили как официального языка, также вносит существенный вклад во внедрение в сознание граждан страны убежденности в давнем самостоятельном сложении танзанийской нации [4; 5].

Тогда как существование с доколониальных времен автохтонных языка и культуры суахили, в раннеколониальный период распространившихся по всей стране, делает Танзанию счастливым исключением из правила, Замбия и Уганда, подобно большинству постколониальных государств, особенно африканских, не имеют такой основы национального единства. Ни одна из местных культур не в состоянии играть эту роль; интеграция народов современных Замбии и Уганды началась только в колониальный период и благодаря колониализму. Таким образом, исторической и культурной основой формирования замбийской и угандийской наций не может служить ничто иное, кроме колониального социокультурного наследия, включая язык бывшей метрополии – английский. В то время как огромная часть танзанийских респондентов утверждала, что единая танзанийская нация существует, большинство собеседников в Замбии и Уганде представляли свои страны как конгломераты «племен» (этнических групп) со своими языками и культурами. В этих странах государствам приходится пытаться интегрировать население в нации, стараясь усилить довольно слабое культурное единство, которое начало появляться только в границах колоний и на основе языка бывшей колониальной державы.

С точки зрения перспектив построения наций Замбия и Уганда имеют как минимум еще один сдерживающий фактор по сравнению с Танзанией. В доколониальные времена на территории Танганьики (континентальной части Танзании) не сложились централизованные экспансионистские политические образования, за исключением королевства Шамбаа (Шамбала) одноименного народа. Если бы их возникло несколько, в постколониальном государстве они могли бы стать центрами трибалистского этнического регионализма или сепаратизма и пробуждать у соседних народов историческую память об их угнетении предками нынешних сограждан.

В Танзании же потенциальное сопротивление относительно слабых вождей было эффективно и без больших сложностей пресечено на заре независимости страны [6, p. 61]. Пусть их неформальное влияние и сохранилось [7; 8], они не могут представлять собой силы, противостоящей строительству нации.

В то же время на территории Замбии в доколониальный период возвысились как минимум четыре мощные политии: народов бемба, лози (баротсе), лунда и чева. После провозглашения независимости, в частности, лидеры бемба и баротсе попытались обеспечить политическое доминирование в стране своих народов, и первому президенту Замбии К.Д.Б. Каунде потребовалось приложить много усилий, включая и осуществление репрессивных мер, и раздачу высоких государственных должностей, чтобы взять над ними верх. Однако с переходом к многопартийности в 1990-е гг. этнический фактор громко заявил о себе вновь: несколько политических партий было создано на этнической основе [9, с. 51–61].

Так же и в Уганде накануне провозглашения британского протектората на региональной политической сцене доминировали четыре королевства: Буганда народа ганда было самым могущественным, за ним следовали Буньоро ньоро, Нкоре, или Анколе, народа ньянколе и Торо одноименного этноса. Несмотря на искренние утверждения многих респондентов в этой стране о том, что они горды быть угандийцами и что угандийская идентичность очень важна для них, почти все они акцентировали и свою этническую принадлежность.

Еще одним важным культурным фактором, влияющим на сложение наций, является религиозная ситуация в том или ином государстве, особенности которой также коренятся в его прошлом; в Африке – доколониальном и колониальном. Эта ситуация различна в трех рассматриваемых нами странах, притом, что во всех них так называемые «традиционные», т.е. автохтонные, религии оттеснены на задний план религиями мировыми – христианством и исламом, сохраняясь в чистом виде в некоторых глубинных районах и более широко – в форме двоеверия. При этом и христианство, и ислам представлены огромным множеством мелких и крупных ответвлений. Анализ религиозной ситуации в трех странах показал, что многообразие религиозных идентичностей граждан, во всяком случае, на данном этапе, не особенно препятствует сложению единой национальной

идентичности в Танзании, едва ли способствует ее формированию в Уганде, а в Замбии попытка государства построить «христианскую нацию» до сих пор не привела к успеху.

Итак, наш главный тезис заключается в том, что разница в процессе нациестроительства и его текущих итогах в Танзании, с одной стороны, и Замбии и Уганде – с другой могут быт объяснены существенными различиями в их реальной доколониальной и колониальной истории и в том, как происходит опора на историю и совершается манипулирование ею в эпоху независимости.

Ссылки:

1. Бондаренко Д. М. Постколониальный мир: формирование наций и историческое прошлое // Культурная сложность современных наций / под ред. В. А. Тишкова, Е. И. Филипповой. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 224–240.

2. Бондаренко Д. М. Образование и толерантность в Танзании (по материалам Российской антропологической экспедиции 2003 и 2005 гг.) // Джулиус Камбараге Ньерере – первый президент свободной Танзании / Под ред. Ю.Н. Винокурова. М.: Институт Африки РАН, 2010. С. 56–62.

3. Иванченко О. В. Танзания: национальное и этническое самосознание // Азия и Африка сегодня. 2013. № 6. С. 53–59.

4. Blommaert J. State Ideology and Language in Tanzania. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. 184 p.

5. Kioko A.N. Development of National Language Policies in East Africa: The Interplay of Opportunity, Equity and Identity // Language Rich Africa Policy Dialogue: The Cape Town Language and Development Conference: Looking beyond 2015 / Ed. by H. McIlwraith. L.: British Council, 2014. P. 21-29.

6. Kavina A. Positive and Negative Aspects of Globalization in Nation Building in Africa // Ученые записки Института Африки РАН / Journal of the Institute for African Studies. 2020. № 1. P. 59–70.

7. Nkyabonaki J. The Influence of Indigenous Administration on Post-Independence Administration in Tanzania // The Omnipresent Past. Historical Anthropology of Africa and African Diaspora / Ed. by D. M. Bondarenko, M.L. Butovskaya. Moscow: LRC Publishing House, 2019. P. 183-195.

8. Stroeken K., Kaputu F.U. Between Ethnicity and Medicine: Reinventing Legitimacy in Chokwe and Sukuma Chieftaincies //

Challenging Authorities: Ethnographies of Legitimacy and Power in East-ern and Southern Africa / Ed. by A.S. Steinforth, S. Klocke-Daffa. Cham: Palgrave Macmillan, 2021. P. 63–83.

9. Прокопенко Л. Я. Замбия: особенности становления многопартийной системы (90-е годы). М.: Институт Африки РАН, 2000. 64 с.

УДК 94(6)

Т. М. Гавристова

Литература африканской диаспоры как объект изучения истории: актуализация сторрителлинга*

T. M. Gavristova

Literature of African Diaspora as an Object of Historical Studies: Storytelling update

Ключевые слова: литература, мигритюд, память, афрополитизм, интеллектуалы, Яаа Джаси, сторителлинг.

Keywords: literature, migritude, memory, Afropolitanism, intellectuals, Yaa Gyasi, storytelling.

Рубеж XX–XXI вв. открыл новую страницу в истории миграций. В условиях глобализации и сопутствующих ей процессов медиатизации и цифровизации, затронувших практически все сферы экономики, политики, культуры и социальных отношений, миграционные потоки, на протяжении десятилетий существовавшие в виде однонаправленных движений людей с Востока на Запад, с Юга на Север, стали в структурном отношении гораздо более сложными. Беженцы и вынужденные переселенцы, политические изгнанники, нелегалы, счастливые обладатели Green Card, выигравшие эксклюзивное право на получение американского гражданства в лотерею, интеллектуалы, обладатели выдающихся достижений и профессий, востребованных в любой точке земного шара, инвесторы, владельцы миллионных счетов в банках, ученые и спортсмены, компьютерщики и врачи, представители

* Работа выполнена при поддержке проекта ЯрГУ VIP-018.

© Гавристова Т. М., 2022

маргинальных слоев и носители всевозможных титулов, живущие на весьма скромные государственные субсидии и зарабатывающие на жизнь собственным трудом, нищие и предприниматели – вместе они образуют уникальный в значительной мере организм, многоликий и разноязыкий, обремененный множеством внутренних противоречий, социального, конфессионального, политического характера. У каждого из них своя история, и изложена она может быть по разному, устно и в записи, в виде писем и автобиографий, эссе, интервью в печати, постов в социальных сетях, в виде художественных произведений и не только.

Далеко не все из перечисленных категорий намереваются вернуться домой и нередко, даже в условиях сегрегации и конфронтации с принимающим обществом, склонны рассматривать свое «пограничное», по мнению обывателей, состояние как «норму» или, по крайней мере, как вектор нормали, формирующий «ткань времени» [1]. Свидетельства тому можно найти в литературе и эссеистике. Именно те, кто менее всего хочет быть «чужим» в принимающем обществе, осуществляют великую миссию транскультурного диалога, которая во все времена была возложена на представителей диаспор.

Вслед за кенийской писательницей индийского происхождения Шаийлей Патель назову общность, о которой пойдет речь в рамках данного исследования, мигранством. Так, на мой взгляд, в русском варианте можно интерпретировать изобретенную ей лексему «мигритюд» [2]. Термин эмиграция несет несколько иную смысловую нагрузку – это не просто феномен, но и процесс, в нем больше динамики, движения. Мигранство в значительной мере статично и креативно в своей статике, так как есть место и время осознать свое положение.

Чаще всего термин мигритюд толкуют во взаимосвязи с неологизмом, созданным Леопольдом Сенгором (1906–2001). Это «негритюд плюс эмиграция», хотя одновременно легко проследить и другие коннотации, касающиеся определения тех ощущений, которые на своем опыте испытали все, кто перманентно существует на «перекрестке» культур и цивилизаций. Подобное состояние, в значительной мере маргинальное, вполне можно рассматривать как триггер, ведущий к всплеску творческой активности. Примером тому в первую очередь служат произведения писателей, признанных знатоков человеческих душ.

Ретрансляция эмигрантского опыта велась выдающимися мастерами слова: Владимиром Набоковым (1899–1977) и Эриком Марией Ремарком (1898–1970) – и современными авторами, в числе которых, например, Андрей Макин (родился в 1957 г.), Катя Петровская (родилась в 1970 г.) и другие.

Во второй половине XX в. начался исход интеллектуалов из Африки, а в XXI в. мигранство стало их образом жизни и стилем мышления. Бучи Эмечета (1944–2017), Бен Окри (родился в 1959 г.), Ш. Патель (родилась в 1970 г.), Теджу Коул (родился в 1975 г.), Бернадин Эваристо (родилась в 1959 г.), Яаа Джаси[1] (родилась в 1989 г.) и другие писатели на уровне международного литературного сообщества тиражировали истории о том, что существование на рубеже традиций и культур не лишено возможностей обретения, если не стабильности, то, по крайней мере, баланса.

Главный герой романа Б. Окри «Голодная дорога» (1991 г.), написанного в жанре магического реализма, – мальчик-абику. Он свободно перемещается в трех мирах: на уровнях живущих, умерших и еще не рожденных. Его имя – Азаро (Лазарус) – производное от библейского имени Лазарь, а обычное состояние – перемещение, миграция. Азаро переживает озарения, открывает новые миры, страдает, спасает, дает возможность делать все это другим. Он не боится меняться, он готов к творческим исканиям в сферах духовного и материального. Ему подвластно прошлое, настоящее и будущее, хотя реальность в наибольшей мере занимает его [3].

Абсолютно иными предстают перед читателем персонажи романов Б. Эмечеты; для них главное выжить, удержаться на плаву. Именно так «На плаву» (1986 г.) и называется блестящая по образам и стилистике автобиография писательницы, мастера сторителлинга [4]. Герои ее произведений 1970-80-х гг.: иммигранты, чернокожие студенты, матери-одиночки – ощущали себя в Великобритании «гражданами второго сорта»[2] [5]. Позднее ситуация изменилась. Об этом «История Ады» (1983 г.) [6] – сходство названий с романом В. Набокова «Ада или Радости страсти» (1969 г.) неслучайно, «Кехинде» (1994 г.) [7] и «Новое племя»

---

[1] Именно так звучит фамилия писательницы в ее собственных устах, в русской транслитерации – Гьяси.

[2] Роман Б. Эмечеты «Граждане второго сорта» вышел в свет в 1974 г.

(2000 г.) [8], полные афро-британских реалий и реминисценций с акцентом на очевидность формирования новых идентичностей и, как следствие, общностей за пределами диаспор.

Б. Эмечета считала себя рассказчицей. Сторителлинг – традиция, присущая разным народам, в настоящее время развивается в обновленном формате [9, с. 23, 25–26]. Эпоха постмодернизма вовлекла в литературный контекст немало новых тем и имен, в том числе африканских. Молодое поколение авторов предприняло кибератаку на читателя, освоив пространство Интернета: сети, платформы, посты [10, с. 95] – и превратив их в главный инструмент ретрансляции своих историй.

Афрополиты («африканцы мира») – африканская интеллектуальная элита: Теджу Коул (родился в 1975 г.), Тайе Селаси (родилась в 1979 г.), Чимаманда Нгози Адичи (родилась в 1977 г.) и другие – обнаруживают устойчивую мотивацию и целенаправленные действия, направленные на то, чтобы стать знаменитыми [11, с. 92–94; 12]. Благодаря цвету кожи, они особенно заметны в инорасовой и инокультурной среде. Однако цвет кожи для них – не единственный и, конечно, не главный критерий идентичности. Главное – реализовать себя, свой дар, стать «видными» не только в силу соматических признаков.

Амбиции чернокожих мигрантов претенциозны. Показателен фрагмент книги Я. Джаси «Мир неземной» (2020 г.). Главная героиня романа Гифти (Gifty – в буквальном переводе с английского: Талант, Дар) – чернокожая американка, родители которой родом из Ганы. Гифти – молодой, подающий надежды исследователь. Она блестяще завершает свой научный эксперимент и работу над диссертацией (Ph.D), а на вопрос научного консультанта (куратора), чего бы ей хотелось в будущем, Гифти, рискует ответить только мысленно: «Мне нужны деньги и дом с бассейном; партнер, который меня любит; своя собственная лаборатория, где бы работали только самые блестящие и сильные женщины. Я хочу собаку, и Нобелевскую премию, и найти лекарство от зависимости, депрессии и всего остального, что нас беспокоит. Я хочу все и хочу хотеть меньше» [13, с. 267], и в итоге получает все или почти все, и добивается этого каждодневным многолетним трудом.

Образ жизни главной героини понятен не всем и не всеми принят. Она – автор блестящих научных статей – на первый взгляд,

типичная «яйцеголовая»[3] американка, но вряд ли ее можно назвать «открытой»; она совсем не склонна к разговорам, таит проблемы от родных, друзей и коллег, а свои мысли – весьма лаконично – излагает только на страницах дневника.

При чтении романа постоянно возникает аллюзия на тему эссе Г. Ч. Спивак «Могут ли угнетенные говорить?» [14]. Гифти востребована, и никто не пытается оценивать ее успехи в гендерном измерении. Однако развод родителей, смерть брата, ставшего жертвой наркотической зависимости, являются регулятором ее персональных достижений. Гифти, ученый-экспериментатор, «хочет быть хорошей» (о «хорошести» и «плохости» мира, в том числе внутреннего, размышлял и В. Набоков [15]; аллюзии на тему его историй также не редки в романе). В конце концов, Гифти обретает гармонию с собой. Она живет в ею же сконструированном мире, ставшем подобием эхо-камеры; главные болевые точки в нем – не комплексы, а травмы памяти. «Никто не входит в этот мир, никто из него не выходит» – строки из стихотворения «Границы» [16] американской поэтессы Шерон Олдс (родилась в 1942 г.) в качества эпиграфа предваряют роман, определяя одновременно множество его контекстов.

«Мир неземной» Я. Джаси практически лишен обыденных эмоций; они в прошлом, как и Африка, ее еда, которую Гифти не умеет готовить, традиционные наряды – красные, из грубой ткани, которые она отказывается надевать на похороны. Гифти понимает, что в Гане в ее жизни и жизни ее матери и брата все могло бы быть лучше или, по крайней мере, иначе, но она не в Африке… и не тоскует о ней.

Аналогии подобного рода можно найти и в размышлениях главного героя книги «Открытый город» Т. Коула. Джулиус, молодой психиатр, вполне комфортно ощущает себя в своем теле, не задумываясь о том, насколько темна или светла его кожа, так как родился от брака нигерийца и немецкой женщины-эмигранты. Его история, на первый взгляд, весьма хаотична, воспоминания наслаиваются одно на другое: его занимают мысли о прочитанном, увиденном, услашанном – это философия и литература, африканская и европейская, музыка, Густав Малер, произведения

[3] «Яйцеголовыми» в США называют интеллектуалов, университетских профессоров, эрудитов.

которого он любит, и джаз, который неожиданно входит в его жизнь, картины Яна Вермеера и картины повседневности, изображенные неизвестным американским художником в одном из небольших музеев Нью-Йорка занимают его.

Рефлексия и память занимают особое место в творчестве современных писателей-мигрантов и сближают их восприятие мира с отношением к Мнемозине со стороны В. Набокова. В «Даре» (1937 г.) отец Чердынцева рассказывает притчу о «человеческом глазе, хотящем вместить все на свете» [17, с. 121]. С точки зрения писателя таким «всевидящим оком» может быть только Художник (с большой буквы – *Т. Г.*), способный преодолеть пространство и время, благодаря наличию осмысленного и опосредованного опытом знания. И современная литература африканского зарубежья дарует своему читателю бесценный опыт мотивированного и осознанного бытия на рубеже культур, в состоянии транзита, который, по сути, становится одной из самых востребованных тем в африканской литературе XXI века.

Ссылки:

1. Набоков В. Ада, или Радости страсти. Семейная хроника. URL: https://librebook.me/ada_or_ardor__a_family_chronicle (дата обращения: 27.03.2022).

2. Patel Sh. Migritude. N.Y.: Kaya Press, 2010. 144 p.

3. Окри Б. Голодная дорога. Санкт-Петербург: Амфора, 2001. 653 с.

4. Emecheta B. Emecheta, B. Head above Water. An Autobiography. Cambridge, 1988. 229 p.

5. Emecheta B. Second-Class Citizen L.: Allison & Busby, 1974. 174 p.

6. Emecheta B. Adah’s Story. L.: Allison & Busby, 1995. 236 p.

7. Emecheta B. Kehinde. L.: Heinemann, African Writers Series, 1994. 144 p.

8. Emecheta B. The New Tribe. L.: Heinemann, African Writers Series, 1999. 160 p.

9. Хохолькова Н. Е. Голоса Африки: подкаст как новая форма устной истории // Обсерватория культуры. 2021. Т. 18. № 1. С. 22–31.

10. Хохолькова Н. Е. «Африканцы XXI века»: репрезентации транскультурной идентичности в виртуальном пространстве // Этнография. 2020. № 3 (9). С. 90–102.

11. Африка: постколониальный дискурс : колл. монография / отв. ред.: Т. М. Гавристова, Н. Е. Хохолькова. М.: ИАфр РАН, 2020. 248 с.

12. Гавристова Т. М. Афрополитизм: альтернатива космополитизму или трансформация идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2017. Т. 9. № 2. С. 159–172.

13. Гьяси Я. Мир неземной. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022. 288 с.

14. Спивак Г. Могут ли угнетенные говорить? // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 649-670.

15. Набоков В. Искусство литературы и здравый смысл // Набоков В. На чужих берегах. В поисках потерянного рая. М.: Алгоритм, 2017. С. 277-289.

16. Olds Sh. The Borders. URL: http: // famouspoetsandpoems. com/poets/sharon_olds/poems/19523 (accessed: 01.04.2022).

17. Набоков В. Дар // Набоков В. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. М.: Изд-во «Правда», 1990. 479 с.

УДК 94

А. Е. Гаврюшева

Чимаманда Нгози Адичи: TED-лекции

A. E. Gavryusheva

Chimamanda Ngozi Adichie: TED Talks

Ключевые слова: Чимаманда Нгози Адичи, современные медиа, TED-лекции.

Keywords: Chimamanda Ngozi Adichie, modern media, TED Talks.

Развитие международных отношений неизменно сопровождается унификацией в экономической, политической, научной и культурной сферах. Глобализация и цифровизация в свою очередь приводят к необходимости выведения коммуникации за пределы местных сообществ и организаций,

© Гаврюшева А. Е., 2022

стимулируя распространение информации в мировых масштабах [1]. Во второй половине XX века возник ряд крупных конференций для популяризации идей, ориентированных на научное сообщество и широкую общественность, где специалисты делятся информацией, ценной в рамках взаимодействия в области индустрии, бизнеса и творческих профессий. К числу таких проектов относятся, например, сообщества и конференции по UX-дизайну (The Gel Conference), архитектуре и дизайну (PechaKucha), теологии и религиозным теориям (The Veritas Conference). Существуют проекты, позволяющие популяризировать данные, доступные только специалистам, а также делиться личными историями и опытом (например, The Moth и Ignite).

Одним из самых знаменитых фондов, объединяющих тех, кто создает и тиражирует идеи и решения, является проект TED – Technology Entertainment Design, созданный в 1984 г. Р. С. Уарманом, включающий множество площадок и особенно популярный благодаря своей конференции [2]. Темы лекций могут быть связаны с наукой, искусством, политикой, культурой, глобальными и общественными проблемами. Среди докладчиков конференции TED были Нобелевские лауреаты, бизнесмены, социальные работники, телепродюсеры, общественные деятели: Билл Гейтс, Эл Гор, Сергей Брин, Илон Маск, Сэр Ричард Брэнсон, Боно, Филипп Старк, Иван Крастев, Исабель Альенде, Ален де Боттон, Гордон Браун и другие.

Нигерийская писательница Чимаманда Нгози Адичи, живущая в США, дважды выступала в качестве докладчика на конференции TED: в 2009 и 2012 гг. В своих выступлениях она в первую очередь затрагивает темы стереотипного мышления и дискриминации. Интерес к ее выступлениям обоснован актуальностью вопросов, поднимаемых ею.

Чимаманда Нгози Адичи считается одной из самых известных писательниц континента. За четверть века своей творческой активности она была номинирована на различные премии более 30 раз, а ее произведения переведены на 27 языков, включая русский [3; 4; 5; 6; 7]. Писательница затрагивает в своих работах множество актуальных социальных, культурных, индивидуально-психологических и творческих проблем, включая вопросы воспитания и образования, идентичности и феминизма. По ее мнению, задачей литератора является объективная ретрансляция

современных реалий, правдивый и трезвый взгляд на происходящее в Африке и Нигерии, в семье, профессии и т. д.

В 2009 г. Ч. Н. Адичи выступила на конференции TED с докладом на тему «Опасность единственной точки зрения» («The Danger of a Single Story») [8], где описывает негативное влияние односторонней трактовки событий. В своем докладе Адичи приводит целый ряд примеров стереотипного мышления, в частности, описывает реакцию своих собеседников на информацию о ее происхождении. Такую реакцию она определяет как «покровительственная благонамеренная жалость» (patronizing well-meaning pity) [8], сформированная под влиянием идеи, что любой африканец происходит из бедной голодающей семьи. Однако Адичи приводит и примеры, когда она сама из-за недостатка информации попадала в «ловушку единственной точки зрения» [8].

Среди причин формирования стереотипных представлений Ч. Н. Адичи называет недостаток знаний, предрассудки, почерпнутые из средств массовой информации или литературы, однако к их числу относит и сознательное формирование одностороннего взгляда на что-либо, часто в политических целях, для подавления достоинства человека или группы людей. Особенную опасность писательница видит в распространении подобных историй в литературе [8] и средствах массовой информации, поскольку на их основе читатели и зрители совершают обобщения и делают выводы о многих странах и народах.

Ч. Н. Адичи обращает внимание и на то, что литература и разного рода истории могут не только ущемлять чье-либо достоинство, но и формировать его. Она считает, что отказ от единственной точки зрения, от стереотипного мышления могут сделать общество гораздо «счастливее» [8].

В декабре 2012 г. Адичи представила на конференции TED доклад на тему «Мы все должны быть феминистами» («We Should All Be Feminists») [9]. Она начала свое выступление с размышлений о стереотипном восприятии феномена феминизма, об отрицательной коннотации этого понятия [9], возникающей в коммуникации на бытовом уровне, об образе феминистки как несчастливой, не состоявшейся в жизни женщины [9], акцентировав внимание на том, что идеи феминизма нередко не приемлют не только мужчины, но и женщины.

О гендерном неравенстве она рассказывает на примерах из собственной жизни и жизни своих знакомых [9]. В первую очередь Ч. Н. Адичи говорит о ситуации в Нигерии – стране, которую она знает лучше других, где она родилась и выросла, однако упоминает и своих американских коллег, вкладывающих много сил, чтобы быть замеченными. Она подчеркивает, что распределение женщин и мужчин на различных руководящих должностях на мировом уровне зачастую основывается не на способностях работников, а на представлениях об их гендерных ролях. Писательница считает, что данные представления на протяжении времени эволюционировали очень слабо, по сравнению с другими аспектами развития человеческого общества [9]. И зачастую общество игнорирует существование гендерного неравенства [9], считая, что оно осталось в прошлом, а социальные ограничения, присутствующие в жизни женщин, незначительны.

По мнению Ч. Н. Адичи, гендерное неравенство закладывается в детстве [9]. Она обращает внимание на то, насколько разные роли предписываются мальчикам и девочкам, что в равной степени создает проблемы для обоих полов. Мальчиков учат игнорировать боль и эмоции, мотивируя на проявление агрессии, на поведение «с позиции силы»; девочек воспитывают мягкими и податливыми, с детства внушая мысль о первостепенности брака в их жизни. Писательница предлагает воспитывать и обучать детей, опираясь на их интересы и способности, а не на их пол.

Ч. Н. Адичи упоминает о том, как можно обосновать варианты существующего гендерного неравенства. В их числе она называет биологическую (о подчиненной роли самки обезьяны по отношению к самцу) и социокультурную причины (о традиционной подчиненной роли женщины в африканской и не только африканской культурах). Она с возмущением возражает против подобных представлений, напоминая о различиях между обезьяной и человеком и о том, что культура и традиции созданы для того, чтобы служить людям, а не наоборот. В конце выступления писательница предлагает дать волю воображению и начать действовать, чтобы создать новый справедливый мир – мир, в котором и мужчины, и женщины станут более счастливыми и честными сами с собой.

В своих докладах Ч. Н. Адичи говорит в первую очередь о Нигерии, приводя лишь несколько примеров из жизни людей других культур. Однако, очевидно, социальные проблемы, которые

она затрагивает, в данный момент свойственны любому обществу и не теряют своей актуальности и остроты, не в последнюю очередь в связи с тем, что на бытовом уровне они не воспринимаются как проблемы, требующие решения. Выступления на популярных площадках, ориентированных на широкую общественность и представленных в записи для массового просмотра, привлекают внимание к данным темам, увеличивают количество вовлеченных людей, позволяя осознать наличие проблемы и начать предпринимать действия для ее решения.

Ссылки:

1. Гавристова Т. М., Мильто А. В., Хохолькова Н. Е. Современная история Африки (опыт классификации источников) // ЭНОЖ «История». 2020. Выпуск 8(94). https: // history. jes.su/S207987840008920-1-1 (дата обращения: 27.05.2022).

2. Галло К. Презентации в стиле TED: 9 приемов лучших в мире выступлений (Talk Like TED. The 9 Public-Speaking Secrets of The World’s Top Minds). М.: Альпина Паблишер, 2015. 252 с.

3. Адичи Ч. Н. Лиловый цветок гибискуса. СПб: Аркадия, 2018. 334 с.

4. Адичи Ч. Н. Манифест от женщины к женщине. М.: Бомбора, 2019. 128 с.

5. Адичи Ч. Н. Половина желтого солнца. М.: Фантом Пресс, 2017. 608 с.

6. Adichi Ch. N. Americanah. New York: Knopf, 2013. 477 p.

7. Гавристова Т.М. Африканка – «американка»: об издержках одного перевода на русский язык // Азия и Африка сегодня. 2018. № 6. С. 77–79.

8. Chimamanda Ngozi Adichie: The danger of a single story. URL: https://www.ted.com/talks/chimamanda_ngozi_adichie_the_danger_of_a_single_story (accessed 27.05.2022).

9. Chimamanda Ngozi Adichie: We should all be feminists. URL: https://www.ted.com/talks/chimamanda_ngozi_adichie_we_should_all_be_feminists (accessed 27.05.2022).

УДК 94(6).281

И. В. Герасимов

Суфийские братства в Дарфуре

I. V. Gerasimov

Sufi Brotherhoods in Darfur

Ключевые слова: Судан, Дарфур, ислам, суфизм, братство.
Keywords: Sudan, Darfur, Islam, sufism, brotherhood.

Дарфур, обладая уникальным географическим и геополитическим положением, всегда играл важную роль во влиянии на политическую, экономическую, культурную и идейную жизнь стран, располагавшихся к западу от него, и тех, что образовались в долине Нила. Доподлинно не установлено, когда в нем возникли мусульманские общины, однако исследователи склоняются к тому, что это произошло в конце правления династии даджу, правившей приблизительно в XIII–XV вв. [1, с. 101]. Через Дарфур проходили основные паломнические маршруты, позволявшие мусульманам из далеких африканских исламских стран добираться до Судана, а оттуда до Красного моря и далее – к аравийским берегам. Находясь в Судане, пилигримы делились знаниями в исламских науках, знакомили местных жителей со своими традициями. Это нашло отражение в формировании местного народного ислама.

С XVI–XVII вв. в Судане увеличилось число проповедников и мусульманских ученых, имевших авторитет в суфийских кругах. В Дарфуре все чаще стали появляться суфийские наставники. В их коранические школы – *халуы* – стекались ученики из Дарфура, Чада и более отдаленных областей Западной Африки. По мере расширения зоны влияния в Судане суфийских братств, они находили покровительство и защиту со стороны местных правителей. Им предоставлялось жилье, земельные наделы, уважение со стороны властей [2, с. 106–107, 138]

Суфийские братства в Дарфуре за несколько веков своего существования обрели влияние и мощную социальную базу. Они не исчезли, несмотря на борьбу с ними во время махдистского

© Герасимов И. В., 2022

восстания 1881–1898 гг. и в период англо-египетского кондоминиума 1899–1956 гг.

В настоящее время в Дарфуре действует около десяти суфийских орденов. Их довольно легко можно узнать по таким атрибутам, как цвет знамен, которые выносятся на улицы во время зикров по вечерам в четверг и по воскресеньям. Черный цвет знамени говорит о сторонниках Ахмада ал-Бадуи и братстве *ахмадийа*. Зеленый цвет означает принадлежность знаменосца и группы людей рядом с ним к *кадирийе*. Красный цвет является обязательным для знамен Ахмада ар-Рифаи и основанного им братства *рифаийа*, а белый характерен для знамени Ибрахима ад-Дусуки и братства *дусукийа (бурханийа-дусукийа-шазилийа)*. Знамя желтого цвета – символ братства *шазилийа* [3, с. 149].

История появления братств в Дарфуре свидетельствует о неравномерности их появления. Вероятно, старейшим братством является *кадирийа*. Считается, что в 1577 г. в Судан прибыл Тадж ад-Дин ал-Бахари, который принес с собой учение братства *кадирийи* в султанат фундж. Центром влияния стал поселок Абу Хараз. Позднее учение пришло в Дарфур.

В последнее десятилетие братство в Дарфуре представлял шейх Маджук, а затем его сын Мухаммад Маджук. В столице провинции городе Эль-Фашер филиалы братства расположены в кварталах Хиллат Хадж Хасан, Хай Шуба, Хай ал-Кади, Рубаа хамис (Пятый квартал).

Братство *шазилийа* было создано Абу-л-Хасаном Али аш-Шазили в XIII в. В Дарфуре главными шейхами братства являются люди из клана Ал Какум. Основной базой этого братства служит столица Эль-Фашер.

Братство *тиджанийа* было представлено в Дарфуре благодаря аш-Шарифу Ахмаду Каррару, который был первым распространителем его идей в Эль-Фашере в 1870 г. после того, как прибыл в него из Коби – торговой столицы султаната Дарфур. У него нашлись сторонники из числа местных адептов и особенно представители клана шейха Мухаммада Салми. На востоке Эль-Фашера образовался целый квартал, который стал называться *хай ат-тиджанийа* (квартал *тиджанийи*). В 1949–1950 гг. в Дарфуре побывал Ибн Омар – один из наиболее влиятельных шейхов *тиджанийи*, а в 1951 г. – Мухаммад ал-Хафиз ат-Тиджани. Он родился в Египте, но возглавлял братство в Дарфуре.

На развитие *тиджанийи* в Дарфуре оказывали влияние и шейхи несуданского происхождения, в частности, выходцы из кланов Ал ал-Кулуни (Сенегал) и Ахмада ат-Тиджани (Марокко). Из дарфурских и суданских наставников братства можно выделить Мудассира ал-Хиджази и Сулаймана Ахмада Мухаммада Усмана.

Путь братству *хатмийа* прокладывал в Судан Мухаммад Усман ал-Миргани ал-Хатми. Центр этого суфийского ордена находится в Кассале, но филиалы существуют в Дарфуре. В Северном Хартуме расположена мечеть Али ал-Миргани, считающаяся оплотом идейного влияния.

Братство *бурханийа-дусукийа-шазилийа* было основано шейхом Ибрахимом ад-Дусуки аш-Шарифи ал-Хусайни, который скончался в египетском городе Дусуке. В Судане учение братства распространял шейх Мухаммад Усман Абду ал-Бурхами (ал-Бурхани). Что касается Эль-Фашера, то основателем филиала братства *бурханийа-дусукийа-шазилийа* в городе считается покойный шейх Мухаммад Мухаммад Ахмад ал-Кутийаби.

Орден *исмаилийа* был основан в городе Эль-Обейд в Кордофане Исмаилом Абдаллахом (ал-уали). В 20-х гг. XX в. в Хартуме у братства было много последователей. В Дарфуре основателем филиала братства был Мухаммад Али Абусам. Клан Абусам составляет ядро руководителей братства в Дарфуре.

Братство *ансарийа* было создано Мухаммадом Ахмадом ал-Махди. Практически во всех кварталах Эль-Фашера проживают последователи братства.

Братство *ахмадийа идрисийа* имеет в Дарфуре широкую социальную базу. Наиболее активными последователями братства в Эль-Фашере были люди из клана Ал ас-Синнари и Ал Мухаммад ат-Тахир Абу Сафита. У братства тесные связи с мечетью «Джамиа ал-Адариса» в квартале ал-Маурида в Омдурмане. Внутри дарфурского ордена *ахмадийи* выделяются два филиала *ахмадийа бадууийа*, родоначальником которой является шейх Ахмад ал-Бадуи, *ахмадийа рифаийа* во главе с Ахмадом ар-Рифаи.

В августе 2013 г. автору этих строк удалось побывать в Абу Шаук – одном из трех крупных лагерей для беженцев на территории Эль-Фашера. Делегацию, состоявшую из представителей Западной Европы и России, встретил директор Ибрахим ал-Халил Шейхаллах. Он проводил нас по территории, рассказал о проблемах обучения детей, отношениях между людьми, представлявшими разные племена

Дарфура, и деятельности мечетей на территории лагеря. Проходя мимо торговых рядов, мы оказались у небольшого глинобитного дома. Рядом с ним лежал кусок металлического листа с надписью «*Бурханийа-дусукийа-шазилийа*». Вскоре недалеко от этого места появился человек, которого директор лагеря представил как главу братства. Зная, мой интерес к суфийским общинам Судана, директор лагеря и суфийский наставник предложили мне присоединиться к братству. Я вежливо отказался. Тем не менее, с поощрения Ибрахима ал-Халила Шейхаллаха глава братства протянул мне маленькую настольную книгу с *вирдами* братства. Так он выразил свое искреннее желание, чтобы я ближе познакомился с основными текстами братства и в следующий раз обязательно вступил в него.

На лицевой обложке брошюры в верхней части написано: «Маджмуат ал-аурад» (Собрание вирдов), на следующей строке – «ат-Тарика ал-бурханийа ад-дусукийа аш-шазилийа» (Братство бурханийа-дусукийа-шазилийа), «Абна аш-шейх Мухаммад Усман Абду ал-Бурхани» (Последователи шейха Мухаммада Усмана Абду ал-Бурхани). Также следует фраза: «Да будет доволен им Аллах». Под этими строками помещено изображение могилы выдающегося праведника, а за ним имя – шейх Мухаммад аш-Шейх Ибрахим Мухаммад Усман Абду ал-Бурхани. На последней странице обложки указан адрес главного офиса братства – Хартум –Комплекс имама Али б. Аби Талиба, да возвеличит его Аллах!

В конце брошюры, объем которой составляет 127 страниц текста, отмечено, что текст напечатан в Объединенных Арабских Эмиратах 9 марта 2004 г.

Сборник дополнительных молитв – *вирдов* – братства состоит из следующих текстов: Хатим ас-салауат (Печать молитв), ал-Асас (Основа), ат-Тахсин аш-шариф, ал-Хизб ал-кабир (Господину Ибрахиму ад-Дусуки), ал-Хизб ас-сагир (Господину Ибрахиму ад-Дусуки), ас-Салату-л-Мухаммадийа (Господину Ибрахиму ад-Дусуки), Салату Ибн Башиш (Господину Абд ас-Саламу б. Башиш), ал-Хизб ас-сайфи (Имаму Али, да возвеличит его Аллах!), ал-Хизб ал-мугни (Господину Ууайсу ал-Карани), Хизб ал-Бахр (Господину Абу-л-Хасану аш-Шазили), Хизб ан-Насри ал-мубарак (Господину Абу-л-Хасану аш-Шазили), ат-Тауассул (Мольба), Тауассул ас-садата-л-бурханийа (Мольба, направленная к праведникам братства бурханийа), Силсилат ал-машаих ас-сагира, Силсилат ал-машаих ал-кабира, ал-Аурад ал-марбута [4].

Из перечисления названий *вирдов* можно судить о духовных учителях и идеологии братства *бурханийа-дусукийа-шазилийа*.

Заучивание *вирдов* происходило на специальных уроках, которые давали авторитетные наставники адептам братства. Учитель комментировал текст дополнительных молитв, объяснял его значение и давал наставление о последовательности и времени прочтения *вирда*. Каждое братство имело свой определенный набор *вирдов*, по ним можно судить о принадлежности человека к тому или иному суфийскому ордену.

С учетом богатой палитры суфийских братств в Дарфуре, очевидно, что их изучение позволит глубже усвоить особенности религиозных отношений в местном обществе, уяснить наименования и объем суфийских дополнительных молитв – *вирдов*, являющихся элементом духовной связи между наставником и последователем братства.

Ссылки:

1. Герасимов И. В. История и культура Судана XVI–XVIII вв. СПб.: Галерея Печати, 2018. 480 с.: ил.

2. Ибн Дайфаллах Мухаммад Нур. Табакат фи хусус ал-аулийа уа ас-салихин ал-улама уа-ш-шуараа фи-с-Судан (Книга разрядов о исламских подвижниках, праведниках, ученых и поэтах в Судане). Хартум: Дар ат-таалиф уа ат-тарджама уа ан-нашр, 1974. 424 с. (на араб.яз.).

3. Абд ал-Азиз, Джибрил Абдаллах Али. Мин тарих мадинат ал-Фашир. Хартум, 2012. 724с. (Из истории города Эль-Фашер) (на араб.яз.).

4. Маджмуат ал-аурад ат-тарика ал-бурханийа ад-дусукийа аш-шазилийа. ОАЭ, 2004. 127с. (Собрание вирдов братства бурханийа-дусукийа-шазилийа) (на араб.яз.).

УДК 94 (97)

Е. В. Годовова

Казаки в Африке (по материалам дневника начальника конвоя Российской Императорской миссии в Абиссинию в 1897–1898 гг.)

E. V. Godovova

Cossacks in Africa (based on the materials of the diary of the head of the convoy of the Russian Imperial mission to Abyssinia in 1897–1898)

Ключевые слова: Африка, Россия, казаки, источники личного происхождения, миссия в Абиссинию, дневник.

Keywords: Africa, Russia, Cossacks, sources of personal origin, mission to Abyssinia, diary.

В 1897 г. Петр Николаевич Краснов был назначен начальником конвоя первой русской дипломатической миссии в Аддис-Абебу (Абиссиния, сегодня – Эфиопия). Это путешествие он описал в своем дневнике, уточняя в предисловии, что его записи не могут служить гидом или научным исследованием, это – «моментальная фотография глаз моих» [1, с. 1].

В первой главе дневника содержатся сведения о сборах в дорогу. Здесь автор очень подробно описывает снаряжение казаков. Все необходимые вещи разделены им на три категории: по способу укладки, по местам их употребления и по роду вещей: казенные и собственные. В первую категорию были отнесены парадное снаряжение и часть белья – то, что могло понадобиться казакам в Энтото – столице Абиссинии. Во вторую категорию вошли вещи, которые необходимы в пустыне: оружие, патроны, седла, вьюки, фланелевое белье и проч., а в третью – вещи ручного багажа, бурки, верблюжьи куртки, запас белья, мелочи походной жизни, белые фуражки и проч. [1, с. 5]. На снаряжение и обмундирование, которое не выдавалось из казны, казаки получили по 100 рублей подъемных.

В дневнике дано очень интересное описание напутственного молебна, состоявшегося за два дня до отъезда. Пофамильно

© Годовова Е. В., 2022

и с краткой характеристикой П. Н. Краснов называет в первой главе и всех участников миссии.

Автор красочно описывает морское путешествие на пароходе «Царь» и сухопутные прогулки по городам, в порты которых заходят казаки миссии. Про Александрию П. Н. Краснов пишет: «Едва я сошел с берега и вступил в арабскую часть города, как попал в сеть узких улиц, застроенных какими-то грязными, наскоро побеленными балаганами. У раскрытых дверей их кипела жизнь. Женщины в черных платьях, с черными полотенцами, спускающимися со лба почти до пояса, с безобразными катушками, обитыми медью, на переносице, сидели у входа. Арабы и арабчата, суданцы и негры толпились кругом, занятые ничегонеделанием. Едва увидели они меня, как из среды их уже отделились темные личности. На ломаном русском и французском языках они предлагали свои услуги в качестве гидов. Уговаривали пойти досмотреть danse du ventre, купить фотографии, магические карты. Маленькие девочки 12-ти–15-ти лет предлагали тут же, на улице, проплясать танец живота. Жизнь лезла, как и везде на востоке, наружу со всеми своими неприглядными сторонами <…>

В европейской части города леность и попрошайничанье арабов не так заметны. Улицы широки, магазины прекрасны. Всюду газовые фонари, местами в отелях электричество…» [1, с. 35].

Абсолютно не впечатлил автора дневника danse du ventre, или танец живота. По его мнению, он некрасив и неизящен, а неестественные движения утомляют глаз [1, с. 42]. Другое впечатление на автора дневника произвели сомалийские женщины. Он пишет, что одеты они лучше их мужчин. Ноги закрыты длинной пестрой тканью, наподобие малороссийской плахты, грудь прикрыта чем-то вроде рубашки [1, с. 62].

Возмутило П. Краснова обращение сомалей и абиссинцев, проживающих в Джибути, с лошадьми: «Те лошади, которых они приводили ко мне, все без исключения были плохо кормлены, отвратительно содержаны. У всех побитые абиссинским седлом спины, кости, выдавшиеся вперед, ощипанные хвосты, косматые гривы, обломанные копыта. С узкой грудью и с вислым задом, они только умными глазами своими говорили о тех голодовках и тех истязаниях, которые они вынесли» [1, с. 75].

Столкнулись казаки миссии и с экстремальностью: тропическое солнце обжигало лицо и руки. Нос, щеки, губы

трескались и болели. У многих на губах появились язвы. Кожа облезла, а солнце пекло сильнее и сильнее [1, с. 115]. Жаркие дни сменялись холодными и сырыми ночами. Но не только с суровыми погодными условиями гор и пустыни столкнулись путешественники. Оказалось, сложно организовать и само передвижение. Автор дневника пишет: «Трудно формировать здесь караваны, трудно идти вперед с этими людьми, не признающими ни дисциплины, ни порядка, но лишь личную выгоду. Употребить силу – обидятся и уйдут. Насилие – бросят караван среди пустыни. Много нужно терпения, спокойствия, выдержки, чтобы разговаривать с этими людьми, чтобы иметь с ними дело. Африка – страна, где можно или учиться терпению, или потерять последнее» [1, с. 91].

Большое впечатление на читателя дневника производит описание городов Харара и Аддис-Абебы и местности: «Абиссиния – африканская Швейцария. Эти горные склоны, покрытые лесом, красивее и богаче европейских лесов. Размер и форма этих гор грубее и резче, растительность удивительно разнообразна. С каждым шагом открываются новые красоты» [1, с. 177].

Жизнь казаков миссии в Аддис-Абебе была строго регламентирована. Утро начиналось с уборки палаток, затем лошадей вели на водопой, завтрак (чай с хлебом), и в 7 утра начиналось конное учение, в завершение его проводилась джигитовка, на которую приходили смотреть и местные жители. После – часовой перерыв, а затем пеший строй и гимнастика. Вечером – чтение уставов и воспоминания-беседы с начальниками. После вечерней уборки в сыром от дождя воздухе звенит и замирает тоскующей нотой казачья песня. Перекличка и отбой после молитвы в восемь вечера [1, с. 255–258].

Обратный путь миссии был не менее трудным, но уже не так подробно описан автором дневника. В заключение он пишет, что Абиссиния – сказочная страна, со сказочным добрым и гуманным царем, и она на 400 лет отстала в развитии от Европы, именно поэтому так интересно было в ней побывать, посмотреть эту «феодальную роскошь князей и бедноту им подвластных крестьян» [1, с. 291–292].

Итак, опубликованный дневник П. Н. Краснова рассказывает читателям о таинственной стране, в которую автору посчастливилось отправиться во главе миссии.

Ссылки:
1. Краснов П. Н. Казаки в Африке. Дневник начальника конвоя Российской Императорской миссии в Абиссинию в 1897–1898 г. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1899. 292 с.

УДК 93/94

В. В. Грибанова

Потомки россиян на юге Африки: связь времен и культур

V. V. Gribanova

Descendants of Russians in Southern Africa: connection of times and cultures

Ключевые слова: Африка, Россия, контакты, взаимодействие культур.
Keywords: Africa, Russia, Contacts, Interaction of cultures.

Эмиграция в Намибию (тогда – Юго-Западную Африку, ЮЗА) осуществлялась двумя путями. Большинство выходцев из России составляли евреи, ранее прибывшие в Южную Африку, а затем перебравшиеся в эту страну, преимущественно после установления контроля ЮАС над бывшей германской колонией по итогам Первой мировой войны. Вторая, совсем небольшая, группа выходцев из России прибыла в тогдашнюю Юго-Западную Африку через Германию. Представителями этой группы были семьи Мосоловых и Крафтов, оставившие заметный след в области культуры, военного дела и предпринимательства дореволюционной России. Данный материал представляет собой анализ интервью с потомками этих семей, до настоящего времени проживающих на юге Африки и сохраняющих культурную и историческую связь с Россией. Интервью были проведены автором в ходе исследовательской поездки 2019 г. в ЮАР и Намибию вместе с В.Г. Шубиным. Беседа с Сабиной Мосоловой состоялась в ее небольшом доме в районе Сомерсет-Уэст на юго-восточной окраине Кейптауна (ЮАР), а с Михаилом Крафтом – на ферме Дордабис, недалеко от Виндхука (Намибия) [1].

© Грибанова В. В., 2022

Не так уж часто на юге Африки можно встретить потомков эмигрантов послереволюционной волны, которые сохранили бы живой интерес к России, русской истории и культуре. За прошедшее столетие дети, внуки, правнуки наших соотечественников ассимилировались на новой родине. Сын Николая Крафта и дочь Николая Мосолова поделились услышанным от своих родителей. Живое повествование, субъективное и, возможно, не всегда исторически безупречное, было дополнено материалами исторических исследований.

История Крафтов началась, когда прапрапрадед приехал в 1742 г. из Германии в Ревель (с 1919 г. называется Таллин). С партнером они основали там пивоварню, накопили денег. В 1765 (или 1766) г. он по призыву Екатерины II переехал в Москву. Позднее занялся хлопковым делом. Николай Александрович Крафт (прадед) женился на Лидии Перловой, и мать всегда говорила Михаилу, что она была связана с известной семьей чаеторговцев.

Действительно, его прабабушка Лидия Флорентьевна Перлова была дочерью Флорентия Васильевича Перлова и Елизаветы Карловны Пфел, лютеранки. Два ее дяди, Семен и Сергей, были видными торговцами чаем, последний владел знаменитым «чайным домиком», магазином на Мясницкой улице в Москве.

Из России Крафты уехали в 1918 г. в Ревель. У деда было пять детей, а отцу Михаила тогда было 16 лет. Оттуда переехали в Южную Германию, открыли там дело. В Германии они поселились в Фрайбурге, недалеко от французской границы. Там было большое русское сообщество. Отец Михаила Николай в Германии выучился на инженера, после двух лет практики получил хорошую работу в Париже, в компании по строительству кранов для судов. К сожалению, он заболел туберкулезом, врачи отправили его для лечения в Давос (Швейцария). Там отец встретил свою будущую жену, тоже немку. Он был очень болен, и она предложила ему уехать в Виндхук, потому что там сухой, хороший для больных туберкулезом климат. Николай с ней уехал туда, здоровье его поправилось, он прожил еще 30 лет.

Отец Михаила ничего не знал о фермерстве, но фермерами была семья его жены. Тогда основное занятие у фермеров было разведение каракулевых овец. В 1935 г. «дед из Германии приехал с визитом и предложил делать из их шерсти ковры, и мать занялась этим». В Ибенстейне, в километре от фермы Дордабис, на которой

сейчас живут Крафты, была создана мастерская по производству ковров. После Второй мировой войны в 1952 г. «мать поехала в Германию и закупила там оборудование, завели прядильное производство. Сейчас этим заниматься трудно, ремесленное производство очень дорогое, но 30 лет эта мастерская успешно работала, пока мать ее контролировала». Затем мастерская перешла к сестре Михаила, но у нее «не очень получалось» [1].

Во время Второй мировой войны в Намибии было много проблем для немцев. Всех мужчин интернировали и отправляли в Южную Африку. Хотя отец Михаила никогда не имел германского паспорта. Когда они приехали из России, у всех в семье были нансеновские паспорта[1]. Тем не менее, он также был интернирован, но смог защитить себя в суде и вернуться на ферму.

Каракулеводство было очень выгодно в Намибии, где сухой климат. Но движение «зеленых» обрушило рынок буквально за год в 1970-х гг. «В 1975 г. в Намибии было 5 млн. каракулевых овец, теперь, может быть, 100 тысяч». Крафты превратили ферму в хозяйство, связанное с наблюдением за дикими животными и охотой на них. Здесь их множество: крупные антилопы (эланд, куду, орикс), жирафы, зебры, бородавочники. «Теперь стало много ферм, имеющих диких животных (game farms). Туристы из других стран охотятся, делают фотографии, платят очень хорошие деньги за проживание» [1].

Михаил начал завозить диких животных в 1971 г.; их становится все больше и больше, а охотники убивают, может быть, лишь 1 % из них, но других тоже нужно изымать: «иначе не будет хватать корма, и они погибнут» [1].

Россию Крафты посетили в 2001 г., побывали в Москве и Санкт-Петербурге, увидели имения, принадлежавшие их предкам, где, к их удивлению, сохранилась память о прежних хозяевах.

Отец второй респондентки, Сабины, Николай Константинович Мосолов уехал из России подростком в 1923 или 1924 г. Жил он с отцом и матерью в Санкт-Петербурге. Мать его, Ксения, была балериной, отец – офицером. Семья матери традиционно имела высокое положение в обществе; ее дед Вольдемар, например, был личным врачом Николая Первого. Дядя матери Владимир Теляковский был директором Большого театра в Москве

[1] Они выдавались Лигой Наций для беженцев без гражданства.

и Мариинского – в Петербурге; он написал мемуары, в том числе о Шаляпине [2].

Во время Первой мировой войны мать Николая выступала перед ранеными солдатами, а затем добровольно стала медсестрой. Получила благодарность «за храбрость». У нее были и балтийские корни. Ее девичья фамилия Энгельгард, поэтому у нее была возможность выехать из России, что она сделала, переехав в Эстонию, в Таллин. Николай оставался в Петербурге с отцом. Когда отец умер, в 1923 или 1924 г. мать приехала и увезла его в Эстонию. Николай получил эстонский паспорт, который не раз спасал его. Он учился в Эстонии, позднее изучал классическую археологию и историю искусств в Берлинском университете Гумбольдта, занимался как археолог римскими саркофагами, а в 1939 г. получил докторскую степень.

В 1928 г. мать Николая уехала из Эстонии в Намибию с ее будущим мужем, по фамилии Мартенс, из семьи живших в России немцев. Это была знаменитая семья меховщиков, они являлись поставщиками мехов к императорскому двору. В Эстонии у матери была школа танцев, в Намибии она тоже начала давать уроки танцев.

По отцовской линии род Мосоловых идет «от потомков Чингиз-хана», происходит от мурзы Ахмета, прибывшего в Москву в XIV в. Поэтому на гербе рода – полумесяц. Дед был из Киева. Его двоюродный дядя, генерал Федор Иванович Мосолов, «был в русских войсках, занявших Париж» [1].

В Виндхуке, куда также перебрался из Германии отец Сабины накануне Второй мировой войны, он женился на немке, которая по происхождению была из Восточной Германии, из Штральзунда.

В Намибии, чужой стране, историку, археологу делать было нечего, тем более в разгар мировой войны. Власти ЮАС всех немцев интернировали, но эстонский паспорт снова спас его. Пришлось завести небольшую ферму, чтобы разводить овец. Был и сад, где выращивали виноград, другие фрукты. Николай Мосолов интересовался историей Намибии, но южноафриканские власти не признавали его докторскую степень. Он не был южноафриканцем, хотя во время войны принял южноафриканское гражданство. Все, что он делал, воспринималось с подозрением: русского происхождения, говорит по-немецки и по-русски, эстонец. Власти не могли определить, кто он такой.

Николай работал в архивах некоторое время, но лишился работы и начал изучать историю Намибии. Отец Сабины любил стиль жизни в Намибии, но не хватало университетской библиотеки, интеллектуального обмена, и он удалился в свой маленький мир, писал книги, а днем занимался огородничеством.

Николай Мосолов издал ряд трудов о Намибии [3; 4; 5; 6], выучил язык гереро. Ему было нелегко, он «был изолирован, хотя получал газету на русском, кажется, из Нью-Йорка и Парижа», выписывал «Le Monde».

Владея русским языком, отец Сабины, по ее словам, спас много жизней. Суда заходили в Уолфиш-Бей, поскольку другой порт, Людериц был далеко, а отправляли больных, в основном рыбаков, в частный госпиталь в Виндхуке. Всегда вызывали его, и он переводил разговоры доктора с пациентом, «сам осматривал рану, говорил доктору, что рана еще не зажила, и пациента рано выписывать».

У Сабины Мосоловой много фотографий с советскими моряками. На одной из них изображены она сама, маленькая девочка лет четырех-пяти, ее отец, болгарский врач и советский моряк – пациент. Моряки были в больнице в Виндхуке почти постоянно, каждый месяц кого-то там госпитализировали. Находились они там долго, нередко месяца два, конечно, им было скучно, а Николай рад был поговорить с ними по-русски. В те годы связей между Южной Африкой и Россией не было, «друг друга к себе не пускали», а контакты с моряками в Виндхуке, очень редкий случай, были «чудесным взаимодействием» [1].

В Кейптаун семья Мосоловых перебралась только в 1987 г. Отец интересовался работой Института по изучению марксизма при Стелленбосском университете, исследователи консультировались с ним: он был единственным, кто знал русский язык. К сожалению, отец прожил после переезда из Намибии только полтора года, заболел пневмонией и скончался. Он не смог, хотя надеялся, съездить в Россию. Мать умерла в возрасте 88 лет.

---

[2] После введения в начале 1960-х гг. санкций против ЮАР советские суда заходили в южноафриканские порты только в исключительных случаях: в случае болезни и особенно ранений членов экипажей. Заходили они и в порт Уолфиш-Бей, оттуда моряков переправляли с больницу в Виндхуке.

[3] К тому времени он уже был переименован в Институт советских исследований.

Отец жалел, что Сабина как следует русский язык не выучила; сами они с бабушкой по-русски разговаривали. Но сама Сабина считает, что выросла в русской культуре. Пища в семье была русская – борщ, пирог с капустой, кулебяка (все эти слова она произносила чисто по-русски). Бабушка в пасху готовила творожную пасху (у Сабины сохранилась форма) и куличи. Сохранила она украинский костюм бабушки, в котором сама Сабина была, когда занималась в мастер-классе Галины Вишневской в Зальцбурге в 1988 г. Сабина надеется приехать в Россию.

Ссылки:

1. Личный архив автора. Интервью. 15 мая 2019 г.
2. Теляковский В. А. Воспоминания. М.: Искусство, 1965. 484 с.
3. Mossolow N. The History of Namutoni. Windhoek: Alemán, 1983. 201 p.
4. Dr. N. Mossolow. Otjikango oder Gross Barmen. Windhoek: Alemán, 1968. 175 p.
5. Dr. N. Mossolow. This was Old Windhoek. 3rd Edition. Windhoek: Alemán, 1974. 132 p.
6. Dr. N. Mossolow. Waterberg. Windhoek: John Meinert (Pty) Ltd, 1992. 56 p.

УДК 64+811.4

Н. В. Громова

Африканские языки в постколониальном дискурсе

N. V. Gromova

African Languages in Postcolonial Discourse

Ключевые слова: Африка, местные языки, европейские языки, выбор панафриканского языка.

Keywords: Africa, local languages, European languages, choice of Pan-African language.

Существование множества языков в Африке затрудняет проведение сбалансированной языковой политики. Во многих

© Громова Н. В., 2022

странах предпочтение отдается языку бывшей метрополии. На роль панафриканского языка претендует суахили, но существуют экономические и политические препятствия.

Современная языковая карта Африки во многом является наследием колониальной эпохи. Ко второй половине XIX в. многие регионы Африки уже находились во власти метрополий, которым принадлежали колонии на западном и восточном берегах. Все лингвистические исследования этого периода продемонстрировали, что в Африке есть много разнообразных языков, требующих своего изучения. К началу XX в. все крупные и многие миноритарные языки Африки уже были введены в научный оборот европейскими лингвистами.

В практическом отношении колониальные власти на территории своих колоний делали акцент на использовании одного крупного межэтнического языка, который осуществлял коммуникацию между европейскими властями и африканским населением. В частности, в Восточной Африке таким языком был суахили, в Тропической Африке – лингала, санго, в Западной Африке – хауса. Эти же языки использовались в борьбе за независимость против колониального господства.

Итак, к 1960 г., «году Африки», когда большинство африканских стран добились независимости, языковая карта Африки приобрела свой нынешний вид. Из-за проведенных колонизаторами искусственных границ в период колониального раздела Африки (1870–1918 гг.), в рамках одного государства оказались народы с разными языками. Остро встал вопрос о выборе государственного языка как символа независимости. Попытка объявить один из автохтонных языков государственным приводит к серьезным сепаратистским последствиям. Так, после достижения независимости в 1960 г. и создания Республики Мали её государственным языком был объявлен бамана, на его основе проводилась кампания по ликвидации безграмотности. Туареги, живущие на севере страны, отказывались его учить, считая бамана языком с низким престижем. В результате возникли многочисленные восстания и конфликты между туарегами пустыни и малийской армией. Достаточно также вспомнить «самоотделившуюся республику Биафра» и гражданскую войну в 1967–1970 гг. на юго-востоке Нигерии как ответ народности, ибо на доминирование хауса в нигерийском федеральном

правительстве. Подобную ситуацию наблюдаем и в наши дни, в частности, на севере Эфиопии, где в 2020 г. вспыхнуло вооружённое противостояние между федеральным правительством Эфиопии и властями автономного региона Тыграй. Немаловажную роль в нем играют этносоциальный и языковой факторы.

Проблема выбора национального языка в качестве официального/государственного языка стала одним из важных вопросов языкового планирования, проводимого молодыми независимыми государствами Африки. Для того, чтобы избежать этноязыковых столкновений, практически все государства Африки предпочли оставить в качестве государственных языков языки бывших метрополий – английский, французский, португальский. В отдельных регионах Африки местные языки включались в официальную коммуникацию (например, суахили в Германской Восточной Африке), издавались газеты на африканских языках.

В настоящее время в странах континента в качестве государственного языка используется один (или два) из колониальных языков. При этом статус официального языка не имеет четкого определения в конституциях полиэтничных стран Тропической Африки. В некоторых странах наряду с европейским языком широким коммуникативным статусом обладает один из исконных языков (суахили в Танзании и Кении), в других странах местному языку приписывается статус узкорегионального (хауса в Нигерии) или рабочего языка правительства (амхарский в Эфиопии). В государстве Эритрея вообще нет государственного языка, используются в коммуникации языки английский, итальянский и местные тиграй и тигре.

Неоднократно поднимался вопрос о едином для всей Африки языке. Так, еще в начале 1960-х гг. президент независимой Ганы Кваме Нкрума призывал к единству всей Африки и предлагал в качестве объединяющего все африканские народы язык суахили. В 1982 г. в прессе Нигерии обсуждался вопрос о замене официального английского языка языком хауса, локализованного на севере страны, что вызывало возмущение у проживающих на юге страны народов. В этой ситуации известный нигерийский писатель, драматург, поэт Воле Шойинка (лауреат Нобелевской премии по литературе 1986 г.) предложил использовать суахили в качестве государственного языка Нигерии. С призывом превратить суахили в общеафриканский лингва франка выступал известный ганский

писатель Айи Квей Арма в 1985 г. и многие другие деятели культуры Африки. Совет Министров Организации Африканского Единства еще в 1986 г. принял резолюцию об использовании языка суахили в качестве языка общения на африканском континенте.

В последнее время вновь поднимается вопрос о статусе и будущем суахили как общеафриканского языка, который позиционируется как язык африканского освобождения (*African liberation*), объединения (*unification*) и возрождения (*renaissance*) Африки. Суахили является одним из 10 наиболее распространенных языков в мире, на нем говорят более 200 миллионов человек. Носители суахили распространились более чем в 14 странах: Танзания, Кения, Уганда, Руанда, Бурунди, Демократическая Республика Конго (ДРК), Южный Судан, Сомали, Мозамбик, Малави, Замбия, Коморские острова, а также Оман и Йемен на Ближнем Востоке. Страны Юга Африки, такие как Южная Африка и Ботсвана, ввели его в школьные программы, Намибия и другие страны рассматривают возможность последовать этому примеру. В настоящее время суахили – государственный язык Танзании, Кении и Уганды, наряду с английским; значительно возросли его функции за пределами региона: суахили признан официальным языком Африканского союза, Восточноафриканского сообщества, куда входят помимо Танзании, Кении и Уганды Руанда, Бурунди, Демократическая Республика Конго с возможным присоединением к Сообществу других пограничных стран, Восточноафриканской законодательной ассамблеи, официальным языком Сообщества развития стран Юга Африки (САДК).

В ноябре 2021 г. по единогласному решению ЮНЕСКО дата 7 июля была объявлена «Всемирным Днем языка суахили в мире» и будет отмечаться ежегодно на международном уровне наряду с шестью другими официальными языками ООН (английский, французский, испанский, русский, арабский и китайский).

Казалось бы, есть все предпосылки в пользу суахили как панафриканского языка. Но, к сожалению, имеется ряд факторов, препятствующих достижению этой цели.

Во-первых, в наследство от европейской колонизации Африке достались и европейские языки, ставшие официальными в колониях. В зависимости от метрополий Африка южнее Сахары оказалась поделена на франкофонную, лузофонную и англофонную зоны. Существование множества языков Африке является

серьезным тормозом для осуществления целей грамотно сбалансированной языковой политики. В таких условиях язык бывших колонизаторов де-факто является языком межэтнического общения. Однако большой процент населения не может пользоваться иностранными языками, прежде всего, в силу своей неграмотности.

Во-вторых, с точки зрения экономики нереально даже в отдаленной перспективе подготовить преподавателей и учебную литературу для Западной и Юго-Западной Африки (для франкофонной и лузофонной зон) притом, что в настоящее время из системы образования вытесняются местные языки.

В-третьих, влияние глобализации проявляется в стремлении изучать лишь английский язык в ущерб автохтонным языкам.

Можно назвать и ряд других, более мелких, причин, которые делают задачу принятия общеафриканского языка практически невыполнимой на современном этапе. По-прежнему в языковой ситуации и языковой политике стран Африки продолжается некое балансирование между автохтонным и европейским языками, которое можно охарактеризовать словами камерунского прозаика Монго Бети: «эта вечная борьба, эта затянувшаяся игра, в которой каждая из сторон <…> постоянно терпела поражения, никогда в них не признавалась и не могла окончательно закрепить победу» [1].

Возможное решение проблемы панафриканского языка – это признание самого широко распространённого лингвафранка в качестве регионального и всестороннее содействие его активизации для этих целей. Хороший пример – широкие коммуникативные функции языка суахили в суахилиязычном регионе Восточной Африки и признание его роли мировым сообществом (ЮНЕСКО). На роль региональных языков могут претендовать хауса в Западной Африке, возможно, бамана – в Северо-западной Африке, зулу или коса – в Южной Африке, малагасийский язык – на Мадагаскаре. Время покажет!

Ссылки:

1. Монго Б. Помни Рубена. URL: https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/476391-mongo-beti-pomni-rubena.html (дата обращения: 01.04.2022).

УДК94(6) + 373.167.1

Е. С. Данилов

Средневековая Африка в российских школьных учебниках*

E. S. Danilov

Medieval Africa in Russian School Textbooks

Ключевые слова: Африка, Россия, Средневековье, школьное образование, учебник.

Keywords: Africa, Russia, Middle Ages, school education, textbook.

В российском школьном образовании отсутствуют специальные предметы, связанные с изучением истории стран Азии и Африки. Соответствующие темы можно найти в курсе всеобщей истории, проникнутом духом европоцентризма. Материал о средневековом этапе жизни африканских социумов иногда встречается в учебниках по истории Средних веков. Указанные издания имеют своей целью осветить период западноевропейского Средневековья.

В последние три десятилетия осуществляется попытка передать «дух Средневековья» через обращение к истории не только стран Европы и Азии, но также Америки и Африки, что характерно для большинства, но не для всех видов современной учебной литературы [1–4]. Однако образовательный эффект подобных экскурсов, их научная глубина и методическая целесообразность оставляют желать лучшего. Рассмотрим практику преподавания истории средневековой Африки на примере самых распространенных школьных учебников.

Фактология. Содержательно большинство рассмотренных учебников дают представление об Африке по следующему плану. Вначале идёт экскурс в природно-географические условия, затем следует констатация того, что Север Африки и территория к югу от Сахары резко отличаются друг от друга по уровню освоенных африканцами технологий и культурных достижений. Внескольких предложениях (а то и словах) представляются Аксумское царство, Эфиопия, Гана, Мали, Мономотапа, Могадишо и Занзибар.

* Работа выполнена при поддержке проекта ЯрГУ VIP-018.

© Данилов Е. С., 2022

Из персоналий вспоминаются аксумский правитель Эзани, малийский Манса Муса. Чаще всего для усвоения даётся один социальный термин – негус (титул правителя Эфиопии). Преобладают топонимы. В виде заключения подчеркиваются общие тенденции в развитии африканских земель, сжато описывается культура, упоминается о начале эпохи работорговли.

Наглядность. Для любого учебного пособия весьма важен иллюстративный материал. Обычно в параграфах, посвященных Африке, присутствуютне больше пяти изображений: портрет Мансы Мусы из Каталонского атласа XIV в., фотографии внешнего вида Церкви Святого Георгия в Лалибеле, мечети в Томбукту, интерьера медресе в Фесе, предметов декоративно-прикладного искусства. На самой подробной карте из учебника А. В. Абрамова, кроме названных стран, обозначены с севера на юг: государства Альморавидов, Ваттасидов, Зайянидов, Хафсидов, Мамлюков, Сонгай, Канеми Борну, Бенин, Китара, Конго, мусульманские султанаты на берегу Индийского океана. Из этнических групп – арабы, берберы, туареги, хауса, банту, суахили, бушмены, готтентоты.

Недочеты. В учебнике под общей редакцией докт. ист. наук В. Р. Мединского указано, что север Африки испытывал постоянное культурное воздействие народов Европы и Ближнего Востока, но при их перечислении упоминаются только: египтяне, «затем византийцы и арабы». Племена, жившие в экваториальных лесах, занимались, среди прочего, сбором благовоний. Христианство начало распространяться только с 333 г., а Мали в XV в. разгромлено неназванными врагами. По всей видимости, автор пытался строго следовать определенным хронологическим рамкам изложения, поэтому не упомянул про римское влияние, значение древнего Пути ароматических смол и окончательный закат Мали в XVII в. Причем эффект от хаджа малийского правителя показан односторонне: «не успев дойти до Мекки, император истратил все свои запасы золота и был вынужден влезть в долги» [5]. У школьников, таким образом, может сложиться впечатление, что Муса I был тщеславным транжирой, из-за которого государство вскоре стало клониться к упадку.

В учебнике М. А. Бойцова и Р. М. Шукурова, где, на мой взгляд, представлен самый лучший обзор средневековой истории Африки, логичный и в тоже время увлекательный, тем не менее,

карта отображает только державу Альморавидов [6]. Текст С. А. Нефедова пространен, но лишен карты, а также выводов, вопросов и заданий [7].

В выводах учебников В. А. Ведюшкина и В. И. Уколовой не хватает фактов из истории центральной и южной Африки [8; 9]. В методических рекомендациях к учебнику В. А. Ведюшкина отмечено, что материал по истории Азии, Африки и Америки включён в курс истории Средних веков независимо от того, применимо ли понятие «Средние века» к этим частям света. Далее признается, что по сравнению с историей европейского Средневековья, удельный вес имён и событий по истории Азии, Африки и Америки меньше, а основное внимание сосредоточено на ключевых характеристиках развития общества, государственности, культуры. Ниже предлагается поднять на уроке вопрос о том, почему развитие разных областей Африки происходило неравномерно. Однако эта рекомендация тут же перечеркивается другим советом: материал параграфа о государствах и народах Африки можно дать на дом для самостоятельного изучения. Объясняется это тем, что история народов доколумбовой Америки более важна, ведь для учащихся она будет иметь продолжение в курсе истории раннего Нового времени при изучении темы «Великие географические открытия». Подтверждается, что темы по Африке и Америке объединены искусственно, их разбор в рамках одного урока противоречит здравому смыслу, они содержательно и географически не связаны между собой [10, с. 4, 124]. Всё вышесказанное относится также к учебнику Е. В. Агибаловой и Г. М. Донского [11; 12, с. 96]. В книге Л.В. Искровской параграф «Государства и народы Африки и Америки» относится к числу дополнительных [13].

Сравнительный анализ приведенных изданий позволяет выявить несколько характерных черт:

1. Упоминание Африки отсутствует в аннотациях учебников.
2. Описание африканских обществ располагается ближе к концу учебника, в последней либо предпоследней главе.
3. В большинстве случаев изложение истории государств Африки и доколумбовой Америки объединено в одном параграфе; сопутствующие вопросы и задания направлены на то, чтобы выявить схожие и отличительные черты в их развитии.

4. История Африки представлена в меньшем объёме, чем история других континентов; ею жертвуют при нехватке урочных часов в школе или листажа в издательстве; она не раскрывается в пособиях с тестовыми, проверочными и контрольными работами; ей, в отличие от наследия средневекового Востока, пока нет достойного места в атласах, контурных картах, рабочих тетрадях, сборниках творческих заданий, подготовленных для шестиклассников.

Впрочем, африканистика не в самом плачевном состоянии. Гораздо хуже дело обстоит с Австралией и Океанией. Остаётся надеяться, что ФГОС основного общего образования когда-либо допустит органичное сочетание продуманных и равномерных описаний различных уголков средневековой ойкумены, и ни одна из цивилизаций не останется забытой.

Ссылки:

1. Алексашкина Л. Н. Всеобщая история. История Средних веков. 6 класс: учебник для общеобразовательных организаций. М.: Мнемозина, 2012. 207 с.

2. Гуревич А. Я., Харитонович Д. Э. История средних веков. Учебник. М.: Интерпракс, 1995. 336 с.

3. Данилов Д. Д., Сизова Е. В., Кузнецов А. В., Давыдова С. М. Всеобщая история. Средние века. 6 класс : учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Баласс, 2012. 288 с.

4. Пономарев М. В., Абрамов А. В., Тырин С. В. Всеобщая история. История Средних веков. 6 класс : учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Дрофа, 2013. 269 с.

5. Абрамов А. В. Рогожкин В. А., Тырин С. В. Всеобщая история. История Средних веков. 6-й класс. Учебник / под общ. ред. В. Р. Мединского. М.: Просвещение, 2021. С. 192–196.

6. Бойцов М. А., Шукуров Р. М. Всеобщая история. История Средних веков: учебник для 6 класса общеобразовательных организаций. 5-е изд. М.: Русское слово – учебник, 2016. С. 209–215.

7. Нефедов С. А. Иллюстрированная история Средних веков. Современный учебник для школьников и увлекательное чтение для взрослых. Екатеринбург: УГГУ, 2015. С. 338–347.

8. Ведюшкин В. А. Всеобщая история. История Средних веков. 6 класс: учебник для общеобразовательных учреждений / под ред. А. О. Чубарьяна. М.: Просвещение, 2012. С. 266–270.

9. Ведюшкин В. А., Уколова В. И. История. Средние века. 6 класс : учебник для общеобразовательных организаций. 2-е изд. М.: Просвещение, 2015.С. 98–99.

10. Игнатов А. В. Всеобщая история. История Средних веков. Методические рекомендации. 6 класс (к учебнику В. А. Ведюшкина): пособие для учителей общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2012. 128 с.

11. Агибалова Е. В., Донской Г. М. Всеобщая история. История Средних веков. 6 класс: учебник для общеобразовательных организаций / под ред. А. А. Сванидзе. 3-е изд. М.: Просвещение, 2014. С. 271–275.

12. Игнатов А. В. Всеобщая история. История Средних веков. Методические рекомендации. 6 класс (к учебнику Е. В. Агибаловой, Г. М. Донского): пособие для учителей общеобразовательных организаций. 2-е изд. М.: Просвещение, 2014. 112 с.

13. Искровская Л. В., Федоров С. Е., Гурьянова Ю. В. История Средних веков. 6 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений / под ред. академика РАН В. С. Мясникова. М.: Ветана-Граф, 2008. С. 281–284.

УДК 94+362.2

Т. С. Денисова

Культурное наследие русской эмиграции в Эфиопии (конец XIX – первая половина XX в.)

T. S. Denisova

Cultural Heritage of the Russian Emigration in Ethiopia (late 19th – first half of the 20th century)

Ключевые слова: Африка, Россия, Эфиопия, эмиграция, культурное наследие.

Keywords: Africa, Russia, Ethiopia, emigration, cultural heritage.

Между Россией и Эфиопией существуют давние культурно-исторические связи. Географически Эфиопия – не самая близкая к России страна, однако именно в Абиссинии, как до середины

© Денисова Т. С., 2022

XX в. называли Эфиопию, в 1889 г. была предпринята первая попытка основать русскую общину [1]. Еще через несколько лет – в 1896 г. – в Абиссинию был отправлен санитарный отряд Российского общества Красного Креста, которому и суждено было стать точкой опоры будущей диаспоры [2].

На рубеже XIX–XX вв. Эфиопию посетили несколько русских исследователей, некоторые из которых остались в стране надолго или навсегда. Например, поручик Н. С. Леонтьев, прибывший в Абиссинию в 1895 г. во главе экспедиции, в составе которой были представители самых разнообразных профессий, был назначен императором Менеликом II сначала придворным советником, а затем – генерал-губернатором экваториальных провинций (позже Леонтьев совершил еще несколько поездок на Африканский Рог). В ближний круг Менелика входил и русский офицер А. К. Булатович, оставивший несколько книг о своих путешествиях по Африке. В начале XX в. в Эфиопии некоторое время жили и работали русские художники Александр Яковлев и А. В. Щекотихина-Потоцкая.

Между тем один из участников первой экспедиции Леонтьева барон Н. Н. Шедевр, долгое время проживавший в Абиссинии и на Ближнем Востоке, сыграл большую роль в возвращении абиссинцам святых мест – когда-то принадлежавших им земельных участков и строений при храме Гроба Господня в Иерусалиме и в других местах Палестины.

Располагавшие в древности и в эпоху Средневековья обширными владениями в Святой земле, абиссинцы постепенно утратили их и к началу XX в. уже не могли самостоятельно восстановить свои права. В архивах Османской империи Шедевр обнаружил документы, подтверждавшие принадлежность ряда святых мест в Иерусалиме африканским христианам. Благодаря его усилиям главный объект их притязаний – древний монастырь Дейр-эс-Султан – в 1906 г. был по указанию султана отобран у захвативших его коптов и передан абиссинцам [3].

Еще одним ярким участником походов Леонтьева был русский офицер и художник-баталист Евгений Всеволодович Сенигов. Он родился в 1872 г. в Петербурге в обеспеченной дворянской семье, близкой ко двору. Его старшая сестра была фрейлиной императрицы Марии Федоровны. Сенигов закончил реальное училище в Петербурге, затем, в 1892–1894 гг., учился в Московском

Алексеевском военном училище, откуда был выпущен подпоручиком и направлен в Туркестанский линейный батальон, в Ферганскую область, где служил в 1894–1897 гг.

Выйдя в отставку, в 1898 г. Сенигов в составе военной миссии отправился в Эфиопию. Первые свои годы в Абиссинии он провел в экспедиции Леонтьева, служил в русско-эфиопском отряде, установившем границу с Кенией. Затем был представлен при дворе, командовал крупным отрядом у одного из военачальников провинции Каффа – раса Вольде Гиоргиса.

В Каффе Сенигов прожил долго, но официальная должность была, по сути, синекурой, а сам «начальник правого крыла армии Вольде Гиоргиса» был увлечен Эфиопией и эфиопским образом жизни. Попав еще в России под влияние народников, Сенигов проникся идеей, что только крестьянская община может служить основой развития свободного демократического государства. В России, где капитализм крушил общинные устои, Сенигов не видел возможности для реализации своих идей. В Эфиопии же, где феодализм и церковь не были столь сильны, он надеялся на успех. Плененный африканской природой, он решил навсегда поселиться в Эфиопии и задался целью создать на одном из островов озера Тана нечто вроде «демократической коммуны». Дела коммуны в итоге не пошли, и Сенигов увлекся сбором фольклора в поездках по стране, мало общаясь с европейцами, предпочитая им местных жителей.

Круг его общения с соотечественниками был очень ограниченным. Единственным исключением оказался Николай Гумилев, который, по крайней мере, трижды посещал Эфиопию. Переехав в Аддис-Абебу, Сенигов не отказался от идеи создания коммуны и тратил на эту затею все деньги, которые зарабатывал живописью. Он пользовался большим успехом среди придворной знати и европейцев, живших в эфиопской столице. Однако постепенно Сенигов все больше сближался с местными жителями, сознательно жил не в европейском доме, а в простой хижине. Сенигов оказался еще и неплохим лингвистом – за несколько лет выучил несколько местных языков.

В 1913 г., во время очередного приезда в Эфиопию Николая Гумилева, именно Сенигов оказался спутником поэта в походе по Восточной Африке. В стихотворении «Мои читатели» Н. С. Гумилев писал:

Старый бродяга в Аддис-Абебе,
Покоривший многие племена,
Прислал ко мне черного копьеносца
С приветом, составленным из моих стихов.

Лишь намного позднее было установлено, что это написано о Сенигове. Сенигов был блестящим и вполне процветающим живописцем: писал портреты знатных вельмож, даже самой императорской четы – Менелика и императрицы Таиту. Но большую часть картин рисовал с натуры, не для денег. Создавал композиции на листах грубой бумаги. Многие его произведения были уничтожены, многие просто пропали, может быть, еще найдутся. В 1937 г. некоторые его акварели, которые получили название «Абиссинские пасторали», были переданы неизвестным лицом ленинградскому Музею антропологии и этнографии. Там же сейчас хранится и его эфиопский дневник.

Сенигов написал автобиографию и оставил записку «Об использовании меня на работе в Абиссинии».

В 1921 г. Сенигов, проживший в Абиссинии почти четверть века, обрадовавшись революции, решил вернуться в Россию. По дороге, в Египте, был задержан англичанами, в Москве оказался в 1923 г., где 21 марта того же года был арестован «по политическим мотивам», как записано в его арестантском деле. Интересно, что о его происхождении в деле было написано – «эмигрант из Абиссинии». Что дальше произошло с Сениговым, можно только предполагать; известно только, что в 2003 г. он был реабилитирован. Российский журналист Сергей Кулик рассказывал в 1988 г., как на караванной дороге из Эфиопии в Кению, в деревне Локинач на берегу реки Омо, ему показали связку русских и европейских книг, принадлежавшую человеку, которого называли «белым эфиопом». В одной из них на первой странице стоял экслибрис «E. Senigoff».

Другим русским художником, оставившим для нас «живописные» свидетельства его пребывания в Абиссинии, был Владимир Владимирович Поляков. Известно, что он родился в 1859 г., скорее всего, в Петербурге, а вот дату и место его смерти установить не удалось. Выпускник Академии Художеств (1881–1884 гг.), в 1881 г. получивший поощрительную медаль, он прибыл в Абиссинию на собственные средства. Позднее остался при дипмиссии, написал портрет негуса Менелика II (в настоящее время он хранится в Музее антропологии и этнографии имени

Петра Великого Санкт-Петербурга) и портреты членов его семьи. Под впечатлениями от пребывания в Эфиопии Владимир Поляков создал ряд крупных полотен, среди них – «Прибытие абиссинского посольства в Россию», находящееся в Государственном Эрмитаже, и «Вручение Верительной грамоты Всероссийского Императора Николая II Царю Царей Эфиопии Менелику II».

В Кунсткамере хранится репродукция еще одной его картины – «Въезд Высочайшей Миссии Московского Белого Царя в столицу Эфиопии». Работа «Джигитовка русских кавалеристов перед Негусом» выставлена в Тверской художественной галерее.

В архивных материалах В. Поляков упоминается как топограф, исполнитель географических карт. Возможно, причина его недостаточной известности кроется именно в этом. Топографические исследования проводились, как правило, в интересах военного ведомства Российской Империи, деятельность которого не подлежала широкой огласке. Можно предположить, что именно поэтому имя В. В. Полякова почти не упоминается в экспедиционных отчетах, реестрах и прочих документах. Возможно, именно близость к разведке сыграла с Владимиром Поляковым злую шутку, воспрепятствовав его известности на Родине. Талантливый художник и путешественник, несомненно, должен был вызвать интерес не только среди ценителей живописи, но и у этнографов и исследователей Африки!

В период с конца 1880-х гг. до начала Первой мировой войны в Эфиопии с разными целями побывало много россиян: офицеров и казаков, священников и путешественников, врачей и инженеров, писателей и художников. Кроме знаменитых поэтов – Николая Гумилева и Павла Булыгина – менее известный писатель и поэт, граф Иван Сергеевич Хвостов (1885–1955). Он окончил с золотой медалью Царскосельский лицей в Петербурге, проходил военную службу в Лейб-гвардии Семеновского полка, участвовал в Первой мировой войне, был тяжело ранен, не поддержал ни Февральскую, ни Октябрьскую революции, из-за чего в 1918 г. три раза приговаривался большевиками к расстрелу; по чистой случайности ему каждый раз чудом удавалось спастись. После побега из тюрьмы он организовал в Крыму первый Добровольческий отряд по охране вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

В 1920 г. И. С. Хвостов эмигрировал во Францию, затем жил в Германии, но Европа не привлекала поэта – он называл ее той «пустыней, где царили лицемерие, безумье и безбожье». В 1924 г.

он с семьей переехал в Эфиопию, где работал адвокатом в муниципалитете и в министерстве торговли и финансов. Состоял членом Особой комиссии по составлению новых законов Эфиопии. Перевел на абиссинский язык Гражданский кодекс Наполеона. В 1927 г. организовал первую в Абиссинии Русскую православную церковь, в которой сам служил псаломщиком.

В Аддис-Абебе Иван Сергеевич стал активным членом русской общины, хотя и продолжал чувствовать себя чужеземцем:

Я знаю, в душу не проник
Пустыни многоокий миг,
Не стерли новые картины
Мне образ северной равнины!

Местные жители за его доброту называли Хвостова «Божьим человеком». После Второй мировой войны он помог многим невозвращенцам – беженцам или освобожденным из гитлеровских концлагерей – найти дом в Эфиопии. Иван Хвостов полюбил эту гостеприимную страну; он получил особую благосклонность и признание императора Хайле Селассие за его адвокатскую работу: защищая бедных, Хвостов оказывал им услуги совершенно безвозмездно.

О своей новой родине он тоже оставил много поэтических строчек, среди них:

Безмолвно, пустынно, песчанно!
Как светлый янтарный платок,
Блестящими блестками тканый,
Лежит бесконечный песок.

И. С. Хвостов умер в марте 1955 г. после падения под колеса проходившего поезда. Ампутация ног ускорила его кончину, ему было 66 лет. Гроб на кладбище провожала огромная толпа народа во главе с представителями эфиопского правительства. Сам император после похорон нанес визит вдове, прибыв к ней в дом лично выразить соболезнование. Цикл стихотворений «Восток» включен в единственный сборник «Песни Альконоста», изданный на русском языке в Брюсселе в 1960 г. его вдовой графиней Натальей Владимировной Хвостовой-Татищевой.

И. С. Хвостов похоронен на кладбище в Аддис-Абебе. Рядом с ним покоится его жена Наталья.

В значительной степени благодаря русским эмигрантам уже в 1920-е годы преобразился и облик населения Аддис-Абебы, где

все смешалось: элегантно одетые женщины шли по улицам вперемешку с крестьянами с курами и другими товарами в руках. С бесконечными трущобами начали соседствовать современные – для того времени – здания и отреставрированные храмы, в том числе и инженером-архитектором, художником и иконописцем Георгием Яковлевичем Киверовым (1897–1976).

Ссылки:

1. Луночкин А. В. «Атаман вольных казаков» Николай Ашинов и его деятельность. Волгоград: издательство Волгоградского государственного университета, 1999. 148 с.
2. Булатович А. К. Третье путешествие по Эфиопии. М.: Наука, 1987. 128 с.
3. Хренков А. В. К истории русско-эфиопских религиозных контактов // Страны и народы Востока. Вып. 27. М., 1991. С. 194–198.

УДК 94(6)+801

А. Ю. Желтов

«Африка» в российском дискурсе: тексты и смыслы

A. Yu. Zheltov

“Africa” in Russian Discourse: texts and significances

Ключевые слова: Африка, Россия, дискурс, смыслы.
Keywords: Africa, Russia, discourse, significances.

Российский общественный дискурс (во многом, справедливо) считает себя свободным от расизма и расовой дискриминации по отношению к Африке и африканцам: у России не было колоний в Африке, она не имела отношения к трагическим событиям работорговли. Когда наши футболисты отказываются встать на колено и поучаствовать в акциях BLM, я могу их понять – например, у бельгийских футболистов, которые, впрочем, тоже абсолютно не ответственны за политику короля Леопольда в Бельгийском Конго – они родились намного позже, а многие

© Желтов А. Ю., 2022

игроки – потомки, скорее, «жертв», чем «угнетателей» – все же есть некоторая ответственность за историю «флага», под которым они выступают. У «флага», под которым выступают наши футболисты, за ужасы работорговли и колониализма ответственности нет.

Отсутствие ответственности за трагические события, связанные с Африкой, все же не является гарантией безупречности дискурса и терминологии, которые, как мне кажется, требуют некоторой верификации. Подобная верификация становится возможной при обращении к «Национальному корпусу русского языка» [1] – ресурсу, предоставляющему большие возможности в исследовании дискурса и языка по самым разным параметрам.

Мне неоднократно приходилось спорить с собеседниками (причем, иногда, к этим собеседникам относились и коллеги-африканисты) по поводу корректности употребления в русском языке слова «негр». Понятно, что русское «негр» не несет за собой всех отрицательных коннотаций, которые содержатся в английских «negro» и «nigger» (прежде всего, из-за отсутствия в российском контексте тех самых «работорговли и колониализма»). Однако утверждения, что за этим словом в русском языке не закреплена никакая отрицательная (пейоративная) семантика не подтверждаются данными Корпуса.

Прежде всего, обратимся к устойчивым, частотным случаям его употребления: «работали как негры (на плантации)», «литературный негр», «Да что я ему — негр, что ли?» (сюда же можно отнести коррупционно-наукометрическую инновацию – сайт «Научный негр», занимающийся написанием научных текстов за деньги). Вряд ли у кого-нибудь могут возникнуть сомнения, что в этих устойчивых словосочетаниях лексема «негр» отчетливо коррелирует со словом «раб». К явлению работорговли русскоязычный дискурс не причастен, но в семантике термина, очевидно, воспроизводит ассоциацию «негр» – «раб». Есть и некоторые более частные примеры из того же Корпуса:

«Когда Леля вышла замуж за красавца-художника Алисаттара Атакшиева из Института Народов Востока, Константин Сергеевич сказал: *“Я уже думал, это будет негр”*»

«Хорошо, если попадет это несчастное «я» в другого человека и заживет там своей жизнью, *а вдруг это будет негр, или китаец, или инду***с**?»

«*Какой-никакой, а все-таки не плотник-столяр и не негр!*»

«Да ты бы там *вообще негром* родился. — *Сам ты негр...*»

«Хочу отдохнуть по-людски, поваляться у океана на белом песочке. *В конце концов, я — не негр*. Пашу и пашу».

Кажется очевидным, что и в этих контекстах употребление слова «негр» не является нейтральным. Возникает естественный вопрос, почему в дискурсе, где нет социально-политических оснований для пейоративной семантики термина, она, все же, отчетливо наблюдается? Слово «негр» не является уникальным ни для русскоязычного дискурса, ни для многих других. Оно стоит в одном ряду с такими категориями, как «бледнолицые», «краснокожие», «гринго», «черные», «тубабу», «мзунгу», и опирается на биологизацию «иного», его «десоциализацию» и «раскультуривание», идентификацию по биологическому признаку, игнорирующую социальное, культурное и индивидуальное. Это явление, к сожалению, наблюдается и в Африке: термины «тубабу» (Западная Африка) и «мзунгу» (Восточная Африка) – это африканские аналоги «негров» для нас, «европейцев» или «белых»; и они также не являются нейтральными, скорее, пейоративными, о чем говорят, как этимология, так и их функционирование. С «мзунгу» в Восточной Африке я лично не сталкивался (видимо, «работает» бóльшая «политкорректность» в более туристических регионах), а с «тубабу» в Западной Африке – неоднократно.

Отчетливый критерий «неправильности» термина – его неиспользование в качестве самоназвания: африканцы не называют себя «неграми», а мы (я надеюсь) – «белыми».

Насколько распространено в русскоязычном дискурсе использование пейоративного «негр» по сравнению с нейтральным «африканец»? Корпус русского языка дает довольно неутешительный ответ (обращение 9.01.2022):

«Негр» – 676 документов, 1 850 вхождений;

«Негры» – 477 документов, 1 055 вхождений;

«Африканец» – 61 документ, 107 вхождений;

«Африканцы» – 90 документов, 116 вхождений.

Совокупная разница употребления в единственном и множественном числе в 13 раз в пользу «неполиткорректного» «негр/негры». Можно было бы попытаться объяснить это тем, что к термину «негр» относятся не только африканцы,

но и афроамериканцы, но проверка по Корпусу подобное объяснение не допускает:

«афроамериканец» – 10 документов, 10 вхождений;

«афроамериканцы» – 18 документов, 32 вхождения.

Эти цифры, очевидно, не могут компенсировать разницу. Интересно, что более нейтральный термин «африканцы» несколько набирает статистику (по сравнению с «негры») именно во множественном числе (разница все равно остается, но не в 17 раз, как в единственном числе, а в 9). Причем, если проанализировать только современную (начиная с 1991 г.) часть корпуса, то эта тенденция становится еще более заметной:

«Негр» – 586 вхождений;

«Негры» – 258 вхождений;

«Африканец» – 35 вхождений;

«Африканцы» – 79 вхождений.

Разница составляет все те же почти 17 раз для единственного числа, но всего 3 раза – для множественного. Можно предположить, что групповая идентификация стремится к более нейтральным формам, чем индивидуальная, более склонная к биологизации, и в постсоветское время данная тенденция усиливается.

Если сравнить частоту использования самого общего термина «Африка» (540 документов, 819 вхождений), то даже он проигрывает биологическому и «неполиткорректному» «негр/негры» более чем в 3 раза.

Далее рискну обратиться к «высокой словесности» – к «Африке» и «неграм» в русской поэзии. Рассмотрим два примера поэтического текста начала XX века. Оба автора – В. Маяковский – по причине идеологического «интернационализма», а Н. Гумилев – из персонального опыта путешествий – вне подозрений в сознательно пейоративном отношении к «неграм» или Африке. Но вот цитата из В. Маяковского:

«*Да будь я*
и негром преклонных годов,
и то,
без унынья и лени,
я русский бы выучил
только за то,
что им
разговаривал Ленин».

Синтаксис начала строфы («да будь я и негром, и то…»), очевидно, означает: «будь я самым ничего не понимающим, не образованным, т. е. «негром», и то бы выучил русский язык, а уж, тем более, если бы я был кем-то более «продвинутым» …» Подозреваю, что возможны другие интерпретации, но я отчетливо читаю текст именно так.

Сейчас я перехожу к одному из моих любимых стихотворений Н. С. Гумилева, которое, в каком-то смысле, может считать гимном российской африканистики подобно тому, как Киплинга – певцом английской ориенталистики:

«…И твое раскрывая Евангелие,
Повесть жизни *ужасной и чудной*,
О *неопытном* думаю ангеле,
Что приставлен к тебе, *безрассудной*.
Про деянья свои и фантазии,
Про *звериную* душу послушай,
Ты, на дереве *древнем Евразии*
Исполинской *висящая грушей*…»

Замечательные поэтические строки, но пронизанные европоцентрично-покровительственным отношением к Африке (очень личным, романтическим и сочувственным): Африка – «ужасная, чудная, безрассудная», «со звериной душой» и «с неопытном ангелом», и при этом, как сейчас нам известно, «родина человечества» – Африка – «грушей» висит на «дереве древней Евразии». Собственно, другого отношения к Африке было бы трудно ожидать в эпоху, для которой сочувственный романтизм Гумилева был, наверное, наиболее гуманистическим взглядом на Африку.

Я совсем не пытаюсь призвать переписывать или цензурировать ни Н. Гумилева, ни В. Маяковского, ни Р. Киплинга, ни «Хижину дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу (1852 г.). Если в современной литературе идет описание реалий XIX – середины XX века, то герой, наверное, будет использовать «N-word», иначе текст будет выглядеть странно. Возможно, в дискурсе очень близких дружески-шутливых, сугубо личных, отношений с очевидным оттенком (само)иронии мы можем использовать «N-words», как в компании очень близких старинных друзей мы можем изредка использовать т. н. «ненормативную лексику» как некий маркер особой доверительности отношений. Понятно,

что, как мы не обижаемся на африканских детей, бегущих за нами с криками «Тубабу, тубабу…», так и наши африканские друзья и коллеги, надеюсь, не будут обижаться на фразу ребенка в магазине «Мама, смотри, негр!». Но в современном публичном, общественном, публицистическом, научном, учебном, медиа дискурсе «N-word» может использоваться только как пример негативной биологизации и дискриминации «чужого/иного» (и в русском языке – тоже). В принципе, и детям полезно было бы объяснить, что определение человека по его чисто биологическому признаку («жирный», «жердяй», «лысый», «черный» и т. д.) – это есть некоторое его «расчеловечивание» и, следовательно, не должно использоваться.

Ссылки:

1. Национальный корпус русского языка. 2003–2021. URL: ruscorpora.ru

УДК 94

Н. А. Жерлицына

Ориенталистский дискурс в публицистике Российской империи в период колониального освоения Алжира Францией

N. A. Zherlitsina

Orientalist discourse in the journalism of the Russian Empire during the colonial development of Algeria by France

Ключевые слова: Российская империя, Франция, Алжир, колониальные захваты, российская публицистика, ориенталистский дискурс.

Keywords: Russian Empire, France, Algeria, colonial conquests, Russian journalism, Orientalist discourse.

Ориенталистский дискурс в политике и культуре Российской империи появился, как и в Западной Европе, в эпоху Просвещения, во время правления Екатерины II, когда в состав России вошла значительная часть Северо-Западного и Центрального Кавказа, а также степные районы к северу от Черного моря и Крым. В XIX в. интерес российского общества к опыту взаимодействия

© Жерлицына Н. А., 2022

с восточными народами стимулировался долгой Кавказской войной (1817–1864 гг.) и продвижением в Среднюю Азию во второй половине столетия. Русский ориентализм в общем вписывался в стандарты «классического» европейского ориентализма, использовал те же дискурсивные приемы описания «Востока» и пытался выступать в роли гегемона и лидера по отношению к «Востоку». Конечно, длительное совместное проживание с мусульманами в одном государстве, наработанные административные практики кооптации местных элит и успешная институализация ислама под светской властью заметно отличали Россию от других расширяющихся империй XIX в. Осознание собственной страны как частично восточной делало русский подход более реалистичным и менее отчужденным. Российская администрация на Кавказе и в Средней Азии хорошо понимала этнокультурную специфику регионов, в большей степени учитывала особенности быта и традиции местного населения. В русском варианте «цивилизаторская миссия» означала скорее взаимодействие и совмещение культур, а не замещение русской культурой «варварства».

Еще одной отличительной особенностью российского ориенталистского дискурса являлся непреходящий интерес и внимание к колониальному опыту других великих держав. Изучение английских и французских практик в Индии и Алжире шло научным и практическим путями. Российские дипломатические представители в восточных странах внимательно наблюдали и регулярно сообщали в Санкт-Петербург о успехах и провалах «туземной политики» других имперских метрополий. Об этом свидетельствуют донесения из десятков российских миссий, посольств и консульств, от штатных и внештатных консулов. Эти документы не лежали в МИДе мертвым грузом: их внимательно изучали чиновники Военного министерства и Министерства внутренних дел.

Показателем интереса российской власти и общественного мнения к колониальному опыту великих держав служат и многочисленные журнальные публикации, военные обзоры и эссе, посвященные Алжиру. Важным представляется и тот момент, что вплоть до 1870-х гг. тема Алжира изучалась, анализировалась и представлялась в публицистике не обычными журналистами, а кадровыми специалистами – военными, в основном сотрудниками Генштаба, и востоковедами. С одной стороны это говорит о том, что Алжир в эти годы оставался полувоенной зоной, куда сложно было

попасть простым путешественникам. С другой стороны, в интересе к Алжиру четко видна воля российской власти получить ценный опыт другой ведущей державы – Франции – для применения в российских реалиях.

Уже в 1840-х гг. ведущие российские журналы: «Современник», «Отечественные записки», «Сын отечества», «Вестник Российского Императорского географического общества» – уделяли значительное внимание теме французской колонизации Алжира. Для российского общественного мнения не было секретом, что процесс этот с трудом давался Франции и разногласия в Париже лишь осложняли ситуацию на южном берегу Средиземного моря. «С того времени, как французские солдаты ступили в первый раз на почву Африки, эта страна не переставала быть предметом споров в самой же Франции. Одни утверждали, что должно сохранять завоевание, другие доказывали, что лучше отказаться от него. Первые видели во французской Африке плодоносную страну, другие, напротив, видели в этом завоевании источник новых затруднений и новых войн <…> Какое участие лучше принять правительству в колонизации? В Канаде колонизация делается эмигрантами, оставленными единственно своим собственным средствам. Так нельзя действовать в Африке, где колонисты должны бороться с климатом и вместе с туземцами. Эмигранты не могут ни улучшить почву, ни покорить арабов», – рассуждали авторы «Отечественных записок» на страницах журнала в 1842 г.

Российские публикации об Алжире 1840-х гг. в своем большинстве имели источником французскую прессу, и поэтому точка зрения на происходящее в Алжире совпадала с французской официальной позицией. Понятно, что в период, когда в Алжире шли военные действия, у русских исследователей и путешественников не было шансов самим оценить происходящее в колонии.

Существенное оживление российского интереса к Алжиру произошло после окончания Крымской войны (1853–1856 гг.) с восстановлением российско-французских связей. Возросло и число поездок российских исследователей и особенно военных специалистов во французскую колонию. Так как вторая половина 1850-х гг. в Алжире была временем покорения французской армией Кабилии, то и внимание российских специалистов сосредоточилось на данном регионе. В 1857 г. в журнале «Современник» вышел очерк генерал-майора Генерального штаба, военного публициста

В. М. Аничкова. Его командировали в Алжир для изучения тактики французских войск по покорению Кабилии. В общем, приветствуя «цивилизаторские усилия» Франции в Северной Африке, которые «разбудят от векового сна обитателей Африки и толкнут эту страну по пути цивилизации», Аничков сумел составить собственное мнение о ситуации в Алжире. Особенно ценным для генерала оказался опыт экспедиции в Кабилию в составе группы французских военных.

Глубокий анализ, знание ситуации в Алжире и гуманизм отличают обширный труд генерал-лейтенанта А. И. Беренса «Кабилия в 1857 г.». Профессор военной истории и стратегии Николаевской академии Генерального штаба, член Главного штаба был направлен в Алжир по окончании Крымской войны для изучения тактики французских войск по покорению Кабилии. Труд Беренса является первым на русском языке описанием горной местности Кабилии, его населения, занятий, обычаев. Помимо этнографического и географического его значения эссе Беренса содержит непредвзятый анализ французской колониальной политики и современного состояния колонии.

В 1860-х гг. тема Алжира становится широко обсуждаемой в российских общественно-политических журналах разного политического спектра. С покорением Кабилии тема войны отходит на второй план и главный интерес вызывают успехи и неудачи колонизации страны. Журнал «Русское слово», считавшийся рупором нигилизма, посветил Алжиру ряд публикаций в первой половине 1860-х гг. В 1870-х гг. продолжалась традиция изучения и анализа французской колониальной политики в Алжире российскими военными специалистами.

К концу XIX века российское «алжироведение», усилиями военных специалистов, востоковедов и путешественников, накопило солидный багаж знаний. Если в 1830-40-е гг. представления об Алжире в России во многом формировались с французской подачи, то уже в 1850-х гг. российские специалисты получили возможность поездок в Алжир и сформировали собственный взгляд на происходящее там.

УДК 39 + 398

О. Ю. Завьялова

Рабство у народов Манден

O. Yu. Zavyalova

Slavery among the Manden peoples

Ключевые слова: Африка, Манден, рабство.
Keywords: Africa, Manden, slavery.

Вопрос о рабстве для Африки всегда был одним из основных, и встал он задолго до появления колонизаторов. Как утверждает традиция, проблема рабства встала еще при Сумаоро Канте (XII–XIII вв). Из устных документов, частично или полностью посвященных данной проблеме, особенно известны Хартия Манден и Клятва охотников. Они важны не только для народов Африки, но и для всего мира.

Во всемирном докладе ЮНЕСКО 2009 г. говорится: «Эта Хартия, провозглашенная в форме клятвы, включает преамбулу и семь глав, состоящих из статей, касающихся ведения общественной и семейной жизни и сгруппированных в рамках следующих основных заголовков: социальное взаимопонимание и мир в условиях этнического и культурного разнообразия; неприкосновенность человеческой жизни и запрет физических или моральных пыток; воспитание в рамках семьи в духе уважения родителей, поддержки членов семьи и заботы о детях; целостность родной земли и защита человеческой личности; продовольственная безопасность; прекращение набегов с целью захвата рабов; свобода самовыражения и предпринимательства» [1, с. 266]. Под описание подходит и клятва охотников, которая была записана в 1965 г. и опубликована Юсуфом Сиссе в 1991 г. Позднее ее текст был назван «Клятвой Манден».

Сам Сундьята, все правители и выдающиеся люди Манден были охотниками. Даже сегодня охотники много говорят о проблеме рабства в Манден. Хартия и Клятва заявляют о праве на жизнь и равенстве жизней, и также запрет на рабство, связанное с охотой на людей, которая велась повсеместно в Западной Африке в те времена, от чего страдали все социумы. Юсуф Тата Сиссе

© Завьялова О. Ю., 2022

говорил, что после провозглашения Хартии были сформированы целые бригады охотников по борьбе с захватчиками рабов [2].

В реальности положение рабов варьировалось в зависимости от способа приобретения и поколения. Есть рабы, захваченные на войне, общие и принадлежащие правителю, частные, есть рабы купленные, иногда в своей же деревне. В традиции и частных беседах я сама встречала упоминания только о деревенских рабах. В эпосе говорилось о рабах, принадлежащих правителям, или рабах-дружинниках (последние встречались именно у бамана и относится к более позднему времени).

При правителе (согласно эпическим сказаниям) раб часто выступал в роли помощника или посланника. В Гвинее и Мали рабы как отдельная социальная группа, наряду с *nyamakala* (ремесленниками) и *horon* (благородными), существовали до конца 1960-х гг. и даже позднее. Когда я лично разговаривала с шестидесятитрехлетним Абубакаром Таравеле в Ньягассоля (13 февраля 1999 г.), он причислял себя к семье рабов. Он говорил, что только их семья могла участвовать в жертвоприношении духу-покровителю деревни, чем сам он очень гордился: именно членов их семьи приносили в жертву! В ходе экспедиции в январе-феврале 2022 г. в Мали информанты говорили о том, что в 1954 г. рабство еще точно было и закончилось только с обретением независимости.

Многие считают, что Хартия запретила рабство. Юсуф Сиссе и Ва Камиссоко пишут, что Сундьята запретил «черное рабство», и была объявлена свобода для всех: «Пусть воины воюют; пусть торговцы торгуют; а землепашцы пусть занимаются сельским хозяйством. Таким образом, в Манден будет приятно жить, Манден будет процветать» [3, с. 29]. Однако Хартия именно закрепила рабов, как социальную группу. В Хартии четко говорится, что есть одна группа рабов, наряду с воинами и ремесленниками. И Хартия, и Клятва охотников не говорили о запрете рабства как такового, а только о запрете охоты на людей причем именно в Манден для обращения их в рабов. Ва Камиссоко говорит о происхождении рабства: «Рабство имеет только одно происхождение: те, кто отказываются сопротивляться и позволяют себя захватить становятся рабами» [2, с. 271].

В принципе, постоянные мелкие войны и рейды приносили явный вред населению, так как страдали именно землепашцы, сокращалась численность тех, кто мог обрабатывать землю.

Так практически единственный запрет для рабов был на обработку земель и крупные сельхоз работы. Однако, с другой стороны, приток рабов из других районов, обеспечивало некоторую ротацию населения. Рабы, принадлежащие к этносам, не входящим в империю Мали или не имеющие джаму манден, именно через рабство входили в данную систему и получали статус жителя Мали. Таким образом, для кого-то это был определенный механизм вхождения в социум: получая джаму своего патрона, человек автоматически присоединялся к его клану.

Если проследить за жизнью раба, то понятно, что захват в рабство чужаков приводит к уничтожению целых деревней соседей. Но таким образом происходит включение новых граждан в социум, ввод их в систему. Так манден привносили новое в свою кровь. Ведь деревни образовывались семьями и родственниками, и можно предполагать, что в старые времена было очень много близкородственных союзов. Раб, приобретая в третьем поколении джаму хозяина, становился полноправным членом данного джаму, к тому же оставался жить в деревне. Так рабство обеспечивало вхождение чужих в социум и определенное смешение крови.

В рабство захватывали именно благородных, и попадали они в семьи благородных, то есть смешения социо-профессиональных групп практически не происходило. Так социальный класс рабов можно считать определенной системой адаптации вхождения в социум.

Хартия четко оговаривает отношение к рабам, вводит запрет на жестокое отношение к ним: «Человеку может принадлежать раб, но не его сумка. Нельзя заставлять раба слишком много работать. Нельзя его бить и унижать». Таким образом, жизнь раба могла быть вполне нормальной: «рожденные в доме» росли вместе с детьми хозяина, обучались и работали на равных, о чем можно прочесть и в эпосе о Букариджане и в традиционных текстах.

При этом интересно отметить изменение истории, которое можно встретить в Мали и Гвинее. В самой Кангабе в 2021 г. рассказывали, что место продажи рабов еще до победы Сундьяты находилось рядом с хижиной Комоблон, известной как место, у которого проходили основные обряды обрезания мальчиков. Туда приводили пленных рабов и продавали. Семья раба могла сама его выкупить, если знали, что его продают именно там. Если рабов было много, их вели дальше на продажу – работорговля

была частью транссахарской торговли. Но именно данный вариант работорговли угрожал народам Западной Африки. Людей увозили в другие земли, отключали от социального права Манден. Однако уже в 2022 г. другой «гид» Адама Кейта говорил, что в этих землях рабов не продавали, их уводили через Сенегал.

Так или иначе, совершенно очевидно, что у Манден к определенному моменту сложилась практика захвата военнопленных в ходе войн или плановых набегов и продажи их. Рабы были в лучшем случае из соседних народов, но скорее всего преобладали те же манден из соседних деревень.

Пагубная практика привела к тому, что во многих деревнях не хватало мужчин для обработки земель и защиты территории. Соответственно данная проблема впервые была озвучена охотниками во времена правления Сумаоро Канте, а далее она обсуждалась во время принятия Хартии Манден в Курукан Фуга. Именно охотники поклялись в своей знаменитой Клятве: «Существование рабства сегодня прекращается, от стены до стены Манден; рейдам (набегам) положен конец сегодня в Манден» [4]. Это была клятва, в которой охотники поклялись сами не участвовать в отлове людей. Союз охотников действительно всегда был примером для остальных, он включал тех, кто был призван служить обществу и оберегать традиции.

Реально рабство продолжалось до 1970-х гг. минимум, а легализовано внутри социума оно было как раз Хартией Манден, которая закрепила группу рабов в делении социума, а также гуманное к ним отношение.

Мы знаем, что в Манден существовал и другой вид рабства: дети, проданные семьей, если семья не могла их содержать, и воины, захваченные во время военных действий. Адама Дьябате говорил, что рабами могут стать абсолютно все, кроме гриотов. Не бывает гриотов-рабов [5 с. 650]! Но мне рассказывали в Гвинее, что все ньямакала (ремесленники) не могли быть рабами.

Рабы делились в зависимости от того, в каком поколении они живут в доме. Сириман Куяте говорил, что до появления империи Мали работорговля лишила Манден части ее жизненные силы. Эта практика была запрещена Сундьятой, а условия домашнего рабства были смягчены.

Существовало две категории рабов: 1) свободные мужчины и женщины, захваченные во время войн и обращенные в рабство,

те, что были куплены и, таким образом, сменили хозяев: *Mina jon* (схваченные рабы) и *San jon* (купленные рабы); 2) потомки первых: *woloso* (рожденные в доме), их можно было только использовать или освободить; хозяин не мог их продать. Большинство рабов со временем ассимилировались и приняли джаму своих хозяев [6]. На сегодняшний день в Мали мы встречали деревни почти полностью населенные одним джаму Таравеле или Кулибали, нам сразу говорили, что многие из них бывшие рабы, принявшие имя хозяев, но никак не связанные с ними родственными связями.

Одна из версий ухода догонов из Манден гласит, что таким образом они спасались от захватов и обращения в рабство. Догоны – это переселившиеся Кейта, согласно традиции. Все догоны считают себя манден и младшими братьями Кейта. Кейта и гриоты полностью это подтверждают. Так вот, в данном случае речь идет не о первой волне переселения. Камара, глава деревни фина у Сиби, говорил о том, что это был период охоты на людей Самори Туре (XIX в.).

В Мали и Гвинее существовали целые деревни рабов: в них раб мог стать главой деревни. Рабы дружинники, личная армия правителя Сегу со времен Битона Кулибали, захватывали власть в Сегу. В 1766 г. раб Нголо установил новую династию Дьяра.

Охота на людей или захват их во время многочисленных войн происходил у манден всегда. Сам Сундьята, как говорили информанты, охотился на людей в окрестностях Ньягассоля и только, основывая империю, он объявил запрет на охоту на людей. Специальных рейдов по отлову людей на продажу тогда, действительно, стало меньше, но войны никто не отменял, как и оплату налогов. Те, кто не мог платить налоги, оказывались в рабстве, как и пленники. Таким образом, рабство в культуре манден было закреплено и продолжалось до момента обретения свободы Западной Африкой.

Ссылки:

1. Investing in Cultural Diversity and Intercultural Dialogue: UNESCO World Report (rus)/ 2009. URL: https: // unesdoc. unesco.org/ark:/48223/pf0000185202_rus (дата обращения 09.04.2021)

2. Cisse Youssouf Tata, Kamissoko Wâ. La grande geste du Mali. Karthala; Paris, 2007. T. 1. Des origines à la fondation de l’Empire. 428 p.

3. Cisse Y., Kamissoko W., 2009. La grande geste du Mali [M]. Karthala, Paris, 2009. T. 2. Soundjata la gloire du Mali. 300 p.

4. Manden Donsolu Kalikan, 2014. URL: https: // fasokan. wordpress.com/2014/02/03/manden-donsolu-kalikan/ (дата обращения: 06.12.2021).

5. Kouyaté Mamadou. La variabilité dans quatre versions de l'épopée mandingue. Linguistique. Université Michel de Montaigne – Bordeaux III, 2015. Vol. 2. URL: https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-01203724/ file/These_Mamadou_KOUYATE_annexes.pdf (дата обращения: 21.11.2021).

6. La Charte de Kurukan Fuga, 2016. URL: https: // web.archive.org/web/20160303233137/http://caremali.com/docs/charte.pdf (дата обращения: 01.03.2022).

УДК 94(6)

Н. А. Захарова

Культурный национализм: образованная элита йоруба и публичная дискуссия о браке

N. A. Zakharova

Cultural Nationalism: Yoruba educated elite and public discussion about marriage

Ключевые слова: йоруба, гендер, культурный национализм, брак.
*Keywords: Y*oruba, gender, cultural nationalism, marriage.

Семья представляет собой один из сложнейших продуктов общества. Ни в одном из прочих социальных институтов отношения не являются столь протяженными во времени, столь интенсивными по степени контакта, столь плотными в пересечении экономики, власти и эмоций [1, с. 65]. Для йоруба, как и для других народов Африки, семья представляет собой культурную доминанту, к которой обращались политики, идеологи, публицисты, начиная с конца XIX в. Вопрос о семье и ее формах был вопросом самоопределения народа йоруба, его идентичности.

Дискуссии о семье, возможных формах брака, нормах приемлемого поведения мужчин и женщин стали особенно острыми

© Захарова Н. А., 2022

с развитием идеологии культурного национализма. Э. У. Блайден, один из первых его теоретиков, писал: «Душа расы кроется в институтах, уничтожить эти институты значит убить душу – страшное убийство» [2, с. 108]. Сохранение традиционных институтов, прежде всего – общины, расширенной семьи, полигамного брака, стало одним из наиболее важных постулатов раннего африканского национализма [3, с. 112].

На протяжении всей колониальной истории в обществе йоруба происходили споры между сторонниками моногамного брака и полигамии. Они усилились после 1890-х гг., когда в колониальном Йорубаленде изменились политические настроения, стали проявляться черты расизма и дискриминации по отношению к местной образованной элите и местному населению в целом. В последней трети XIX в. в политике метрополии произошла резкая перемена. От политики свободной торговли Великобритания перешла к политике протекционизма и империалистического раздела мира. Смена курса обозначала, в частности, что колониальные власти и церковь перестали опираться на представителей новой элиты, выдвигать их на руководящие посты, содействовать образованию [4, с. 59].

Наступление политики «белого превосходства» существенным образом отразилось на взглядах местной образованной элиты, которая ощущала себя отвергнутой европейцами. Результатом существования подобных настроений и новой колониальной политики стало появление идеи культурного национализма [5]. С середины 1890-х гг. образованные йоруба стали вновь обращаться к родному языку, истории, социальным институтам. Одной из центральных идей главного идеолога культурного национализма Э. У. Блайдена стала мысль о необходимости сохранения полигамного брака и расширенной семьи, которые являлись основой социальной жизни африканца, ее уникальными институтами, наиболее приспособленными для специфического климата и способов труда и распределения [6, p. 11].

Вопросы семьи и брака вызывали острые дискуссии в местной прессе, газетах, публицистике, частной переписке [7, p. 11]. Христианский моногамный брак рассматривался как насаждение европейской цивилизации, чуждое африканской культуре и социальной реальности. Критики европейского влияния

объявляли распространение проституции, адюльтера, социальной незащищенности вдов последствиями моногамного брака [8, p. 37].

Африканский традиционный институт брака и семьи рассматривался некоторыми авторами как пример высокой морали. Моджола Агбеби находил, что полигамный африканский брак сравним с европейским браком, подразумевающим адюльтер и прикрывающимся «этикетом, который предстает лишь другим словом для аморальности» [9, p. 22]. Одним из главных достоинств полигамного брака назывался контроль над рождаемостью детей, что было связано с рядом табу, запрещающих вступление в сексуальные отношения супругам определенный период, обычно длившийся два-три года после рождения ребенка.

Частые роды – следствие моногамного союза – рассматривались как одна из важнейших проблем и причина смерти матерей и младенцев. В одной из статей в «Lagos Standard» (1913 г.) под названием «Напряженная жизнь современной цивилизации» говорилось об «огромном и вместе с тем увеличивающимся количестве смертей молодых женщин, ставших жертвами тяжелого испытания деторождения» [10, p. 4].

Период 1888–1901 гг. отмечен возникновением ряда независимых африканских церквей. Их основатели: М. Агбеби, Джордж Альфред Уильямс, Джеймс Джордж Кэмпбелл, Якоб Кехинде Кокер – обращались к Священному Писанию и создавали новые комментарии к нему. Религиозные лидеры не обнаружили в Библии каких-либо указаний, касающихся запрета полигамного брака. Во время проповедей, в памфлетах и газетных статьях они отстаивали идею о том, что брак, который практиковали европейцы, не является по своей сути браком христианским. Он, как прочие европейские социальные институты, проистекает из культурных традиций, но не из религиозного учения.

М. Агбеби, выступая в 1911 г. на Первом всемирном расовом конгрессе в Лондоне, высказал собственные представления о браке (их разделяли и другие сторонники идей «культурного национализма»): «…будет мудрым признать социальные законы страны и рассматривать полигамный брак как фундамент семьи и, конечно, как источник постоянного благосостояния страны <…> Полигамный брак как идея не противоречит развитию женщин и их активности в любых сферах человеческой деятельности <…>

Африканец, будь то публично или скрывая это общественности, всегда будет полигамным» [11, p. 346].

Подобные заявления религиозных лидеров не означали защиты полигамного брака как такового, но допускали к церкви тех, кто находился в полигамном браке, и проповедовали свободу выбора отдельного человека в вопросах супружества.

Ответной реакцией на подобные религиозные и идеологические преобразования стало появление среди прихожан «христианской местной» свадьбы или «свадьбы в гостиной». Подобные церемонии проводились, как правило, в гостиной комнате в доме невесты и сочетали традиционные ритуалы, и христианские молитвы [7]. Священнослужители в большинстве своем благословляли подобные союзы и несмотря на то, что они не регистрировались в брачных реестрах и не попадали под действие Ордонанса о браках, рассматривали их как христианские.

Исследователь К. Манн отмечала, что появление новой брачной традиции не стало замещением христианских браков как таковых, но способствовало созданию общественной нормы, касающейся традиционных союзов, которые практиковались и ранее [7].

Ссылки:

1. Коннел Р. Гендер и власть. Общество, личность и гендерная политика. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 432 с.

2. Цит. по Френкель М. Ю. Общественная мысль Британской Западной Африки во второй половине XIX в. М.: Наука, 1977. 296 с.

3. Френкель М. Ю. Общественная мысль Британской Западной Африки во второй половине XIX в. М.: Наука, 1977. 296 с.

4. Френкель М. Ю. История Нигерии в лицах. Первые идеологи национализма. М.: Институт Африки РАН, 2004. 178 с.

5. Frenkel M. Yu. Edward Blyden and the Concept of African Personality // African Affairs. 1974. Vol. 73. № 292. P. 277–289.

6. Blyden E.W. African Life and Customs. Baltimore: Black Classic Press, 1994. 96 p.

7. Mann K. Marrying Well: Marriage, Status, and Social Change among the Educated Elite in Colonial Lagos. N.Y.: Cambridge University Press, 1985. 194 p.

8. Mann K. The Dangers of Dependence: Christian Marriage among Flite Women in Lagos Colony, 1880-1915 // The Journal of African History. 1983. Vol. 24. №. 1. P. 37–56.

9. Agbebi M. Debate on European Marriage Custom in Africa and The Gospel, pp. 22-23. [Цит. по: Okonwo R. Mojola Agbebi: Apostle of The African Personality // Présence Africaine Nouvelle série. 1980. №. 114. P. 144–159.

10. Lagos Standard. 1913. August.

11. Agbebi M. West African Problem in Spiller G. Papers on inter-racial problems, communicated to the first Universal races congress, held at the University of London, July 26–29, 1911. L.: P.S. King and Son, 1911. 485 p.

УДК 008 (321)

А. С. Зданевич

Эволюция кризиса идентичности белой общины ЮАР (1994 – наши дни)

A. S. Zdanevich

The Evolution of the South African White Community Identity Crisis (1994 – present)

Ключевые слова: Южная Африка, кризис идентичности, белое сообщество.

Keywords: South Africa, identity crisis, white community.

В ряду традиционных для стран африканского континента проблем стоит одна, на наш взгляд, ключевая, с которой население современной Южно-Африканской Республики (ЮАР) с неизбежностью сталкивается на современном этапе исторического развития – как быть с собственным прошлым, как жить в настоящем, и есть ли надежда на будущее. Явление, о котором пойдет речь в сообщении, лишь часть упомянутого выше дискурса и может показаться второстепенным и не требующим особого внимания, но, его обсуждают сами жители Южной Африки, простые граждане и специалисты различных направлений науки,

© Зданевич А. С., 2022

объединенных проблематикой изучения современного общества и процессов в нем происходящих. Это кризис идентичности, охвативший одну из самых малочисленных, и в то же время наиболее уязвимых частей населения ЮАР – белое меньшинство.

Ученые и писатели, молодёжь и пожилые граждане, представители разных конфессий и этнических групп изо дня в день возвращаются к длинному списку проблем белой общины, пытаясь переосмыслить прошлое и предсказать будущее многонационального общества современной ЮАР. Более того, проблемы подобного рода не являются чем-то новым для Африканского континента на современном историческом этапе. В связи с этим, есть определенный смысл попытаться разобраться, все ли безнадежно для Африканского континента вообще и для ЮАР в частности? Стоит задуматься о природе явления, упомянутого выше, возможных причинах и истоках его возникновения, а также о судьбе народов, проживающих на юге Африки.

Основная задача, которую предстоит решить, – это попытка найти ответ на ряд вопросов, возникающих, когда, несколько отступая от прогрессивной линейной модели развития Мира «Запада», мы размышляем о судьбах Мира «Востока». Речь идет, прежде всего, о странах с формирующейся, или как ее еще называют, нестабильной экономикой. Однако в нашем сообщении мы вынуждены будем вести разговор не только и не столько об экономике и социальных процессах, происходящих в южноафриканском регионе. По объективным причинам мы ограничим поле исследования одной довольно обширной областью. В основном речь пойдет о ЮАР – регионе, находящемся в состоянии перманентного политического, экономического и социокультурного кризиса вот уже более 30 лет. Попробуем описать ситуацию в стране, переживавшей за последние 60 лет взлеты и падения, пытающейся найти свой путь встраивания в глобальный экономический процесс.

Каким мы, ученые-африканисты, видим будущее ЮАР? На поставленный, казалось бы, простой вопрос не так легко ответить. Он одинаково близок всем современным исследователям недавнего прошлого этой благодатной земли, наполненного противоречивыми трагическими событиями, надеждами, попытками исправить ошибки, приведшие к комплексу проблем сегодняшней Южной Африки.

Период апартеида (апартхейда), охватывающий почти половину XX в., занимал видное место в историографии советского периода. Причины и ход упомянутого исторического этапа хорошо изучены в России и за рубежом. Однако последствия этого пагубного явления, ставшего прошлым ЮАР в апреле 1994 г., оставляют массу вопросов, на которые не так просто найти ответы в условиях, когда профессиональное сообщество историков не может прийти к окончательной, единой позиции по многим частным вопросам, напрямую касающимся эпохи апартхейда. Этот период лег в основу дискуссии, развернувшейся в недавнем прошлом на страницах монографий и публикаций в периодической печати, затронувшей широкие слои населения, как в Южной Африке, так и за ее пределами.

Вот лишь некоторые из целого ряда вопросов, которые задают себе южноафриканцы на современном историческом этапе. Что делать с незавидным наследием прошлого, тесно связанным с периодом угнетения черного большинства? Способны ли современные африканские элиты вывести страну из тупика? Найдется ли место белому меньшинству в многонациональном обществе? Социологи и политологи, писатели, публицисты, обычные люди пытаются найти пути сближения, пути решения общих проблем. Ситуация сегодня патовая. Люди готовы к диалогу. Правительство ЮАР – нет.

Попытаемся также максимально отразить спектр противоречий, которыми ознаменовался кризис социального, политического и экономического развития одной из самых богатых и перспективных стран Африканского континента.

Последние 50 лет независимого развития руководство стран южнее Сахары потратило на адаптацию моделей управления, заимствованных у бывших метрополий, что привело к частичному, а местами и полному разрушению традиционных ценностей. Принцип достаточности – основа традиционного африканского общества – исчез из повседневной жизни людей. Лавинообразный характер встраивания развивающихся стран в политико-экономическую и культурную парадигму «западного типа» привел к однонаправленным, центробежным процессам бесконечного «поиска единственного пути», преодоления точки невозврата на границе между собственным прошлым и не до конца пока ощутимым будущим.

В уравнение успеха можно подставлять абсолютно любые переменные. В конечном итоге цель остается неизбежной – обществу необходимы перемены. Молодежь – самый динамичный и уязвимый кластер – готова на все, чтобы одним прыжком преодолеть разрыв в доходах и уровне жизни, неизбежно сравнивая Мир в границах независимых африканских государств с Миром вне этих пределов. Люди хотят жить в современном обществе, чувствовать себя идущими в ногу со временем. Они готовы к решительным действиям, в том числе к использованию радикальных моделей изменения ситуации в свою пользу. Следствием всего вышеперечисленного является комплекс проблем современного африканского общества – урбанизация, коррупция, вынужденная миграция внутри континента и за его пределы, распространение инфекционных заболеваний, затяжные локальные конфликты разной типологии.

Итак, если мы, находясь на значительном расстоянии от Африки, зададимся вопросом, оправдан ли выбор современного африканца? На этот вопрос до сих пор нет однозначного ответа ни в странах континента, ни за их пределами.

Что касается ЮАР, то камнем преткновения современного южноафриканского общества остается апартхейд. Добавила ли эта система привилегий белому меньшинству? Принесло ли это пользу белым?

«<…> почти каждый закон об апартеиде, принятый до 1948 г., был направлен на защиту белых от конкуренции. В краткосрочной перспективе эти законы сохранили рабочие места некоторым из представителей белой общины, которые в противном случае остались бы без работы <…> в долгосрочной перспективе эти законы никому не принесли пользы, и не позволили Южной Африке стать одной из самых богатых стран на земле» [1, p. 64].

Законы и постулаты развития современного Мира лишают традиционное африканское общество жесткой стратификации, опоры на принцип достаточности, способствуют размыванию патриархальной семьи. В качестве одного из ключевых факторов выживания в современном обществе развивающегося типа выступает попытка приспособиться к постоянно изменяющимся обстоятельствам. На первый план выходит поиск средств к существованию. Отсутствие оных, в свою очередь, вырабатывает ресурс приспособления к трудным условиям жизни. В теории,

беднейшая часть населения стран Африки остается наиболее жизнеспособной, но всему, в том числе и человеческому терпению, есть свой предел.

Возвращаясь к теме нашего сообщения, мы можем сосредоточиться на следующих вопросах: поможет ли восстановлению современного южноафриканского общества, устранение из повестки расовых категорий? Стоит ли белому меньшинству претендовать на новую идентичность – африканскую?

«Борьба с продолжающимся расизмом – не столько вопрос изменения способов самоидентификации, сколько вопрос изменения структуры общества и поведения людей по отношению друг к другу» [2, p. 123–124].

В современной Африке прослойка «новых» африканских элит, похоже, представляет серьезную проблему. Этот «политический резерв» или «кластер собственников», жаждущий сверхприбылей и власти, существенно тормозит процесс встраивания богатейших стран континента с его огромным потенциалом развития в глобальный экономический и исторический процесс. Как ни парадоксально, элиты транслируют концепции независимого, альтернативного развития, опоры на собственные силы и сотрудничества в рамках региональных объединений, заботы о будущем граждан, поддержки социальных проектов, противодействия коррупции и прочих знакомых всем нам образцов предвыборной риторики.

Есть ли надежда на поступательное развитие страны и региона на современном этапе? Большинство исследователей сходятся во мнении, что для африканских элит пришло время принятия решений. Это касается не только ЮАР, но и южноафриканского региона в целом, и затрагивает все сферы общественной жизни: образование, медицину, работу с молодежью, малоимущими гражданами.

«<…> Южноафриканцы были правы в конце 1986 г., когда в подавляющем большинстве <…> предпочли совместное управление, в котором не доминировала бы никакая группа. Поддержка черных достигала 75 %. Мысль о том, что Южная Африка может превратиться в либеральную демократию и оставаться стабильной, была несбыточной мечтой, в которую могли поверить лишь ученые. <…> правительство национального единства – единственная система, которая может вытащить нас из хаоса <…>» [3].

Кризис идентичности в указанном выше контексте, по-видимому, проявляется в связи с отсутствием в обществе и управленческом звене адекватных компенсаторных механизмов, способных противодействовать нарастанию напряженности в различных по уровню дохода и социальному статусу слоях населения. Попытка найти причину неблагополучной жизни чернокожего большинства в событиях прошлого приводит к эскалации конфликтов, в которых белые южноафриканцы с неизбежностью становятся жертвой, на бытовом и внутригосударственном уровне.

Стоит упомянуть лишь один из прецедентов – на уровне правительства несколько лет назад была озвучена инициатива изъятия земель у белых фермеров в пользу чернокожих граждан без компенсации, с энтузиазмом подхваченная оппозицией и приведшая к латентному кризису в обществе. В кризисе находится и система государственного управления ЮАР. Трагические события, к которым привели муниципальные выборы ноября 2021 г., тому подтверждение.

В стремительно меняющейся архитектуре международных отношений элитам Южной Африки необходимо отвлечься от заигрывания с собирательным «западом» и подать обществу нравственный пример. Настало время попытаться совместными усилиями и в рамках демократических процедур отыскать ответы на многочисленные вопросы, признать наличие проблем в обществе и выработать решение, устраивающее большинство южноафриканцев безотносительно их расовой, этнической и религиозной принадлежности.

Ссылки:

1. Louw L., Kendall F. South Africa: The Solution. Amagi Publications (PVT): Ltd., 1986. 250 p.

2. Matthews S. Shifting white identities in South Africa: White Africanness and the struggle for racial justice // UNISA Phronimon. Vol.16. № 2. 2015. P.112–129.

3. Giliomee H. What future for South Africa? URL: https://www.politicsweb.co.za/opinion/what-future-for-south-africa (accessed: 20.03.2022).

УДК 93/94

Л. В. Иванова

Роль сомалийской диаспоры в сохранении традиций

L. V. Ivanova

Somali Diaspora and its Role in Preserving Traditions

Ключевые слова: Сомали, эмиграция, адаптация, интеграция, культурное наследие.

Keywords: history, Somali, immigrants, adaptation, integration, cultural heritage.

Сомалийская диаспора одна из многочисленных диаспор в мире, что особенно заметно в скандинавских странах и некоторых городах США, например, в Миннесоте выходцы из Сомали – самые многочисленные представители африканского континента. Отчасти это является результатом бегства сомалийцев от гражданской войны на родине и последствия засух, однако сказывается и традиционная психология кочевого народа, коим являются сомалийцы. С конца XX в. ареал их кочевий значительно расширился до разнообразных климатических зон в масштабах всей планеты.

Сомалийцы в диаспоре представляют собой уникальное явление. Будучи чернокожими мусульманами, они нередко не признаются (да и сами не считают себя) ни африканцами, ни арабами. Молодые сомалийцы, увлекающиеся хип-хопом и музыкой в стиле рэп, считающейся частью культуры чернокожих афроамериканцев, вызывают неодобрение соотечественников. Сомалийцы демонстрировали свою религиозную идентичность в США, чтобы их не считали афроамериканцами, что привело к тому, что их стали ассоциировать с исламской террористической угрозой.

По моим наблюдениям, сомалийцы за рубежом держатся обособленно и с местным населением не смешиваются. В скандинавских странах ни местные жители, ни местные власти пользы от присутствия сомалийцев не видят. Предоставляя убежище сомалийским беженцам, принимающая сторона рассчитывала на образование нуклеарных, легко контролируемых

© Иванова Л. В., 2022

семей. Однако программы, дающие возможность воссоединения семей, изменили ситуацию.

Сомалийцы в диаспоре образуют большие семьи с внутренней системой взаимопомощи и особо не стремятся к взаимодействию с принимающим населением. Их адаптация практически сводится к нулю. Общение между родственниками регулируется традиционным правом и не возникает необходимости вмешательства государства в дела сомалийской общины. Высокая рождаемость среди сомалийцев не вызывает необходимости расширения местной системы дошкольного воспитания, так как сомалийские дети не посещают детские сады, находясь с матерями или другими родственницами дома, и не социализируются.

Так, сомалийцы остаются сомалийцами и за пределами родины. Благодаря сохранившейся системе семейных связей в пределах «большой» семьи, им удается поддерживать связь с родственниками в Сомали, как посредством Интернета, телефона или через кочующих по миру родственников. Они продолжают сохранять некоторые традиции, которые становятся фундаментом для самоидентичности вдали от родины. Например, в «домах для жевания ката» обсуждаются различные сомалийские проблемы, идет передача жизненного опыта, а для молодых – это возможность практики говорения на сомалийском языке.

Посягательство на ограничение ката воспринимается как угроза национальной идентичности. Некоторые традиции (как например, женское обрезание) вступают в противоречие с нормами принимающего общества, тем не менее, им стараются следовать.

Вместе с частью своей культуры сомалийцы вывозят за рубеж и часть своих местных проблем. Клановые связи внутри диаспоры вряд ли могут быть поняты сторонним наблюдателем: в частности, при приеме на работу в одну компанию нескольких сомалийцев могут возникнуть серьезные разногласия. Большее число работающих женщин-сомалиек в диаспоре изменило привычный для сомалийского сообщества баланс. Исследования показывают, что женщины легче адаптируются к новым условиям проживания и им легче найти работу, что не всегда устраивает их мужей.

Отношение к членам диаспоры в самом Сомали, как мне представляется, довольно потребительское. Возвращающиеся или время от времени приезжающие на родину представители первого поколения диаспоры (покинувшие страну в качестве беженцев,

главным образом) хорошо принимаются местным населением. Однако их дети, рожденные за рубежом, считаются чужими и рассматриваются как конкуренты во многих сферах. Молодые сомалийцы готовы финансово помогать родственникам, однако не стремятся ехать в Сомали. Для молодежи самоидентификация означает, в том числе, признание клановой принадлежности со всеми вытекающими последствиями, что для них непонятно, и традиционное представление о коллективной ответственности не всегда вписывается в рамки законности.

Молодые сомалийцы (уже имеющие второе гражданство) в поисках идентичности и при помощи современных технологий пытаются создавать и развивать собственные проекты цифрового возрождения сомалийского культурного наследия – собирают фотографии, архивные документы, музыкальные записи и фильмы. Возникает романтический виртуальный образ Сомали, разительно отличающийся от образа Сомали, созданного и создаваемого СМИ. Появляется новое явление – *виртуальная диаспора*. Открываются площадки для общения сомалийцев, обсуждения разнообразных проблем, взаимной психологической поддержки или, наоборот, горячих дискуссий. Проблемная ситуация на родине, негативный имидж страны усиливают стресс внутри диаспоры.

Сомалийская диаспора в поисках национальной идентичности оказалась перед необходимостью «собирания» собственной истории (написанной и записанной «другими») и ее переосмысления. Воссозданием имиджа страны и ее прошлого в текстах, изображениях и видеозаписях с использованием современных способов хранения, передачи и распространения информации занимаются главным образом индивидуумы, которые затем передают свои коллекции в архивы и фонды. Некоторые сомалийские студенты в разных ВУЗах мира, имея возможность пользоваться ресурсами местных библиотек, музеев и архивов, оцифровывают их коллекции по Сомали {например, проект «Vintage Somalia», запущенный сомалийским студентом Школы Востоковедения и африканистики Лондонского Университета (SOAS) в 2012 г.}. Несколько благотворительных организаций финансируют подобные проекты в крупных университетах в рамках программ сохранения культурного наследия. Одна из таких организаций – «Redsea Online Cultural Foundation» – основана в Сомалиленде в 1996 г. фондом принца Клауса (Нидерланды). Она

взаимодействует с образовательными учреждениями в Сомали, вовлекает местных студентов в свою деятельность, устраивает ежегодные книжные ярмарки, в рамках которых проходят театральные представления, творческие мастер-классы, показы фильмов, лекции и т. д. Проект Совета сомалийских организаций в Лондоне «Healing Through Archives» ставит целью ослабить психологическую травму членов диаспоры от потрясений и потерь гражданской войны посредством публикации фотографий благополучного Сомали и привлечь сомалийцев к изучению истории страны.

Некоторые сомалийские сайты обращаются к поэзии как к традиционному способу решения спорных вопросов у «нации поэтов», как некогда называли сомалийцев: поэтические баттлы среди сомалийцев могут оказаться интереснее рэп-баттлов в странах их пребывания. Оборотная сторона этого явления – открытость и легкая доступность информации для посторонних, причем дискуссии чаще всего ведутся на английском языке.

Среди политологов и социологов становятся популярными аналитические обзоры отдельных чатов, мониторинг настроений внутри представителей определенной страны, соответственно также увеличивается возможность любых провокаций извне.

В академической сфере издается несколько журналов, на страницах которых обсуждаются проблемы Сомали, однако не всегда среди европейских и американских аналитиков присутствуют сомалийские эксперты. Один из подобных конфликтов развивается в стенах Гарвардского университета (и соответственно обсуждается на электронных платформах Twitter и Facebook) с 2015 г., где Сафия Айдид, сомалийская исследовательница и феминистка, инициировала дискуссию «Белые исследования» (Cadaan Studies). В 2016 г. Сафия Айдид вступила в полемику (на базе Facebook и Twitter) с редактором «Журнала африканских исследований Сомалиленда» (Somaliland Journal of African Studies) немецким антропологом М. Хенне. Несмотря на заявления редакции в первом выпуске журнала о том, что он является «продуктом сотрудничества со студентами и учеными из Института изучения проблем мира и конфликтов при Университете Харгейсы», ни среди авторов, ни консультантов, ни членов редакционной коллегии не было представлено ни одного сомалийца. В ее состав вошли 9 европейских и американских

исследователей и 3 эфиопских исследователя из Университета Аддис-Абебы.

Между тем, в США сомалийскими исследователями издается журнал сомалийских исследований Bildhaan, несколько журналов издается и в Великобритании. В настоящее время приоритет отдается электронным журналам, а не их бумажным копиям, что делает их доступными большему количеству читателей по всему миру.

Повышение общего среднего образовательного уровня представителей диаспоры может иметь не только положительный эффект. Отчаянные трайбалисты начинают писать собственную историю и доказывать превосходство своего клана, пропагандируют субъективный взгляд на историю народа, интерпретируя по-своему авторитетные исследования, тем самым разжигая клановые противоречия.

Кажущаяся положительной роль диаспоры, на самом деле, имеет оборотную сторону. Так, с одной стороны, члены диаспоры могут финансово способствовать возрождению страны, открытию и функционированию учебных заведений, развитию международных деловых отношений, предпринимать миротворческие усилия. С другой стороны – они могут спонсировать военные действия и разжигать внутренние конфликты, причем находясь вдали от мест боевых действий, не ощущая и не видя страданий жертв. Будучи представителями разных кланов, разных социальных групп, представители диаспоры лоббируют определенные интересы. Однако в любом случае они – агенты перемен, носители культуры, которую они пытаются адаптировать к новым условиям, хотя их стремление сохранять определенные традиции может привести к обратным результатам и нанести вред самому сообществу.

УДК 325

Н. В. Ивкина

Постколониальные исследования в современной немецкой историографии

N. V. Ivkina

Postcolonial Studies in Modern German Historiography

Ключевые слова: постколониальные исследования, Германия, Африка, евроцентризм, эпистемические сообщества.

Keywords: postcolonial studies, Germany, Africa, eurocentrism, epistemic communities.

Немецкая постколониальная историография не так богата и обширна, как, например, британская или французская. Это связано прежде всего с тем, что колониальный период в истории Германии был непродолжительным. Кроме того, последующие события Первой и Второй мировых войн, а также послевоенный раздел Германии вытеснили из немецкой литературы более ранние страницы. Однако, в XXI в. исследования колониального и постколониального прошлого страны стали снова приобретать свою актуальность, что объясняется необходимостью выстраивать отношения с африканскими странами, получившими независимость от метрополий, вырабатывать как свой собственный, так и общеевропейский внешнеполитический, экономический и энергетический курсы.

Постколониальные исследования в Германии можно разделить на несколько уровней. Первый уровень – непосредственно научно-исследовательский – включает в себя научные статьи и монографии немецких исследователей, занимающихся оценкой колониального прошлого Германии, а также последствий, которые оказывают существенное влияние на внешнеполитический курс страны. Начало современным постколониальным исследованиям было положено в 80-е – 90-е годы XX в. [1, с. 1–18], когда в европейском научном дискурсе стало уделяться больше внимания налаживанию связей с бывшими колониями. Немецкие исследователи подключились к процессу оправдания действий

© Ивкина Н. В., 2022

европейских стран в колониальный период [2, с. 33–36]. Большинство исследований проводились в культурно-исторической ретроспективе. Это было необходимо для того, чтобы избегать вопросов о жестокости немецких колонистов в Юго-Западной Африке.

С начала 2000-х гг. немецкие постколониальные исследования стали опираться в том числе на уже имеющийся опыт борьбы с евроцентризмом. Это стало главным сюжетом, оправдывающим необходимость углубления сотрудничества с африканскими странами [3]. Отличительной чертой немецких противников евроцентризма является отсутствие столкновения со старой школой постколониализма именно в силу того, что она не была так развита, как в других бывших метрополиях.

Особое место в постколониальной историографии Германии занимает исследование борьбы отдельных народов африканских колоний против колониалистов. С учётом того, что Германия не признает геноцид народов гереро и нама, данный вопрос часто встает на повестку дня в научных исследованиях. Первая группа ученых ратует за то, чтобы факт геноцида был признан со всеми вытекающими из этого последствиями (признание моральной ответственности, выплата репараций и пр.) [4]. Приверженцы данного взгляда нашли доказательства жестокого обращения колонизаторов с местными племенами. П. Рорбах отмечает, что «само решение колонизировать Юго-Западную Африку не могло означать ничего иного, кроме как проведение политики изгнания племен со своих земель ради того, чтобы белый человек мог пасти там свой скот. Были созданы все условия для превращения южноафриканских аборигенов в рабочий класс, находящийся на службе у немцев» [5]. Существуют и те, кто критически относится к признанию геноцида. Таким образом, можно говорить о том, что дискуссия в немецком научном обществе идет по различного рода вопросам, не ограничиваясь исключительно одной сферой.

Второй уровень – образовательный. Во многих немецких университетах существуют программы, направленные на подготовку квалифицированных кадров в области постколониальных исследований по политическим, экономическим, искусствоведческим наукам. Большинство программ ориентированы на магистров: именно на этом уровне обучения происходит выбор научного

направления. Также приветствуются исследователи, которые хотят получить PhD по постколониальным исследованиям. Правительство Германии выделяет гранты на поддержку молодых ученых, в том числе в рамках программы DAAD.

В отличие от британского опыта Германии сложнее оправдать необходимость политических исследований в области постколониализма. Великобритания после крушения колониальной системы сумела сохранить связи с колониями, нередко контролируя их за счет экономического влияния, а также института Содружества Наций. Франция также преуспевает на этом направлении, развивая организацию Франкофонии. Германия не обладает сходными механизмами. С учетом своих ограниченных возможностей она делает особый акцент на гуманитарный аспект постколониальных исследований, а большинство программ ориентированы на социальные, культурные и гуманитарные сферы. Именно в рамках них происходит изучение истории колониального прошлого Германии и других бывших метрополий. Так, например в Бременском университете существует Институт постколониальных и транскультурных исследований (Institute of Postcolonial and Transcultural Studies (INPUTS) [6], который предлагает как магистерские, так и докторские программы, включающие изучение африканских языков исследование политических и экономических проблем континента.

В Мюнстерском университете действует специальная магистерская программа искусств в области британских и американских постколониальных исследований [7]. Программа включает курсы по лингвистике, литературе, книгоиздательской деятельности. В Университете Фриденсау (Friedensau Universität) популярным является направление в области постколониальных международных и социальных наук [8]. Такая образовательная политика Германии отражает ее усилия по нивелированию колониальных последствий (речь идет, прежде всего, о геноциде народов гереро, нама, овамбо и необходимости возмещения ущерба в виде репараций) [9, с. 181–192].

Третий уровень – аналитический. В Германии, как и в других европейских странах, процесс принятия внешнеполитических решений многоступенчатый. Одним из важных факторов является оценка действий правительства и отдельных структур специалистами, работающими в аналитических центрах, так

называемых think tanks (нем. Denkfabriken). Постколониальные исследования оказывают непрямое влияние на внешнеполитические решения, скорее помогая вырабатывать стратегию в отношении африканских стран на современном этапе.

Для более широкого охвата научно-аналитической аудитории Германия попыталась объединить исследователей постколониальных проблем в большое эпистемическое сообщество – Ассоциацию англоязычных постколониальных исследований (Gesellschaft für Anglophone Postkoloniale Studien) [10]. GAPS предоставляет сетевой и профессиональный форум для исследователей, студентов и преподавателей в этой области, независимо от того, базируются ли они в университетах, школах, колледжах или других учреждениях. Ассоциация проводит ежегодные конференции, публикует доклады по постколониальным исследованиям по всему миру. Большинство исследователей сходятся на том, что постколониальные теоретические подходы не могут быть унифицированы. Это подтверждается и тем, что до сих пор не выработано четкого понимая, что включает в себя термин «postcolonial studies» [11].

В целом можно сделать вывод о том, что в немецкой историографии по постколониальным исследованиям наблюдается большое количества лакун, особенно в политическом аспекте. Однако очевидна и тенденция к тому, что у исследователей есть интерес к тому, чтобы их заполнить. Об этом, в частности, говорит и увеличение количества взглядов по унификации подходов к постколониализму, и дискуссия в немецком научном сообществе относительно наиболее перспективных исследований.

Ссылки:

1. Knoll A. Germans in the Tropics: Essays in German Colonial History (Contributions in Comparative Colonial Studies). Praeger, 1987. 192 p.

2. Cooper F. Colonialism in Question. Theory, Knowledge, History. Los Angeles: Berkeley, 2005. 339 p.

3. Conrad S., Randeria S. Jenseits des Eurozentrismus. Postkoloniale Perspektiven in den Geschichts- und Kulturwissenschaften. Frankfurt a. M., N.-Y.: Campus Verlag. 2002. 560 p.

4. Zimmerer J., Zeller J. Völkermord in Deutsch-Südwestafrika. Der Kolonialkrieg (1904–1908) in Namibia und seine Folgen. Berlin: Links Verlag, 2003. 280 p.

5. Rohrbach P. Deutsche Kolonialwirtschaft, Vol. 1: Südwest-Afrika. Forgotten Books. 1907. 554 p.

6. Institute of Postcolonial and Transcultural Studies (INPUTS) // URL: https://gerit.org/en/institutiondetail/972442 (accessed: 20.03.2022).

7. British, American and Postcolonial Studies (MA). University of Münster. URL: https://www2.daad.de/deutschland/studienangebote/international-programmes/en/detail/4053/ (accessed: 21.03.2022).

8. Master of Arts in International Social Sciences. URL: https://www.findamasters.com/masters-degrees/course/master-of-arts-in-international-social-sciences/?i3433d8516c62860 (accessed: 21.03.2022).

9. Ивкина Н.В. Политика Германии в отношении Намибии: попытки преодоления колониализма // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2021. № 3. С. 181-192.

10. Gesellschaft für Anglophone Postkoloniale Studien. URL: https://g-a-p-s.net (accessed: 21.03.2022).

11. Postkoloniale Zeitgeschichte? Studies in contemporary history. URL: https://zeithistorische-forschungen.de/3-2020/5881 (accessed: 21.03.2022).

УДК 3+316.4

Е. Н. Касимовская

Этническая принадлежность и кросс-культурные вариации ценностей современных африканцев

E. N. Kasimovskaya

Ethnicity and Cross-cultural Variations in the Values of Contemporary Africans

Ключевые слова: всемирный обзор ценностей, Африка, Нигерия, Эфиопия, сдвиги в системе ценностей, кросс-культурные вариации ценностей, этнический фактор.

Keywords: world values survey, Africa, Nigeria, Ephiopia, shifts in value system, cross-cultural variations, ethnicity factor.

Эволюция ценностных приоритетов представляет собой неотъемлемую часть социально-экономического развития любой страны. Однако направление, характер и скорость эволюционных изменений в разных странах заметно различаются. Одна из самых

© Касимовская Е. Н., 2022

известных концепций культурных ценностей была разработана Р. Инглхартом и К. Венцелем [1] и предполагает выделение двух ракурсов.

Традиционные ценности противопоставляются секулярно-рациональным, а ценности выживания – ценностям самовыражения. Именно последние отражают процесс перехода общества к стадии постиндустриального развития. Африканские страны, в отличие от стран Запада, в большинстве своем характеризуются высокой степенью этнического разнообразия.

По разным оценкам, на территории современной Африки проживают от 500 до 8500 народов и этнических групп. Треть населения Тропической Африки и почти половину населения континента составляют не менее 10 крупнейших народов, численностью свыше 10 млн человек, такие как арабы, хауса, фульбе, йоруба, игбо, амхара, оромо, малагасийцы, зулусы и другие [2]. Нет сомнений, что каждая этническая общность обладает своими культурными особенностями. Закономерно задать вопрос: различаются ли ценностные приоритеты представителей разных народностей, населяющих одну и ту же страну? Является ли этническая принадлежность значимым фактором эволюции системы ценностей современных африканцев? Источником первичной информации для данного исследования послужил Всемирный обзор ценностей (World Values Survey) – долгосрочное крупномасштабное исследование эволюции взглядов, убеждений и ценностей на основе первичных опросов населения разных стран мира по более чем 600-м индикаторам, реализуемое международной группой ученых начиная с 1980-х гг. Первая волна (1981–1994) охватила всего 11 стран, куда вошла лишь одна африканская страна – ЮАР. На данный момент исследователями реализованы 7 волн, в ходе которых охвачены уже 120 стран мира и 94,5 % населения мира. Данные по всем волнам доступны в онлайн-режиме на сайте проекта https://www.worldvaluessurvey.org.

Исследования в рамках современной – седьмой – волны Всемирного обзора ценностей начались в 2017 г. и должны завершиться в декабре 2021 г. Однако результаты проведенных на данный момент опросов уже доступны в онлайн-режиме [3]. Основными направлениями исследований остаются мониторинг культурных ценностей, взглядов и убеждений в отношении пола, семьи и религии; вопросы относительно образования, здоровья

и безопасности; мониторинг социальной терпимости и доверия; культурные различия и сходства между регионами и обществами. Кроме того, в анкету WVS-7 были включены такие новые темы, как справедливость, моральные принципы, коррупция, миграция, национальная безопасность и глобальное управление.

Данные, полученные в ходе этой волны, позволяют ознакомиться с исходными анкетами на всех локальных языках, на которых проводилось анкетирование, что представляет собой дополнительный этнолингвистический интерес и одновременно позволяет мониторить адекватность доведения информации до опрашиваемых.

Один из вопросов, отражающих ценности самовыражения, предполагает противопоставление двух целей: экономического роста и защиты окружающей среды. Респонденты должны были сделать выбор между двумя утверждениями, касающимися целей социально-экономического развития тех стран, где они живут:

А – приоритет должен быть отдан защите окружающей среды, даже если это приведет к замедлению экономического роста и потере рабочих мест;

В – экономический рост и создание рабочих мест – это главное, даже если от этого страдает окружающая среда.

Результаты исследований таких африканских стран, как Эфиопия, Кения и Нигерия, в период 2017–2020 гг. свидетельствуют о том, что доля тех, кто привержен ценностям самовыражения (т.е. при опросе выбрали вариант А), не слишком разнится по странам и составляет 45,7 % в Эфиопии, 45 % – в Кении и 40 % – в Нигерии. При этом в 2005–2009 гг. в Эфиопии вариант А выбрало лишь 22 %. А в Нигерии опросы 2010–2014 гг. давали соотношение 34 % к 65 %. Очевидно, что ценности выживания пока играют более важную роль в целом, но одновременно прослеживается тренд на их эволюцию в сторону самовыражения.

Еще более любопытная картина складывается, если проанализировать ответы респондентов по этнической принадлежности. В Эфиопии в опросах участвовали представители всех основных этнических групп и народностей: амхара, тигре, оромо, сомали, афар, волайта. Представители трех народностей (амхара, тигре и афар) сделали выбор в пользу варианта А (защита окружающей среды), а остальные – в пользу экономического роста (см. табл. 1)

Таблица 1

Защита окружающей среды или экономический рост: выбор по этнической составляющей, Эфиопия, 2017–2020 (% от всех опрошенных)

Этническая группа/вариант	*Амхара*	*тигре*	*оромо*	*Сомали*	*афар*	*волайта*
A	51,3	59,7	36,1	37	69,2	32,9
B	46,3	34,1	63,2	63	21,2	67,1

Составлено по: Haerpfer, C., Inglehart, R., Moreno, A., Welzel, C., Kizilova, K., Diez-Medrano J., M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin & B. Puranen et al. (eds.). 2020. World Values Survey: Round Seven - Country-Pooled Datafile. Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVSA Secretariat. doi.org/10.14281/18241.13

Анализ результатов опросов населения Нигерии дал похожие результаты. Этнические группы по-разному расставляли приоритеты относительно экономического роста и защиты окружающей среды. В исследовании участвовали представители шести народностей, населяющих Нигерию: йоруба, хауса, игбо, фулани, тив и ибибио. Представители только двух народностей – ибибио и фулани – считают, что защита окружающей среды является приоритетной ценностью (см. табл. 2).

Таблица 2

Защита окружающей среды или экономический рост: выбор по этнической составляющей, Нигерия, 2017–2020 (% от всех опрошенных)

Этническая группа/вариант	*игбо*	*йоруба*	*хауса*	*Фулани*	*тив*	*ибибио*
A	38,3	39,7	33,3	58,2	41,9	72,9
B	59,7	57,6	64,1	41,8	58,1	27,1

Составлено по: Haerpfer, C., Inglehart, R., Moreno, A., Welzel, C., Kizilova, K., Diez-Medrano J., M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin & B. Puranen et al. (eds.). 2020. World Values Survey: Round Seven – Country-Pooled Datafile. Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVSA Secretariat. doi.org/10.14281/18241.13

Таким образом, очевидно, что представители разных народностей одной и той же страны по-разному расставляют

приоритеты относительно целей социально-экономического развития в дискурсе традиционного и современного. Подтвердится ли данное наблюдение применительно к другим африканским странам и что является причиной таких различий – региональные диспропорции, особенности природно-географической аллокации той или иной общности, институциональные факторы или что-то иное – предстоит еще выяснить.

Ссылки:

1. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с. (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»)
2. Львова Э. С. Этнография Африки. М.: МГУ, 1984. 2488 с.
3. WVS wave 7 (2017–2020): Haerpfer, C., Inglehart, R., Moreno, A., Welzel, C., Kizilova, K., Diez-Medrano J., M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin & B. Puranen et al. (eds.). 2020. World Values Survey: Round Seven – Country-Pooled Datafile. Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVSA Secretariat. doi.org/10.14281/18241.1

УДК 316.77

Кинфу Зенебе Тафессе

Современная роль СМИ и СМК в укреплении африканского самосознания

Zenebe Kinfu Tafesse

The Contemporary Role of the Mass Media in Strengthening of African Identity

Ключевые слова: средстав массовой информации, Африка, самосознание, Интернет, национальные кадры, Нигерия, Кения, ЮАР.

Keywords: media, Africa, self-awareness, Internet, national staff, Nigeria, Kenya, South Africa.

Средства массовой информации – мощная сила воздействия на сознание людей, средство оперативного донесения информации в разные уголки мира, наиболее эффективное средство влияния на эмоции человека, способное убеждать реципиента наилучшим

© Кинфу Зенебе Тафессе, 2022

образом. Особенно четко это проявляется в отношении электронных СМИ. По мере расширения технических возможностей их роль возрастает. А по эмоциональному воздействию на чувства и сознание людей они остаются пока непревзойденными и собирают самую большую аудиторию.

Общеизвестен исторический факт, что в 1950–1960-е гг. по всему африканскому континенту прокатилась волна протестов и восстаний против колониального правительства. С момента возникновения антиколониальных партий и организаций именно газеты берут на себя задачу просвещения африканцев, становления их самосознания. Политические и профсоюзные лидеры, не пренебрегая примерами других стран, рассматривают журналистику и публицистику как важнейший фактор освободительного движения на африканском континенте. Например, только в Дагомее (ныне Бенин) одна партия Прогрессивный союз Дагомеи в 1939–1959 гг. выпускала восемь периодических изданий. Демократическое объединение Африки и две другие партии – пять, а профсоюзы – девять.

Именно в 1950–1960-е гг. во многих странах Африки укрепляются позиции печати на национальных языках (до этого газеты и журналы выходили в большинстве своем на языках европейских колонизаторов, их приложения-переводы на родных языках были отнюдь не частым явлением). Появляются национальные информационные агентства, создается Ассоциация африканских журналистов, а в 1965 г. – Федерация арабских информационных агентств – ФАНА [1], объединившая информационные агентства 14 арабских (5 африканских и 9 азиатских стран).

Позднее, с мая 1983 г., начала действовать ПАНА [2] – Всеафриканское информационное агентство, куда вошли информационные агентства и службы 40 африканских стран. ПАНА активно выступает против необъективного, по их мнению, освещения африканских проблем зарубежными СМИ и «…содействует эффективному обмену между членами Организации африканского единства – ОАЕ объективной информацией о жизни стран континента на основе сообщений африканских национальных агентств».

1980-е годы можно назвать кризисными для африканской печати, которая развивается в этот период весьма неравномерно. Причины данного явления кроются в нехватке квалифицированных кадров, высоком проценте неграмотности среди населения,

в отсутствии современных технических средств, росте цен на газетную бумагу и типографское оборудование. В связи с этим в некоторых странах вместо ежедневных газет издаются лишь информационные бюллетени (например, Чад, Экваториальная Гвинея), в других – пресса более развита, но не пользуется спросом населения (в Кении газеты читают лишь 21 человек из 1000). В арабских странах Африки пресса наиболее развита, например, в Алжире издается более 300 периодических изданий, в том числе 10 ежедневных газет, в Тунисе более 300 газет и журналов, в Марокко – более 100 изданий, а в Египте – около 400 изданий.

Самым ярким событием 1990-х гг. на континенте по праву считают крушение апартеида в Южно-Африканской республике и получение независимости республикой Намибия. С 1980 г. прессе ЮАР, еще только начинающей поднимать голову, в буквальном смысле слова наступают на горло. Вся печать, издаваемая на английском и африканских языках, принадлежит печатным монополистическим объединениям, крупнейшим из которых является «Аргус принтинг энд паблишинг компани» (Argus printing and publishing company) [3], владеющая десятками газетами, в том числе семью ежедневными. В отношении остальных изданий со стороны властей применяются карательные и репрессивные меры.

С приходом к власти в 1994 г. нового смешанного в расовом отношении правительства началось превращение ЮАР в открытое демократическое общество. Появляется конституция, в которой помимо прочих свобод отмечена свобода высказываний, печати и других СМИ. С 1997 г. журналиста фактически не имеют права посадить в тюрьму в случае его отказа открыть источник информации. Читатели, в свою очередь, обладают правом критиковать публикации и жаловаться, если они посчитают информацию недостоверной, либо несправедливо их очерняющей в лице общественности.

В то же время создается организация, которая призвана помогать созданию местных программ и переходу собственности к «черным» предпринимателям – Независимое управление вещания (Independent Broadcasting Authority – IBA) – Ай-би-эй [4].

В 1960-70-е гг. на первый план среди СМИ выходит радио. Помимо информационной, оно берет на себя еще просветительские и воспитательные функции. Помимо общеобразовательных и культурных программ посредством радио население обучалось грамотному, нормативному языку.

Но уже в начале формирования СМК появились проблемы; например, законодательство в области телевидения и радиовещания зачастую ничего не говорит о контроле над государственной службой радиовещания. В ряде случаях решение о выдаче лицензии может даже не входить в компетенцию надзорно-регламентирующего органа, а зависеть от министерства информации. Учитывая всеобщую бедность сельских районов, озабоченные лишь погоней за прибылью предприниматели не были ничуть заинтересованы в создании передач для вытесняемых ими за пределы цивилизованного общества жителей.

В современный период успешное решение политических, экономических и социальных задач все больше зависит от действий такого субъективного фактора как социальная активность личности. Важную роль в ее формировании играют средства массовой информации. О возрастающей роли печати, радио и телевидения в общественной жизни страны свидетельствуют их бурный рост, распространенность и доступность массовой информации. Печатное и устное слово, телевизионное изображение способны в кратчайшие сроки достигнуть самых отдаленных районов, проникнуть в любую социальную среду.

На сегодняшний день в Африке, как и в предыдущие годы, несмотря на значительное позитивное развитие во многих странах, а также в связи с избранием Барака Обамы первым чернокожим президентом США, мировые СМИ, особенно американские, китайские, индийские, японские и европейские обращают пристальное внимание на Африку. В некоторых странах (в частности, Бенине, Буркина-Фасо, Республике Гвинея, Зимбабве, Камеруне, Кот-Д'Ивуаре, Мали, Мозамбике, Сенегале, Судане, Сомали, Чади, Эритрее и других) журналисты и работники СМИ (владельцы, редакторы, издатели) являются жертвами репрессий. Их по-прежнему убивают, арестовывают, задерживают и подвергают цензуре, оказывая политическое, экономическое и социальное давление. В Африке особенно распространены подобные способы давления на печать. Существуют системы лицензирования, которые ограничивают возможность издавать печатные издания, визовые ограничения, не позволяющие свободно передвигаться журналистам, также ограничения на обмен новостями и информацией, особенно касающейся международных событий и освещающей национальную политику.

Во многих странах, по-прежнему власти устанавливают тотальный контроль над информацией. Кроме этого, африканские

СМИ наряду с нехваткой квалифицированных кадров также испытывают трудности из-за сложных технологических и экономических условий. В условиях Африки, при наличии большого количества неграмотных и малограмотных жителей, слабом развитии периодики, телевидение (наряду с радиовещанием) могло бы стать весьма важным каналом массовой информации. Но количество владельцев телевизоров все еще невелико. В начале 1990-х гг. их количество на континенте не превышало одного процента от общемировой численности наличных телеприемников.

В общем, становление национальных телекомпаний на континенте, требующее немалых капиталовложений, было осложнено дефицитом средств наряду с политической нестабильностью, кроме того, даже Национальное руководство порой сознательно откладывало сроки создания телецентров, полагая, что из-за нехватки средств, неразвитости технической и профессиональной базы собственного телевизионного производства африканское телевидение неизбежно превратится в канал западного политического и культурного влияния. В результате телевещание в ряде стран было организовано намного позже завоевания независимости, например, в Камеруне, Мали и т. д.

В эпоху Интернета у африканских СМИ немало значительных достижений. Так, в июне 2010 г. международная консалтинговая компания McKinsey [5] выпустила отчет о перспективах развития Африки до 2020 г., и он стал одной из причин «разогрева» интереса к ведению бизнеса на континенте. Первый шаг быстро сделали некоторые страны, например Нигерия – одна из крупнейших стран в Африке по размеру экономики и первая, с огромным отрывом, по населению, с растущим уровнем проникновения интернета и невысокой конкуренцией.

Тут большую роль играют соцсети, особенно Facebook-страницы, мультимедийного проекта с верифицированными социальными сетями, мобильными приложениями и сетью локальных журналистов в стране, бессомненное отмечен в истории успеха от Facebook и некоторые компании получили инновационный грант от YouTube в рамках программы Google News Initiative.

Вторая – это Кении, страна-лидер с самым высоким уровнем проникновения Интернета по Африке, в 2019 г. он составляет 89 %. Поэтому проект быстро стал самым популярным ресурсом в стране. Кроме местного телевидения, присутствие BBC (БиБиСи) имеет

сильное влияние на африканском медиа. Складывается уникальная ситуация и с Интернетом – все крупные города в странах покрыты 4G, но он все еще очень дорогой. Люди считают каждый мегабайт. Поэтому существенная доля трафика приходится на мобильные браузеры, которые нетребовательны к ресурсам телефонов и эффективно сжимают трафик. Например, согласно Statcounter [6] на сентябрь 2019 г. в Кении-Нигерии доля Opera Mini составляет 49 %,

Глобализация оказывает огромное влияние на страны Африки. Кроме положительных моментов, рассмотренных выше, можно отметить и негативное воздействие этого процесса. Среди аудиовизуальной продукции, поставляемой разными СМИ и Интернетом, практически нет местной, изготовленной в самой Африке. Большинство информационных материалов, которые распространяются на континенте, производятся в западных странах: США, Великобритании, Канаде, Португалии. Появление богатого информационного рынка, безусловно, расширяет доступ африканцев к информации и знаниям, но содержание предлагаемых материалов не всегда соответствует запросам местной аудитории. Это может привести к разрушению традиций, ценностей и идеалов африканского общества.

Конечно, сегодня, так же как в 1960-х гг. большое значение для Африки имеет проблема использования местных языков. Все глобальное вещание на континенте осуществляется на английском, французском, португальском языках. В Интернете, в основном, используется английский язык, хотя им владеет лишь 10 % населения земного шара. Есть Интернет на французском, русском, но нет на коса, тсвана, свази, амхара и даже на суахили.

Немаловажно, что перед африканским и развивающимися странами других регионов мира в XXI в. стоит задача не только создать развитые системы телекоммуникаций, но и обеспечить доступ к новым технологиям всех групп африканцев. Первые шаги в этом направлении уже предпринимаются, появляются новые формы доступа к новым технологиям: создаются телецентры, киберкафе, электронные киоски. Они уже имеются в 21 стране Африки.

Сама Африка стоит на распутье. Либо она сможет воспользоваться преимуществами, которые несет распространение новых технологий в мире, либо останется информационно бедным регионом, исключенным из жизни мирового сообщества. В общем,

исходя из общей картины, мы понимаем, что африканские СМИ могут играть ведущую роль в формировании социальной среды, влиянии на политическую и экономическую жизнь. Но возможности африканских медиа лишь увеличатся, когда они перейдут на более качественный уровень технического оснащения, кадрового обеспечения и получат большую свободу слова и мира на континенте.

Ссылки:

1. Federation of Arab News Agencies. URL: https://www.fananews.com/en/ (accessed: 23.02.2022).
2. Panapress – PanAfrican News Agency. URL: http://www.panapress.com (accessed: 23.02.2022).
3. Argus Printing and Publishing Company Ltd. URL: http://www.rhodesianstudycircle.org.uk/argus-printing-publishing-company-ltd / (accessed: 23.02.2022).
4. Independent Broadcasting Authority. URL: https://www.iba.org.zm (accessed: 23.02.2022).
5. McKinsey. URL: https://www.mckinsey.com/ru/overview (accessed: 23.02.2022).
6. Startcounter. URL: https://statcounter.com (accessed: 23.02.2022).

УДК 93/94 (44)”19,20”

А. В. Кишкурно

Эмигрантские библиотеки во Франции

A. V. Kishkurno

Emigrant Russian libraries in France

Ключевые слова: русская эмиграция, Париж, эмигрантские библиотеки
Keywords: Russian emigration, Paris, emigrant libraries.

В основу данной статьи легли сведения, полученные мной из общения с представителями русской диаспоры во Франции, сотрудниками Тургеневской библиотеки в Париже, а так же в рамках моей работы в качестве одного из авторов альманаха «Из Парижа: русские страницы».

© Кишкурно А. В., 2022

Кроме того, в моих руках находится архив Барона Байе, переданный мне предыдущим хранителем, диктором «Радио Свободы» в Париже в 1975–1984 гг. Анатолием Айковичем Шагиняном, его личная библиотека и библиотека Киры Каменецкой, преподавателя русского и польского языков Университета Жана Жореса в Тулузе, близкой подруги одного из исследователей творчества Марины Цветаевой Анны Александровны Саакянц. Мать К. Каменецкой была дружна с М. Цветаевой и ее дочерью Ариадной. Я не использовала никаких письменных источников, так как задачей исследования является характеристика домашних эмигрантских библиотек, так как у меня в руках оказались не просто книги, а полная библиотека и часть этих книг уникальна по своему происхождению.

Кроме того, по завещанию мне было поручено передать в Москву прижизненные издания Ивана Бунина (они были переданы Шагиняну именно для того, чтобы переправить их в Москву) [1; 2; 3; 4]. В сентябре 2020 г. книги были отправлены в Библиотеку им. И. Бунина и в настоящее время находятся на реставрации. К посылке мной также были приложены три тома воспоминаний «Устами Буниных» [5; 6; 7], изданные в Германии и полученные мной в наследство от Киры Каменецкой. Она просила меня отправить книги в Москву, чтобы российские ученые имели возможность использовать столь бесценный архив.

Мне бы хотелось поделиться своими мыслями о русских эмигрантских библиотеках Франции. Я рассматриваю только издания на русском языке. Архив Барона Байе состоит из документов 1890–1909 гг. и включает разнообразную литературу [8; 9], а так же работы самого Барона Байе [10; 11; 12] на французском языке: автор писал на французском языке, но документы касаются его исследования Абхазии, Юга России и имеют непосредственное отношение к русской эмигрантской литературе.

Библиотечные фонды можно разделить на несколько частей: 1) издания дореволюционные, изданные в Российской Империи; 2) издания дореволюционные, изданные в Европе; 3) эмигрантские журналы, издаваемые после 1917 г.; 4) советские журналы; 5) художественная литература, издаваемая в СССР; 6) художественная литература, издаваемая за пределами СССР; 7) монографии об СССР; 8) учебники, справочники, словари.

Классификация основана на тех фондах, которые находятся в настоящее время в моей личной библиотеке. В библиотечных фондах Тургеньевской библиотеки в Париже, которые были изучены в процессе подготовки данной статьи, имеют те же рубрики.

К дореволюционным изданиям, вышедшим в свет на русском языке за границей, относятся афиши русских музыкантов, художников; открытки с портретами Анны Павловой. Реклама русских ресторанов. Большинство из материалов связано с Дягелевым и его деятельностью. К этой же рубрике относится религиозная литература, Библия, путеводители по святым местам. В моей библиотеке есть «Путеводитель по Египту» с автографом автора в адрес членов церской семьи. Каким образом эта книга оказалась в библиотеке Анатолия Шагиняна – неизвестно.

Гораздо богаче в эмиграностких библиотеках представлен ассортимент дореволюционных книг, изданных в Российской империи. По этим книгам можно судить о том, какие книги забирали с собой русские аристократы, покидая Россию. Именно такие сведения представляли мне владельцы библиотек. Анатолий Шагинян в течении многих лет собирал полное собрание сочинений А.С. Пушкина 1887 г. издания и нашел все 9 томов. Почему книги оказались у разных владельцев – неизвестно. Скорее всего первые владельцы продавали собрание сочинений по частям, пытаясь выжить в эмиграции, отрывая от сердца каждую книгу, так и не решившись продать сразу все собрание сочинений.

Отдельно хочется сказать о Пушкине и пушкиноведении. Это один из немногих русских поэтов, которого непрерывно издавали во Франции на французском языке, работы о нем писали в эпоху расцвета русской эмиграции. В 1937 г. в Париже продавались не только изданные в СССР собрания сочинений А. С. Пушкина, но и обзоры его творчества на французском языке. Отношение к нему в России/СССР и за их пределами в равной мере восторженно и единодушно.

В моей библиотеке эмигрантские журналы представлены такими изданиями как «Современныя записки» (1930-е гг., Париж), «Русскія записки» (1930-е гг., Париж), «Мосты» (1960–1980 гг., Париж), «Грани», «Москва-Иерусалим». Журналы, которые не предназначались к переправке в СССР, издавались обычным форматом. Журнал «Грани», предназначавшийся и для советского

читателя, публиковался маленьким форматом (А-8), его удобно было прятать в чемоданах и личных вещах французских «туристов».

В эмигрантских библиотеках Франции имеются такие журналы как «Знамя», «Литературная учеба» и другие. Русская эмиграция перепечатывала произведения из этих журналов в эмигрантских журналах. Примером тому служит перепечатка рассказа Михаила Евдокимова «Мама Валя» [13].

В Париже существовал магазин русской книги «Глоб», где можно было купить в свободной продаже книги, которые с большим трудом можно было купить даже в Москве. Русский магазин «Глоб» пережил Перестройку, развал СССР, но не пережил пандемию. Он был закрыт в 2021 г. Если бы он дожил до 2022 г., он бы закрылся в марте. Всплеск русофобии в настоящее время привел к тому, что найти уникальные издания на русском языке практически невозможно.

На литературе, издаваемой на русском языке за пределами СССР, мне бы хотелось остановиться. Из изученных мной в моей библиотеке изданий, за исключением научной литературы, например, книги Н. О. Лосского «Общедоступное введение в Философию», вышедшей из типографии издательства «Посев» [14], я бы определила тональность всех изданий как антисоветские или антирусские. Именно такой тематики литература выходила в уже упомянутом издательстве «Посев», именно такой тональностью обладают издания французских издательств. И, если в 1920-е гг. в парижском издательстве «Ренессанс» выходили в свет произведения таких авторов, как Николай Рощин [15], А. Муратов [16], В. М. Гаршин [17], Борис Зайцев [18], этнографические материалы, например, «Казачество» [19], то в послевоенные годы, кроме романа Б. Пастернак «Доктор Живаго» [20], кстати, опубликованного в микроскопическом формате, благодаря которому он был ввезен в СССР, входили в свет еще стихи Юлия Даниэля [21], Александра Некрича [22], а также откровенные политические инсинуации, типа: «Армянский вопрос и Советская политика» [23] С. Торосяна.

Особый интерес представляют способы пополнения библиотек на русском языке. Одним из основных является доставка книг из России или СССР. Нет вообще ни одного периода в эмиграции, когда бы не было возможности получения книг на русском языке

из СССР. Книги продавались в специализированных магазинах, привозились в подарок.

Вторым способом пополнения эмигрантских библиотек было перепечатка привезенных из СССР книг местными типографиями. Третий – издание журналов и публикование работ современных русскоязычных писателей. В настоящее время русские книги можно найти, главным образои, на помойках: это печальная традиция в последнее время приобретает массовый характер.

Отдельной темой стала перепечатка самиздатовской литературы, привезенной в виде рукописей из СССР дипломатами или диссидентами. Такова история перевозки рукописи Б. Пастернака «Доктор Живаго» и ее приезд в Тулузу.

Ссылки:

1. Бунин И. Деревня. Париж: Русская Земля, 1921. 370 с.

2. Бунин И. Господин из Сан-Франциско. Париж: Русская Земля, 1921. 368 с.

3. Бунин И. Жизнь Арсеньева: первое полное издание. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1952. 388 с.

4. Бахрах А. Бунин в халате. Нью-Йорк: ТЗП, 1979. 177 с.

5. «Устами Буниных». Дневники. В трех томах. Т. 1. Франкфурт-на-Майне: Посев,1977. 367 с.

6. «Устами Буниных». Дневники. В трех томах. Т. 2. Франкфурт-на-Майне: Посев,1981. 319 с.

7. «Устами Буниных». Дневники. В трех томах. Т. 3. 1934–1953. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1982. 223 с.

8. Об остатках древности в пределах казанской губернии, Доклад IV Российскомй Археологическому Съезду Н.А. Толмачева, Казань, Типография Императорского Университета, 1890. 53 с; с атласом на 10 страницах.

9. Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического Общества, снаряженными на Высочайшие дарованные средства. Выпуск XI, Москва, 1909. 162 с.

10.Le Baron J. De Baye. Les bronzes Emaillés de Mostchina Goverment de Kalouga /Russie/Paris : Librairie Nilsson, 1891. 10 p.

11. Le Barone de Baye. Rapport sur les decouvertes faites par M. Savenkov dans la Sibérie Orientale, Lecture faite A l'Académie des science du 27 février 1893. Paris: Librairie Nilsson, 1894. 17 p.

12.Le Baron J. De Baye, Le Trésor de Szilagy-Somlyo, /Transylvanie/ Paris : Librairie Nilsson, 1892. 107 p.

13. Евдокимов М. Мама Валя // Литературная учеба. 1984. № 4. С. 29–33.

14. Лосский Н. О. Общедоступное введение в философию. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1956. 220 с.

15. Рощин Н. Горное солнце. Париж: Книгоиздательство Возрождение La Renaissance, 1928. 200 с.

16. Муратов А. Магические рассказы, Париж: Книгоиздательство Возрождение La Renaissance, 1928. 170 с.

17. Гаршин В.М. Надежда Николаевна. В Чешской Праге. Париж: Издательство «Наша Речь», 1920. 60 с.

18. Зайцев Б. Жизнь Тургенева, Париж : YMCA PRESS, 1932, 210 с.

19. Казачество, Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества, Париж: Издание «Казачьего союза», 1928. 380 с.

20. Пастернак Б. Доктор Живаго. P.: Société d'Edition et d'Impression Mondiale, 1959. 634 с.

21.Даниэль Ю. Стихи из неволи. Амстердам: Фонд имени Герцена, 1971. 94 с.

22. Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк: Хроника, 1978. 170 с.

23. Торосян С. Армянский вопрос и советская политика. Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1957. 27 с.

УДК 908

Ю. А. Кривошеева

Женские нарративы о фабричных буднях: работа, семья, общественная польза

Yu. A. Krivosheeva

Women's Narratives about Factory Everyday Life: Labour, Family, Public Benefit

Ключевые слова: нарратив, женщина, работница, фабрика, повседневная жизнь.

Keywords: narrative, woman, female worker, factory, everyday life.

Обращение к проблемам нарратива и места источников личного происхождения в глобальной микроистории, проблемам исторической памяти, получило широкое распространение в трудах отечественных

© Кривошеева Ю. А., 2022

исследователей [1–4]. Несмотря на известную тенденциозность, источники личного происхождения проливают свет на повседневность, что позволяет исследователю обратиться к проблемам обыденной жизни на микроуровне, в том числе с использованием подходов гендерной истории и регионалистики. В отличие от прочих групп исторических источников, эго-документы представляют собой взгляд на «маленького человека» не «со стороны» или «сверху»; они, напротив, показывают личное отношение акторов к событиям и явлениям близкой и понятной им жизни, «очеловечивая» региональную и национальную историю.

Микронарративы ярославских текстильщиц представлены мемуарами и автобиографиями, опубликованными [5; 6; 7] и отложившимися в фондах региональных архивов.

Хронологические рамки исследования ограничиваются второй половиной XIX – началом XX в., географические – Ярославской губернией. Изученные источники сформированы преимущественно во второй половине XX в. и охватывают значительный временной период, начиная с последних десятилетий XIX в., времени, когда основная масса авторов пребывала в юном возрасте и, едва успевая поступить на фабрику, попадала под влияние «идейных» коллег, что в итоге отрицательно сказывалось на полноте и наполненности означенных нарративов.

Воспоминания работниц едва ли не всех текстильных фабрик региона о дореволюционной повседневности крайне скудны и во многом ограничиваются стандартными упоминаниями о неустроенном быте, «бесчеловечных условиях труда»: темные, неблагоустроенные казармы с минимумом личного пространства, личных вещей и предметов обстановки, постоянные грязь, шум и засилье паразитов; низкий заработок, высокие штрафы, якобы без причины, утомительный, длинный рабочий день.

К примеру, А. П. Куропаткова так вспоминала обстановку «каморок» Норской мануфактуры: «…деревянные короткие кровати, у окна скамейка, небольшой столик и пара табуреток <...>, над кроватью – люлька с ребенком. В общежитии для холостых – нары в два этажа» [8, с. 398]. Е. В. Кукушкина в собранных ею материалах о Волжской мануфактуре указывала на то, что казармы в поселке напоминали «большой сарай с окнами», а женщины и девушки размещались там «без подушек и одеял, прикрывались кто чем – кто своим платьишком, кто дергожкой. Сидели на своих матрасах и чурбанах, а все хозяйство их

помещалось в деревянном сундуке под койкой». Также автором отмечалось отсутствие «культурных учреждений», а характер досуга рабочих оценивался скорее как девиантный [9, л. 5об.–6].

Н. М. Борисова писала о рабочих сменах на Локаловской мануфактуре с раннего утра до позднего вечера, отсутствии уличного освещения, постоянных штрафах: «Уронишь шпулю или моток – 10 копеек штраф. С подругой смеялись – еще 10 копеек». Борисова также отмечала низкое качество продукции в фабричной лавке: «… селедки проржавелые, крупы засоренные, постное масло прогорклое, мясо и молоко в лабазе не продавалось» [10, л. 20].

В своих мемуарах женщины уделяли внимание проблемам детского здоровья, в частности, А. Д. Тараканова, работница Ярославской Большой мануфактуры (ЯБМ), отмечала, что в рабочих казармах особенно плохо жилось детям – не хватало воздуха и света. Сама Тараканова, по словам матери, потерявшей восьмерых детей, выжила только благодаря тому, что в детстве была отправлена в деревню к бабке [10, л. 162].

Среди прочего, текстильщиц беспокоило собственное тяжелое детство, отсутствие возможности получить образование и бедность. А. К. Михеева вспоминала безрадостное сиротское детство без «материнской ласки» в семье дяди – родители женщины, текстильщики ЯБМ, рано умерли от туберкулеза [11, л. 53].

К. А. Пятошина училась в «казенном училище», обладала хорошими способностями к учебе, но за неимением средств у семьи после окончания начальной школы была вынуждена работать няней, затем портнихой и уже после поступила ткачихой на фабрику [10, л. 112, 123].

Некоторые работницы вспоминали о типично женских трудностях: Е. Н. Клюшникова отмечала отсутствие родильного отделения при больнице фабрики П. А. Сакина – женщины рожали на полу в «казармах», там же, где обычно «спала вповалку вся большая семья» [10, л. 66]; текстильщица ЯБМ Е. Н. Булыгина, рано осиротев, в 17 лет была выдана замуж – «тетка не хотела кормить лишний рот» [10, л. 28]; А. П. Преснухина указывала на «чрезмерное внимание мастеров» на Норской мануфактуре [12, л. 68].

Конечно, в духе времени, большее внимание в своих нарративах работницы уделяли общественно-политической деятельности, в том числе и до 1917 г. Подобные воспоминания оставляли, в первую очередь, активистки, после революции находившиеся на высоких

постах в органах власти, занимавшиеся политической работой среди женщин, деятельностью по организации и развитию «детских учреждений». Значительная часть авторов вышла из семей, где хотя бы один мужчина, к примеру, брат или отец, был вхож в круги революционно настроенных рабочих.

В число обязанностей активисток входили как относительно безобидные виды деятельности, такие как дежурство, агитация несознательных рабочих, распространение книг, брошюр и листовок, разучивание революционных песен, посещение раненных товарищей в больницах, так и более опасные виды работы – участие в нелегальных собраниях, боевых дружинах, остановка станков во время забастовок, передача посланий заключенным и др. [11, л. 59–61, 67; 12, л. 43 об., 69]. Примечателен тот факт, что редкие нейтральные или положительные оценки дореволюционного прошлого давались уже не самими текстильщицами, а их потомками в последующих поколениях [13, с. 42].

Изучение нарративов позволяет исследователю обратиться к коллективной памяти изучаемой группы лиц, проявляющуюся через память отдельных индивидов [14, с. 11], способствует формированию коллективного портрета работниц типичного промышленного региона Центральной России.

Таким образом, анализ образов, запечатленных в женских нарративах показал, что фактологическое наполнение последних отличалось однообразием негативных оценок бытовой, семейной и производственной повседневной жизни, выражавшееся в емкой фразе: «Жизнь женщин была тяжела и беспросветна», в то время как воспоминания об общественно-политической работе отличались, скорее, патетическим духом – некоторые женщины видели в этом смысл жизни [12, л. 70].

Ссылки:

1. Марасанова В. М. Коллективная биография рабочего-фронтовика по материалам завода «Красный маяк» в 1941–1945 гг. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: историческая память, ценность и идеалы Победы: сборник научных статей. Ярославль: ООО «Российские справочники», 2021. С. 167–175.

2. Репина Л. П. Биография в контексте «глобальной микроистории» // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева)»:

материалы Всерос. науч. конф. с межд. участ. (Чебоксары, 18 апр. 2019 г.). Чебоксары: ИД «Среда», 2019. С. 12–18.

3. Пушкарева Н. Л. Антропология повседневности в социальной памяти советских женщин-ученых (на примере Новосибирска, 1950-е – начало 1990-х гг.) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. 2020. № 10. С. 220–223.

4. Событие в истории, памяти и нарративах идентичности. М.: Аквилон, 2017. 400 с.

5. Волжские текстильщики: Посвящается 100-летию Волжской шерстопрядильной фабрики им. Р. Люксембург и пос. Волга, 1895–1995 гг. Пос. Волга, 1996. 239 с.

6. Воспоминания ветеранов Октября. Ярославль: Ярославское книжное издательство, 1957. 116 с.

7. Рядовые ленинской гвардии: очерки и статьи о ярославцах – активных участниках социалистического строительства. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1970. 222 с.

8. Моя родина – Норский посад. Ярославль: Александр Рутман, 2005. 424 с.

9. Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО). Ф. 4773. Оп. 6. Д. 222.

10. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 4773. Оп. 6. Д. 134.

11. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 4773. Оп. 6. Д. 71.

12. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 4773. Оп. 6. Д. 72.

13. Жизнь во благо: памяти Е. Е. Классена (1842–1910): сборник статей и материалов / под ред. Н. В. Обнорской. Ярославль: Конверсия, 2010. 48 с.

14. Репина Л. П. Память и наследие в «крестовом походе» против истории, или рождение «мемориальной парадигмы» // Уральский исторический вестник. 2021. № 2 (71). С. 6–16.

УДК 392.3 + 396.6

Н. Л. Крылова

Русские жены африканцев в литературном процессе

N. L. Krylova

Russian Wives of Africans in the Literary Process

Ключевые слова: Африка, русские женщины, литература, Кот-д`Ивуар.
Keywords: Africa, Russian women, literature, Côte d'Ivoire.

Сегодня уже достаточно глубоко исследованы и описаны истории русских женщин-эмигранток, оказавшихся в первой половине XX века в Африке, культурная среда их обитания, способы их творческого самовыражения в условиях эмиграции, а также отдельные образцы женского литературно-поэтического, публицистического и эпистолярного опытов, восходящие к эпохе Русского исхода [1–5].

«Эстафету» эмигрантской российской культуры в Африке – скорее, формально, с оговорками как гражданско-правового, так и социокультурного характера – приняла группа сначала советских, а позже российских граждан, расселявшихся в странах Африки со второй половины прошлого века. Это были по преимуществу группы русских женщин, добровольно оставлявших историческую родину, вступая в брачные отношения с гражданами африканских стран, создавая «смешанные» семьи.

В структуре «зарубежья» в принятом смысле слова это сообщество занимает особое положение (как де юре, так и де факто), по некоторым чертам и признакам сближаясь с ним, но вместе с тем не тождественное последнему [6]. Общей для всех групп русского зарубежья в Африке типологической характеристикой остается существование на стыке чрезвычайно разных, несхожих культур.

В то же время современный афро-русский «смешанный» брак как социальное явление приобретает совершенно особый социокультурный ракурс. Обретают свои черты и формы творческого самопредъявления женщин. Образцы художественного творчества наших соотечественниц, где они находят свой особый ракурс изложения увиденного и пережитого, становятся еще одним

© Крылова Н. Л., 2022

этнокультурным источником, пополняемым наблюдениями женщины, внедренной в африканский социум как полноценный участник его повседневной жизни.

Обращение к гендерному аспекту литературного письма в контексте социокультурных практик в Африке обусловлено не только желанием показать через произведения различные судьбы женщин, оказавшихся в разное время в независимой Африке, ставшей так или иначе чужой или, наоборот, землей их новой жизни. Будет ли процесс приспособления трудным, а новое укоренение мучительным, станет ли возможным ощущение своей принадлежности к разным мирам одновременно или возникнет переживание чуждости своей повсюду – так или иначе, соотечественнице предстоит не только создавать и охранять жизнь своей семьи, продолжить род или зачать новый, участвовать в жизни совершенно иной среды, в окружении другого – социального, культурного, экономического, политического, конфессионального – контекста, часто с совершенно другими традициями и миропредставлениями.

Этому в той или иной мере посвящены литературные опусы двух наших соотечественниц, в разное время оказавшихся в Кот-д`Ивуар – стране, расположенной в Западной Африке, до 1960 г. остававшейся колонией Франции. Их труды представлены как в традиционном книжном формате, так и в электронном варианте.

У авторов много общего. Две русские женщины много лет живут в одной африканской стране, наблюдая и описывая свою жизнь в многолетнем афро-русском браке. Обе имели советский опыт гендерной социализации, и многое в их текстах объясняется теми обстоятельствами, теми атмосферами, в которых они воспитывались и формировались. Обе успешны в карьере, профессиональной и общественной сферах, и ныне принадлежат к средним слоям африканского общества. Наконец, обе не известны широкой публике, зато вполне репрезентативны в сообществе соотечественниц, живущих в странах Африки.

Исследовательский интерес к обеим книгам определяется тем, что авторы приехали в страну в разное время. Т. Айе – в конце 1960-х гг.; В. Куаме – на переломе веков. Таким образом, появляется возможность проследить жизнь россиянки на почти полувековом временном пространстве. Общность освещаемых вопросов авторами-представительницами разных поколений предоставила уникальную возможность получения большого –

и прежде всего межпоколенческого – разнообразия интерпретаций того или иного факта на фоне как специфической ситуации внутри семьи, так и шире – конкретных политико-экономических и социокультурных условий жизни западноафриканской страны на протяжении практически всего периода независимости.

Книги очень разные не только по формату. Первое сочинение [7] по всем признакам следует отнести к жанру автобиографии (хотя сама автор в подзаголовке использует термин «рассказы»), где на первый план выступает женщина, пытающаяся осмыслить социально-культурный контекст собственной жизни, обстоятельно описывая свое советское детство и юность, а затем особенности бытия инокультурной и иноконфессиональной среде. В итоге получилась автобиография личности, главный посыл которой можно сформулировать так: одновременно существуют несколько вариантов твоей жизни, и только ты решаешь, какой из них выбрать. И Т. Айе пишет историю выбранной ею жизни. Историю позитивную, выстроенную по бетховенской формуле «Через страдание к радости проходит путь каждого из нас», где общий (или, по крайней мере, изначальный) контекст – советская действительность, впоследствии меняющаяся на действительность африканскую, и процессы, происходящие в культурно-цивилизационном порубежье.

Второе произведение во многих отношениях необычно. Пугающий, на первый взгляд, объем (без малого 400 с., набранных через один интервал) уже с первых страниц компенсируется интересным, порой уникальным историко-этнографическим материалом, что автор и фиксирует в заголовке к своей книге («Записки сумасшедшего этнографа»). В. Куаме – профессиональный филолог-фольклорист, которая по-новому смогла подойти к африканскому миру и своему месту в нем. «Исследовательская привычка вставать на разные точки зрения, рассматривать ситуацию, анализировать ее… помогла мне разобраться в происходящем и в самой себе. Я просто восприняла случившееся как некий этнографический эксперимент с полным погружением в культурную среду» [8, с. 8].

Ее история жанрово полифонична. В целом, это художественный текст, основанный на фактах, обобщенных автором, и показывающий, как все это видится глазами людей. Автор позволяет фактам самим говорить за себя (что они и делают и весьма впечатляющим образом),

для чего прибегает к дневниковым записям, почерпнутым на просторах Интернета, из «Живого Журнала», с форумов и новостных порталов. Дословная фиксация подобного «полевого материала» позволила ей не только выстроить своеобразную галерею социально и психологически выразительных портретов представительниц русскоязычного сообщества в Африке, но и достаточно широко охватить специфику их бытия в условиях африканской действительности.

В самом общем плане это широкомасштабное, аналитически осмысленное изображение африканской жизни глазами русской женщины и одновременно попытка презентации в жанре литературной инструкции. Здесь можно получить множество рекомендаций, советов, подсказок начинающим «русским африканкам». Однако книга – не только руководство для женщин, намеревающихся вступить в брак с африканцем. Авторский взгляд фиксирует мельчайшие нюансы повседневного окружения, но с определенной оценкой, которая неизбежно и привела к решению написать книгу. «И вот уже в мой мозг закралась мысль – а не записать ли мне все мои приключения и впечатления?» [8, с. 9]

В итоге получилось зрелое, художественно оформленное размышление об Африке и о себе в ней. Масштабность и глубина анализа менталитета современного африканца может сделать этот труд небесполезным и для тех, кто участвует в выстраивании социальной политики в отношении африканцев-эмигрантов, причем не только в России, но и в Европе.

Ссылки:

1. Анастасия Ширинская. Бизерта. Последняя стоянка. СПб: Фонд содействия флоту. 2003. 344 с.

2. Автографы Бизерты. Дневники. Воспоминания. Размышления. М. : Фонд имени А. А. Манштейн-Ширинской, 2012. 352 с.

3. Беглова Н. С. Изабелла Эберхардт (Серия «Жизнь замечательных людей»). М.: Молодая гвардия, 2019. 272 с.

4. Сухов Н. В. История русской эмиграции в Марокко в XX веке. М.: ИВ РАН. 276 с.

5. Pauline de Mazieres (Prascovia Cheremeteff). Histoires de Russes au Maroc. Fragment IY. Oustinovka (Sidi Abdellah). Edition Khbar Blanda, 2012. 53 p.

6. Крылова Н. Л. О себе и эпохе: литературное творчество русских эмигранток в Африке // Ученые записки Института Африки Российской академии наук. 2021. № 2 (55). С. 90–104.

7. Айе-Пиманова Т. Из Волоколамска в Африку. Тамаркины рассказы. Старица, ПЦ CMYK, 2021. 110 с.

8. Саркисова-Куаме В. Бамбарбия Киргуду (записки сумасшедшего этнографа). URL: https://www.academia.edu/43143135/ (дата обращения: 12.10.2021).

УДК 94(61)

О. Д. Куликова

«Красивые» и «безобразные». Женщины Алжира и Туниса в описании русских путешественников XIX в.

O. D. Kulikova

The Beautiful and the Ugly. The women of Algeria and Tunisia in the Descriptions of Russian Travelers of the 19th century

Ключевые слова: Алжир, Тунис, женщина, путешественники, красота.
Keywords: Algeria, Tunisia, woman, travelers, beauty.

XIX в. вполне можно назвать периодом романтизации Востока и Северной Африки. Ориентализм как направление в искусстве и литературе, подразумевающее в основном арабские сюжеты, был весьма популярен в Европе и России. Восток представлялся европейцам красочным, сказочным, экзотическим и иррациональным миром, исполненным магии. Такой, по большей части вымышленный, образ противопоставлялся обыденности и рутине европейской жизни. Он манил, но многие путешественники были шокированы разительным контрастом между реальной жизнью и картинной идиллией [1].

В данном небольшом исследовании мы рассмотрим французскую часть Северной Африки – Алжир и Тунис XIX в.

В России серьезное изучение региона началось в 1830-е гг., после завоевания Алжира французами. Стали появляться публикации в прессе, посвященные городам, культуре Алжира, проблемам колониальной политики и борьбе алжирцев за независимость (журналы «Современник», «Отечественные записки», «Русское слово»

© Куликова О. Д., 2022

и др.) [2, с. 158–159]. В Африку потянулись русские путешественники – военный историк М. И. Богданович, естествоиспытатель Э. И. Эйхвальд, врачи А. А. Рафалович и А. В. Елисеев, геолог и географ П. А.Чихачев, дипломат и военный Л. Ф. Костенко и другие [3]. В основном – ученые и военные. Каждый из них оставил о своих путешествиях записки, воспоминания, статьи, делая в них акцент на сфере собственных интересов.

Одним из самых привлекательных восточных образов был образ арабской женщины (точнее, женщины Ближнего Востока и Северной Африки) – загадочной и страстной красавицы, обитательницы гарема. Европейские выставки были наводнены изображениями обнаженных одалисок и султанских наложниц в экзотических одеждах, возлежащих на подушках и коврах. Их красоту и сексуальную привлекательность воспевали великие мастера: О. Энгр, Э. Делакруа, Т. Шассерио, Ж. Л. Жером и другие. Собирательный образ знойной брюнетки с большими черными глазами, тонким носом и маленьким ртом покорял. Изредка встречались рыжеволосые и блондинки – намек на плененных европеек. Чернокожие девушки на картинах играют роль служанок.

Гарем был одной из самых востребованных тем, хотя далеко не все художники имели представление о том, как он выглядит на самом деле.

Молву об «арабских» красавицах умело использовали для рекламы туристических маршрутов по Северной Африке. На французских плакатах конца XIX – начала XX вв., рекламирующих Генеральную Трансатлантическую Компанию, отправляющую пароходы из Марселя в Алжир, можно увидеть и задумчивых, и игривых молодых арабок на фоне ландшафтов Туниса и Алжира [4; 5].

Появились многочисленные фотографии девушек из разных регионов Алжира в национальных одеждах. Довольно большой пласт таких изображений («алжирских типов») имел эротический подтекст: полуобнаженные (с оголенной грудью) «танцовщицы». Арабская женщина для европейца являлась одним из символов, или, как сейчас говорят, «брендов» Северной Африки.

Какими же видели воспетых поэтами и художниками красавиц русские мужчины-путешественники? Далеко не все путешественники описывают внешность встреченных ими людей, многие не высказывают оценочных эмоциональных суждений.

Возможно, потому что заметки о поездках публиковали люди серьезные, ученые и военные, а не художники и писатели. Некоторые всё же оперируют понятиями «красивое»-«некрасивое», но перед нами встает вопрос, что же они понимали под красотой? Будем исходить из того, что красота есть то, что приятно глазу и вызывает положительные эмоции.

Первыми, кого встречал в Алжире турист, были мавританки: так называли «городских» арабов, которые считаются потомками испанских мавров. Их описание можно найти у дипломата, военного и востоковеда Льва Фиофиловича Костенко, автора множества географических очерков и военно-исторических трудов, который в 1874 г. посетил Алжир и Тунис. По результатам поездки он в 1876 г. издал книгу «Путешествие в Северную Африку», иллюстрированную Н. Каразиным. Проделав путь из Марселя в г. Алжир, он проехал всю страну до Сахары и отправился в Тунис. Его книга – не вполне воспоминания о поездке, а настоящих научный труд, с подробным описанием климата, флоры, фауны, населенных пунктов и местных жителей. Часть сведений автор брал из алжирских архивов. По своей структуре книга напоминает учебник по географии тех времен в несколько расширенном варианте. Время от времени в тексте встречаются личные впечатления автора, истории из жизни, которые он наблюдал.

Л. Костенко дает описание внешности и костюма почти всех народов, населяющих Алжир и Тунис, в том числе и женщин.

Мавританок, по мнению Л. Костенко можно назвать красивыми: они среднего роста, хорошо сложены, у них овальные лица, большие уши, гладкие или кучерявые черные как смоль густые волосы, маленькие руки, но большие ноги (видимо, автор имел ввиду ступни). Интересно, что под хорошим сложением, как любой европеец того времени, Костенко должен был понимать стройную фигуру, однако позже он упоминает, что у самих мавров идеалом красоты считалась полнота. Как все женщины Востока, мавританки чернят брови и ресницы, выбеливают кожу лица и румянят щеки.

Однако, как замечает Костенко, миловидность девушек исчезает с возрастом: черты лица грубеют, они быстро стареют. Путешественник связывал такие метаморфозы с ранним замужеством, тяжелой работой и дурным обращением со стороны мужей [6. с. 26].

На улице мавританки похожи на «закутанное белое привидение», поскольку носят большой кусок ткани, покрывающий голову и туловище, вуаль на нижней части лица и широкие панталоны. Дома наряжаются «чрезвычайно пышно». Описание сопровождает иллюстрация с изображением «домашнего костюма алжирской мавританки»: молодая девушка с большими глазами и почти греческим профилем, в кафтане, шапочке с кисточкой и богатым ожерельем на груди. Она вышивает, что символизирует один из главных видов деятельности мавров – производство и продажу одежды и обуви [6, с. 26–29].

Чуть больше эмоций у Л. Костенко вызвала внешность алжирских евреек. Они, по его мнению, очень красивы, высоки ростом, хорошо сложены, не закрывают лица, носят европейскую одежду темного цвета и черную повязку вокруг головы [6, с. 30]. Портретов еврейских женщин его книга не содержит, но об их внешности мы можем судить по картинам Т. Шассерио, написанным в 1849–1851 гг. {«Алжирские еврейки на балконе» (1849 г.), «Еврейки из Константины, баюкающие ребенка» (1851 г.)} и фотографиям конца XIX в.

Двигаясь на юг к Сахаре, путешественники нередко попадали в небольшой туземный городок-крепость Богари. По описанию Л. Костенко, он был центром не только местной торговли (благодаря удачному местоположению), но и проституции. У Костенко создалось впечатление, что почти половина горожанок – проститутки, пришедшие из южных оазисов «для промысла, безобидное название которому трудно придумать» [6, с. 53]. Суровый военный не скупится на эпитеты и красочно описывает «целые кучи <…> существ, разодетых и расфранченных по-своему и провожающих прохожего самыми вызывающими, самыми беззастенчивыми гримасами». Они некрасивы, у них широкие лица с «несформировавшимся, как у детей, носом», густо накрашенные брови, татуировки, сделанные синей краской, черные огромные косы с вплетенной в них для объема шерстью закручены в виде калачей по обеим сторонам лица, несколько серебряных колец в ушах, множество браслетов и несколько рядов ожерелий на груди. В его книге представлена гравюра под названием «Бедуинка», с изображением похожей по описанию женщины. Действительно, с точки зрения европейских канонов красоты она выглядит грузной и непривлекательной [6, с. 122–123].

Л. Костенко презрительно именует их «богаринскими львицами», отмечая, что среди них есть не только молодые, но и пожилые женщины. Впрочем, автор считает, что такой род занятий, как бы он ни был отвратителен, по крайней мере, избавляет их от непосильной работы и побоев мужа [6, с. 54].

В совершенно невыносимых условиях, по мнению Костенко, живут женщины арабов-кочевников. Они низведены на уровень вьючной скотины, работают как рабы без отдыха, выполняя самые тяжелые работы. Их избивают за малейшую провинность не только мужья, но и взрослые сыновья. Красивыми их можно назвать только в подростковом возрасте, в 12 лет они уже выходят замуж, в 13 рожают, к 20-ти уже отцветают и становятся «безобразными, и это безобразие увеличивается с каждым годом» [6, с. 123].

Подобные образы описывает и А.Н. Куропаткин в работе «Алжирия» (1877 г.). Говоря про ксар Аи-Мадди, он пишет, что его женщины славятся своей красотой, но преждевременные браки, тяжелая работа и жаркий климат быстро их старят. У мужчины с несколькими женами «временной любимицей» является самая молодая, ее можно узнать по более яркому и богатому костюму. «Насладившись ее молодостью и красотою он (муж) обращает ее в свою работницу, покупая себе новую молодую жену» [7, с. 180].

Среди других народностей Алжира путешественники упоминают берберов – кабилов. Профессиональный военный Л. Костенко не описывает внешность берберок, но с явным восхищением отмечает, что они не забитые существа, как арабки, а напротив, способны встать рядом с мужем против врага с оружием в руках, перевязывать раны, мстить за его смерть [6, с. 32].

Путешествуя по Сахаре, А. Куропаткин побывал в оазисе Уаргла, где проживали арабы, мозабиты (берберская этническая группа), евреи, мулаты и негры. И здесь он дал волю своим эмоциям, несколько раз упомянув, насколько некрасивы его жители. Говоря о мозабитах, Куропаткин, впрочем, добавляет, что «их некрасивые лица часто смышлены и скрашиваются умными и выразительными глазами» [7, с. 239].

По отношению к жительницам города, ходившим с открытыми лицами, А. Куропаткин позволил себе совсем уж бестактное замечание, что им как раз и надо бы прикрыть лица, так как они «почти поголовно были замечательно безобразны» [7, с. 218].

Разительный контраст с арабками представляют туарегские женщины. Путешественники отмечают, что они пользуются гораздо большей свободой, обучаются грамоте и уважаемы в обществе. Врач и антрополог А. Елисеев, побывавший в гостях у племени в 1884 г., описывает туарегов, как высоких людей с овальными лицами, тонкими губами, правильными носами. Их женщины очень красивы, и их лица сильно напоминают европейский тип. Особенно поразила Елисеева красота дочери вождя, по имени Афанеор (в буквальном переводе: «Полная луна»). Девушка с тонкими чертами лица, изящная и стройная, одетая в белоснежное короткое платье с красным поясом и красным плащом, покрывающим ее голову и плечи, в глазах русского путешественника предстает настоящей амазонкой, истинной дочерью пустыни. На предплечье она носит небольшой кинжальчик, которым прекрасно владеет, также как луком и копьем, стойко переносит все лишения жизни в пустыне не хуже любого воина [8, с. 119].

Л. Костенко в свою очередь вносит небольшую ложку дегтя в описание туареженок, отмечая, что их «слишком большая» свобода приводит к падению нравственности, в частности, «они даже любят ходить вовсе без одежды» [6, с. 110].

Если в Алжире можно было найти красавиц, Тунис по части женской красоты полностью разочаровывал русских путешественников. Они отмечают небывалую тучность местных мавританок, которых перед замужеством специально раскармливают растительной пищей, запрещая двигаться. Невероятная полнота считается здесь идеалом красоты и «порядочности происхождения». «Нельзя без сердечной боли смотреть на эти грузные массы человеческого мяса, с трудом двигающиеся по улице и дома проводящие время исключительно в откармливании себя, подобно тому как в Европе откармливают скотину на убой», – пишет Л. Костенко [6, с. 188].

Нелепо с точки зрения европейца выглядит и костюм тунисских мавританок – большая черная вуаль закрывает лицо, и чтобы видеть дорогу, женщине приходиться идти, растопырив руки, придерживая ее.

Еврейки, поражавшие своей красотой в Алжире, в Тунисе выглядят совершенно по-другому. Путешественники отмечают, что, подобно мавританкам, они очень полные, при этом носят свободную короткую распашную рубашку и белые, обтягивающие

чулки и панталоны [9, с. 64]. Башмаки носят не по размеру маленькие, короче самой ступни, так что пятка свисает при высоком каблуке, либо вообще касается земли. Волосы взбивают на голове в виде кока, и по улице ходят с открытым лицом. Л. Костенко предполагает, что еврейки в Тунисе занимаются проституцией.

В своей книге он приводит гравюру с изображением двух полных круглолицых евреек, выглядящих довольно вызывающе с точки зрения европейца кон. XIX в. одна из них сидит, широко расставив ноги и закинув ступню одной ноги на колено другой – часто встречающаяся на фотографиях того времени поза алжирской и тунисской женщины [6, с. 190–191].

Безусловно, красота – понятие относительное. Анализируя идеал красоты в ту или иную эпоху, мы сталкиваемся со многими трудностями. Нужно учитывать не только общепринятый идеал, но и вкусы конкретного человека. Мы можем сравнить словесное описание с портретами, но необходимо помнить, что техника живописи и фотографии несовершенна и не способна передать обаяние и харизму. Еще труднее анализировать высказывания о физической привлекательности целой народности. Большинство путешественников судили о красоте всей нации по нескольким увиденным ими представительницам.

Ссылки:

1. Золотой век ориентализма. Что современники Верещагина видели на его картинах. URL: https://bm.tretyakovgallery.ru/article/329025905523449899/zolotoj-vek-orientalizma (дата обращения: 25.03.2022).

2. Кукуян В. Г. Вклад русских ученых и путешественников в изучение Алжира (XVII – 1-я пол. XIX вв.) // Страны и народы Востока. М., Главная редакция восточной литературы, 1991. Вып. XXVII. С. 150-170.

3. Николаев Н.Н. Русская Африка. М., Вече, 2009. 400 с. URL: https://www.rulit.me/books/russkaya-afrika-maxima-library-read-320829-37.html (дата обращения: 24.03.2022).

4. Frederic Hugo D'Alesi (1849-1906). Compagnie Générale Transatlantique, la France, L'Algérie et la Tunisie. URL: https://www.christies.com/lot/frederic-hugo-dalesi-1849-1906-compagnie-generale-transatlantique-5469338/?intObjectID=5469338&lid=1] (accessed: 25.03.2022).

5. Frederic Hugo D'Alesi (1849–1906). Tunisie. URL: https://www.christies.com/lot/lot-frederic-hugo-dalesi-tunisie-5469332/?from=searchresults&intObjectID=5469332 (accessed: 25.03.2022).

6. Костенко Л. Ф. Путешествие в Северную Африку. СПб., Типография А. Траншеля, 1876. 246 с.

7. Куропаткин А. Н. Алжирия. СПб., Типография В. А. Полетики, 1877. 310 с.

8. Елисеев А. Знакомство с туарегами //Африка. Иллюстрированный географический сборник. М., Т-во И.Н. Кушнерев, 1911. С. 114-124.

9. Дионео. Тунис. //Африка. Иллюстрированный географический сборник. М., Т-во И.Н. Кушнерев, 1911. С. 62-66.

УДК 94+39:316.722

П. А. Куценков

Письменные, этнографические, устные и археологические источники по истории догонов

P. A. Kutsenkov

Written, Ethnographic, Oral, and Archaeological Sources on the History of the Dogon

Ключевые слова: догоны, история, Бондиагара, историография, исследования.

Keywords: Dogon, history, Bondiagara, historiography, research.

Источников по истории догонов до относительно недавнего времени было совсем немного. Прямых упоминаний о них нет ни в средневековых арабских тарихах, ни в европейских описаниях Африки XVI–XIX вв. Тем не менее, в некоторых письменных источниках можно найти кое-какие сведения, которые, хоть и имеют к догонам только косвенное отношение, могут пролить свет на некоторые эпизоды их истории. Так, сведения о нагорье Бандиагара и о взаимодействии его населения с империей Songaи содержатся в «Тарих аль-фатташ» [1, с. 47, 50–51, 206]. Там же упоминаются и некие «данники Дженне» Касамбара [1, с. 23]. В примечании 29

© Куценков П. А., 2022

к этому фрагменту сказано, что племя Касамбара идентификации не поддаётся, но «Делафосс отмечал существование селения Касамбара в области Бакуну на границе нынешних Мали и Мавритании <…> Однако совершенно неясно, существовала ли какая-либо связь между этим районом и сервильным «племенем» Касамбара» [1, с. 407].

Вероятно, что этих «Касамбара» можно отождествить с догонами тиге (клан, клановое имя, джаму) – «Кассамбара», которые теперь обитают в нескольких деревнях культурно-исторической области Бондум на северо-востоке нагорья Бандиагара, и мигрировали туда в конце XVIII – начале XIX вв. из деревень Са и Гулумбо во внутренней Дельте, возле о. Кориенце. Туда они пришли в XVII в. с территории, подконтрольной в то время «империи» бамбара Сегу. Таким образом, вполне возможно, что Кассамбара обитали во времена империи Songaи на Нигере, а вовсе не на современной границе между Мали и Мавританией. Правда, возможна и миграция из «селения Касамбара» в Дельту где-то между XV–XVIII вв.

Существующие в литературе ссылки на Тарих аль-фатташ не всегда достоверны. Так, М. Аттино пишет, что сообщается, будто сонни Али Бер во время своих многочисленных походов в Ятенгу и Гурма «часто останавливался в Стране догонов и много шутил с людьми, чтобы избежать бегства жителей из разных деревень при каждом его проезде. Сонни Али дал понять догонам, что они, как и он, происходят из народа анимистов, очень приверженного своей культуре, и не проявляют воинственности, поскольку он подписал с ними пакт о ненападении, который связывает его и всех его потомков. Согласно тому же договору, songaи никогда не причинит вреда или вреда догонам. Этот пакт соблюдался при жизни Сонни Великого (период его правления с 1464 по 1490 г.), и по сей день. Сонни Али, как сообщается, просил догонов никогда больше не убегать от него при виде него, поскольку он только пересекает их земли, чтобы добраться до земель своих соперников» [2, p. 10]. Во-первых, сразу обращает на себя внимание неточность: «проклятый» сонни (ши) Али погиб, согласно Тарих аль-фатташ, не в 1490, а в 1492 г. [1, с. 50–51, 206]. Во-вторых, в Тарих аль-фатташ такого отрывка нет, но нагорье там действительно упоминается.

М. Аттино не даёт ссылки на источник, а в списке литературы к его статье Тарих аль-фатташ отсутствует. Характер самой этой истории заставляет предположить, что фрагмент позаимствован из какой-то устной традиции, обосновывающей сананкуйя между

догонами и сонгаями, где для придания ей веса действительно есть упоминание о Тарих аль-фатташ.

На деле отношения между населением современной Страны догонов и сонгаями не были такими уж безоблачными. Во всяком случае, начались они весьма драматично: в 1491–1492 г. ши (сонни) Али напал на некоего Бисму, «<…> и Бисма был убит, а ши Али прошёл в Тамсаа. И месяц рамадан [следующего года] начался для него в Тамсаа, и там совершил он праздничную молитву. Затем он выступил по следам племени бейдан, пока не прибыл в Дао и не убил там модибо Уара. Потом он вышел оттуда в Факири, и возвратился в Тамсаа. В Тамсаа для него наступил [следующий] рамадан, и в Тамсаа он совершил праздничную молитву. Он захватил ал-Мухтара в области Кикере и сражался с жителями Тонди» [1, с. 47].

В примечаниях 130–131 к этому фрагменту Л. Е. Куббель вслед за М. Делафоссом отметил, что Бисма «почти несомненно» был правителем «гористой области Бандиагара, населённой народом томбо, или хабе (букв. ‘язычники’ на языке фуль)»; что касается поселений Тамсаа, Дао и Кикере, то Делафосс помещал их в горной области Бандиагара и около современного города Двенца (Дуэнца – *П. К.*) [1, с. 417]. Таким образом, весьма вероятно, что в этом фрагменте речь действительно идёт о событиях на нагорье, но совершенно невозможно определить, принимали ли в них участие именно догоны.

Более вероятно, что особые отношения с сонгаями могли сложиться на почве службы в армии их империи: дело в том, что, как отметил Л. Е. Куббель, пехота Сонгаи «комплектовалась из вольтийских народов района Хомбори» [1, с. 444]. До недавнего времени догонские языки назывались вольтийскими, а Страна догонов сейчас простирается до гор Хомбори. Но невозможно со всей достоверностью утверждать, что так было и в XV–XVI вв.

Если не изолировать искусственно историю догонов от истории Мали и Западной Африки, то в Суданских хрониках можно также найти множество сведений и об истории Дженне, города, который сыграл большую роль в судьбе догонов (часть населения нагорья носит название *jennenké*, т. е. «люди Дженне), и о тех народах, с которыми догоны активно контактировали и с которыми у них существуют давние и нередко весьма специфичные связи – в данном случае, речь идёт о бозо. Описание города оставил также Лев

Африканский [3]. Не менее ценна информация об историческом окружении догонов, что можно почерпнуть из трудов европейских путешественников – Мунго Парка [4], Рене Кайе [5] и Феликса Дюбуа [6]. Так, Кайе и Дюбуа оставили важнейшие для понимания истории суданской архитектуры описания памятников Дженне.

Первое этнографическое описание догонов было опубликовано Луи Деспланем в 1907 г. [7] после его экспедиции 1905–1906 гг. В книге, в отличие от более поздних публикаций, зафиксированы подлинные, а не выдуманные мифы и содержится бесценная информация о том состоянии догонского общества, которого теперь уже не существует. Так, именно Л. Десплань зафиксировал один из вариантов исторического предания д. Энде, которая стала многолетней базой Малийской экспедиции ИВ РАН: «Гиндо-Уандиа, путешествовавший по стране теллем, пришёл в деревню Энгем, оставленную побежденными первобытными людьми, и не нашёл там никого, кроме старика-первосвященника культа защитника страны, Буна, и его семьи. Захватив божественные талисманы и обретя таким образом небесное покровительство, он женился на дочери старика-теллем; затем они поселились в старой деревне Энгем. С тех пор вождь-огон представляет семьи Гиндо, а вождь-лаггам представляет семьи теллем, и таким образом они делят власть в кантоне Энгем»[1] [7, p. 193].

Десплань зафиксировал космологические представления догонов: «Действительно, у хабе существуют понятия о пространстве и системе небесной организации, знания о движении некоторых звезд и представления о делении времени; но эти представления запутаны, противоречивы, очень неточны и различаются у разных рассказчиков. Кроме того, рассказчики некомпетентны, и говорят они об этом очень плохо. … Вот некоторые из смутных представлений, о которых мне было позволено узнать во время пребывания в племени на принигерском плато. Мир, по словам одного старика из Банкасса, будто бы состоит из семи частей небесных и из семи частей земных,

[1] Во время французской колонизации в Энде было два вождества: с вождём-ого в Огоденгу и вождём-лаганом в Энде-Во. Деревня была административным центром кантона в округе Бандиагара. На вопрос о значении слова *Endé* «старики отвечают, что оно происходит от слова Èndam, которое можно перевести как «родство» (в т.ч., и «кровное родство»), то есть священная связь между людьми по крови и/или в браке. Возможные варианты произношения названия деревни – *Endé, Engem, Èndam*» (информант Бокари Гиндо, январь 2019 г.).

а сама Земля покоится на спине буйвола. Среди немногих известных им созвездий, которые можно найти в небесах и на которых основывают свои предсказания Огоны, имеется группа ярких звезд, которую на берегах реки [Нигер – *П. К.*] называют "atalfa" [в примечании Десплань поясняет, что это, по его мнению, созвездие Плеяд (Ce sont, je crois, les Pléiades) – *П. К.*] и "Touleï diangon" на нагорье. Её появления весь народ ожидает в большом волнении. Когда эти яркие звезды появляются на востоке во время луны «Gonra-Keou» (июль), можно начинать подготовку к празднику посева, а сезон дождей всегда начинается после восхождения в небе этого созвездия. … Полярная звезда также известна многим старикам, которые называют её «dénia siggi», или "siggihire", или "gangui". Говорят, что это колонна, которая поддерживает крышу Вселенной, слегка наклоняясь каждые тридцать лет; когда эта колонна рухнет, наступит конец света. … По словам тех же стариков, солнечные затмения случаются тогда, когда солнце встречает на своем пути Луну и хватает её. Это великое счастье, потому что люди участвуют в соединении мужских и женских божеств, порождающих силы Вселенной» [7, p. 376].

Кое-что вызывает сомнения: дело в том, что сезон дождей на нагорье начинается не в июле, а в мае. Плеяды же в Северном полушарии можно видеть ночью с октября по апрель. Лучше всего их наблюдать в ноябре, когда они видны от заката до восхода солнца и достигают наиболее высокой точки в ночном небе. Именно этот отрывок остаётся, по сути дела, единственной достоверной информацией о космологии догонов, но ключевыми здесь являются слова «эти представления запутаны, противоречивы, очень неточны и различаются у разных рассказчиков».

Сейчас, наконец, трудам Деспланя воздаётся должное. Так, о нём подробно пишут Й. Биро и И. Тьяу, составившие обзор истории формирования музейных коллекций искусства догонов в каталоге выставки «Сахель: искусство и империи на границах [в оригинале «на берегах» – *П. К.*] Сахары», прошедшей в музее Метрополитен 30 января – 10 мая 2020 г. [8, p. 195–217].

Отчасти можно отнести к источникам труды Мориса Делафосса [9]. Он, например, очень подробно описал историю Эль-Хадж Умар Талля [9, p. 305–340]. Труды выдающегося французского африканиста были написаны, во многом, по результатам полевых исследований: с 1894 г. он начал работать

в колониальной администрации в качестве клерка 3-го класса по делам коренных народов в Кот-д'Ивуар, где и оставался до 1897 г. Затем М. Делафосс служил в Либерии консулом Франции, а в 1899 г. вернулся в Кот-д'Ивуар, где занимался определением границы между этой французской колонией и британской колонией Золотой Берег (современная Гана). В 1915–1918 гг. М. Делафосс исполнял обязанности ответственного за гражданские дела при правительстве Французской Западной Африки.

Устная историческая традиция является важнейшим источником по истории догонов, но записи преданий или их изложение чаще всего содержатся в работах, которые всё же являются скорее частью историографии. Но уже в начале нынешнего века появился совершенно новый вид источников – записи деревенских устных исторических преданий, сделанные самими носителями традиций. Две таких записи были опубликованы автором [10; 11].

Существует также обширная группа литературы, которая совмещает черты историографии и источников – таковы, к примеру, монография Амаду Ампате Ба и Жана Даже «Империя пёль Масины» [12], и публикации по археологии Страны догонов участников проекта Унджугу. Согласно данным, полученным исследователями проекта Унджугу [13, p. 39-41], первые люди появились на нагорье Бандиагара ок. 130 тыс. лет назад; численность населения быстро возрастала между 80 и 20 тыс. лет назад. Интересно, что примерно до 20 тыс. лет назад в регионе наблюдается быстрая смена каменных индустрий, что, вероятно, связано с частой сменой населения. Затем, между 20 и 10 тыс. лет назад, население на нагорье Бандиагара исчезло, что было связано с наступлением засушливого климата. В 10 тыс. до н.э. климата нагорья снова стал более влажным, и люди вернулись на эту территорию. Примечательно, что население нагорья Бандиагара того времени уже знало керамику: «на основании стратиграфических и хронологических данных из Унджугу, нет сомнений в том, что керамика появилась в Западной Африке к югу от Сахары, по крайней мере, так же рано, как и в долине Нила – немногим ранее 9400 года до н. э. Это изобретение должно было быть связано с восстановлением в раннем голоцене тропических пастбищ. Появившись в середине X тыс. до н. э., новая технология, возможно, быстро распространялась

на север вместе с наступающими муссонами, озеленением Сахары и массовым распространением съедобных злаков» [14, p. 915].

Таким образом, люди неоднократно покидали нагорье из-за ухудшения условий существования, и неоднократно же туда возвращались. Правда, к современному населению эти древние миграции никакого отношения не имеют: те группы, из которых сформировались догоны, приходили на нагорье, вероятно, только в течение последних двух тысяч лет. Тем не менее, прошлое нагорья Бандиагара становится известно всё лучше и лучше.

Что касается истории самих догонов, то, обращаясь к ней, исследователь неизбежно погружается в пучину причудливой смеси фактов, изменчивых деревенских исторических преданий и мифов. Поэтому-то больших трудов стоят попытки отделить последние от фактов, причём, никогда нет уверенности в том, что истину удалось установить. Тем не менее, в настоящее время можно говорить о том, что изучение этнографии и истории догонов опирается на уже более или менее солидную источниковую базу, причём, речь идёт не только о письменных и многочисленных этнографических источниках, но и о результатах археологических раскопок.

Источниками для описания современного положения в Стране догонов более разнообразны. Таковыми могут служить данные статистики, которые можно почерпнуть, в частности, из «Региональной схемы землепользования Мопти на 2010–2035 годы» [15][2]. Информацию о текущих событиях в Мали, а также интервью политиков и общественных деятелей можно также найти на новостном сайте МалиЖет [MaliJet]. Весьма ценным источником сведений о положении в Стране догонов и в Мали в целом являются также социальные сети (Facebook).

Сложнее дело обстоит с теми трудами, которые считаются источниками по этнографии догонов, причём, являются самыми цитируемыми, но чья достоверность вызывает большие и вполне обоснованные сомнения. Речь, разумеется, идёт о трудах Марселя Гриоля [16; 17; 18] и представителей его школы. Сомнения делают невозможным использование этих публикаций в качестве источника.

---

[2] Достоверные статистические данные ограничены 2010 г., когда обстановка в странах Сахеля была дестабилизирована.

Ссылки:

1. Суданские хроники / ред. А. И. Першиц; пер. Л. Е. Куббель. М.: Наука, ГРВЛ, 1984. 498 с.

2. Attino M. Parenté à Plaisanterie ou Cousinage Entre les Dogons et les Songhays au Mali. European Scientific Journal, ESJ, 17(13), 1. 2021. URL : https://doi.org/10.19044/esj.2021.v17n13p1 (accessed: 21.03.2022).

3. Лев Африканский. Африка – третья часть света / ред. Д. А. Ольдерогге ; пер. В. В. Матвеев. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1983. 512 с.

4. Park M. Travels in the Interior Districts of Africa: Performed in the Years 1795, 1796, and 1797. L.: John Murray, 1816. XXVIII+372+XVIII p.

5. Caillié R. Journal d'un voyage à Temboctou et à Jenné dans l'Afrique Central, précédé d'observations faites chez les maures Braknas, les Nalous et d'autres peuples ; pendant les années 1824, 1825, 1826, 1827, 1828. P. : Imprimé par autorisation du roi a l'imprimerie royale, MDCCCXXX. Vol. deuxième. 494 p.

6. Dubois F. Notre beau Niger. P.: Flammarion, 1911. 300 p.+ ill.

7. Desplagnes L. Le plateau central Nigérien : une mission archéologique et ethnographique au Soudan français. P.: Larose, 1907. 504 p. URL : https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k57673988/f146.item (accessed: 21.03.2022).

8. Biro Y., Thiaw I. Collecting the Sahelian Past: Myth-Making and Primary Sources // Sahel: Art and Empires on the Shores of the Sahara, Alisa La Gamma ed. Exh. Cat. New York and New Haven: The Metropolitan Museum of Art and Yale University Press, 2020. P. 194–217, 271–273.

9. Delafosse M. Haut Sénégal-Niger, 1912, 3 tomes. T. 2: L'histoire. P.: Émile Larose, 1912.

10. Куценков П. А. Устные традиции деревни Энде (Страна догонов) // Восток (Oriens). 2019. № 4. С. 51–59.

11. Описание деревни Семари, составленное её вождём Буреима Гандеба / перевод и комментарии П.А. Куценков // История Африки: люди и судьбы: сборник документов и материалов / отв. ред. Т.М. Гавристова; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль: Филигрань, 2016. С. 100–110.

12. Ba H.H., Daget J. L'Empire peul du Macina (1818-1853). P. : Les Nouvelles Editions Africaines. Editions de l'Ecole de Hautes Etudes en Sciences Sociales, 1984. 306 p.

13. Huysecom E., Rasse M., Lespez L., Neumann K., Fahmy A., Ballouche A., Ozainne S., Maggetti M., Tribolo Ch., Soriano S. The Emergence of Pottery in Africa during the Tenth Millennium Cal BC: New Evidence from Ounjougou (Mali) // Antiquity. 83. 322. 2009. P. 905–917.

14. Ozainne S., Huysecom E., Mayor A., Robion-Brunner C., Soriano S. Une chronologie pour le peuplement et le climat du pays dogon: la séquence culturelle et environnementale du gi-sement d'Ounjougou (Mali) // Antropo. 2009. 18. P. 37-46.

15. Schéma Régional d'Aménagement du Territoire de Mopti 2010-2035. Version finale. Mopti : Région de Mopti, Assemblée Régionale de Mopti, 2011. 413 p.

16. Griaule M. Dieu d'eau. Entretiens avec Ogotemmêli. P.: Librairie Arthème Fayard, 1975. 224 p.

17. Griaule M., Dieterlen G. Un système soudanais de Sirius // Journal de la Société des Africanistes. 1950. T. 20. Fascicule 2. Pp. 273-294.

18. Griaule M, Dieterlen G. Le renard pâle. P.: Institut d'ethnologie, 1991. 531 p.

УДК 93/94

С. В. Мазов

Ганские миротворцы в Конго: провал планов африканизации урегулирования конголезского кризиса, 1960–1962 гг.

S. V. Mazov

Ghanaian Peacekeepers in the Congo: the failure of Africanization plans to resolve the Congolese crisis, 1960–1962

Ключевые слова: холодная война, конголезский кризис, международные отношения, Гана и операция ООН в Конго.

Keywords: Cold War, the Congo crisis, international relations, Ghana and United Nations operation in the Congo.

В ходе дискуссий о степени субъектности лидеров стран третьего мира во времена деколонизации и холодной войны сформировался устойчивый историографический тренд переосмысления парадигмы холодной войны, уравнивания ее «главных» и «второстепенных» участников [1]. Коснулся он и конголезского кризиса 1960–1965 гг.

© Мазов С. В., 2022

Все чаще встречаются утверждения, что неверно представлять африканских политиков второстепенными фигурами, которые «мечутся между советской, американской и ооновской политикой». Они были самостоятельными и важными игроками [2].

Действия и судьба ганского контингента в составе миротворческих сил ООН в Конго дает хороший материал для проверки этого тезиса в отношении первого президента Ганы Кваме Нкрумы.

Миротворческая операция ООН в Конго началась 15 июля 1960 г. после соответствующего решения Совета Безопасности ООН. За ввод голубых касок были и руководители Конго, и США, и Советского Союза. Цели, как водится, были у всех свои и разные.

Конголезский премьер Патрис Лумумба рассчитывал с помощью ООН выдавить из Конго бельгийские войска, введенные для защиты белого населения от погромов, которые начались через несколько дней после провозглашения независимости 30 июня 1960 г. Он также надеялся, что ооновцы помогут ему восстановить контроль над Катангой, богатейшей конголезской провинцией, которая заявила об отделении 11 июля. Целью президента Дуайта Эйзенхауэра было превратить войска ООН в инструмент защиты интересов Запада в Конго, не допустить прямого советского вмешательства. Советский лидер Н. С. Хрущев считал, что операция ООН расширит возможности СССР влиять на события в Конго и поддерживать правительство Лумумбы.

Свое видение миссии ООН в Конго было и у Нкрумы. Он выдвинул концепцию «африканизации» урегулирования кризиса, недопущение распространения холодной войны на «сердце Африки». 13 июля 1960 г. Нкрума уведомил Лумумбу о готовности направить в Конго ганские войска «как часть сил ООН» [3, p. 14, 20–21].

СССР поддержал инициативу Нкрумы словом и делом. Советский представитель в Совбезе А. А. Соболев внес поправку о проведении операции в Конго только силами африканских государств-членов ООН. Поправка не прошла. Советский Союз предоставил Гане самолеты ИЛ-18 с экипажами для переброски ее войск в Конго. К 25 июля войска ООН достигли определенной Советом Безопасности численности – 15,7 тыс. военнослужащих из 12 стран (Гана, Гвинея, Ирландия, Либерия, Мали, Марокко, Судан, Тунис, Швеция, Эфиопия). Они создали опорные пункты во всех пяти конголезских провинциях, кроме Катанги. Ганских военнослужащих в Конго было 2340, впоследствии их стало 8396.

Это был самый крупный национальный контингент. Кроме того, в Конго работали 370 офицеров ганской полиции [4, p. 612].

Ввод голубых касок не купировал развитие кризиса. Бельгийские войска оставались в Конго, на территорию отделившейся Катанги силы ООН не вступили. Лумумба требовал скорейшего вывода бельгийских войск и проведения военной операции против режима Чомбе силами ООН, но генсек ООН Даг Хаммаршельд не отдавал соответствующий приказ.

Нкрума попытался повернуть операцию ООН в выгодном для Лумумбы направлении, для чего заручился поддержкой Советского Союза и правительства Конго. 11 августа СССР выразил готовность, «если в этом возникнет необходимость, оказать правительству Ганы возможную помощь, в частности, путём поставки <…> оружия» [5, с. 197]. С Лумумбой Нкрума подписал 8 августа секретный договор о фактическом объединении Ганы и Конго в единое государство [3, p. 30–31].

На проходившем 8–9 августа заседании Совета Безопасности советский представитель В. В. Кузнецов предложил ввести в Конго ганский контингент, готовый помочь федеральному правительству «укрепить независимость и сохранить территориальную целостность» Конго [6, пп. 92, 110–114].

Наметился тройственный советско-ганско-конголезский союз, ганский контингент в составе сил ООН должен был стать частью его силового ресурса.

У США и их союзников были другие планы. 9 августа Совет Безопасности принял резолюцию о вводе войск ООН в Катангу, но с принципиальной оговоркой, что они «не будут участвовать в каком бы то ни было внутреннем конфликте, конституционного или иного характера», т. е. гарантировала режиму Чомбе неприкосновенность [7].

12 августа Хаммаршельд в сопровождении двух шведских рот из состава контингента ООН прибыл в столицу Катанги Элизабетвиль, встретился с лидером сепаратистов Моизом Чомбе и договорился о выводе бельгийских войск. Через неделю он начался, и части ООН стали занимать позиции в крупнейших населенных пунктах провинции. Ганских формирований в Катанге не было.

Лумумба решил подавить сепаратизм собственными силами. 24 августа федеральная армия начала наступление на Катангу.

Для переброски войск использовались 100 советских грузовиков «ГАЗ-63» и 10 самолетов «ИЛ-14», которые в нарушение резолюции Совбеза были поставлены в обход ООН [7, 23; 8].

Администрация США «оценила» военные успехи Лумумбы и запустила загодя подготовленный план его свержения с помощью президента Жозефа Касавубу. 5 сентября он объявил по радио об отставке Лумумбы. По приказу специального представителя генсека ООН в Конго американца Эндрю Кордье войска ООН взяли под охрану резиденцию Касавубу, заняли аэропорты. Особо важное задание было дано ганскому контингенту – заблокировать радиостанцию Леопольдвиля.

Нкрума оказался в сложном положении. Не выполнить приказ означало пойти против Запада и руководства ООН, а исполнить – сдать Лумумбу, союзника, единомышленника и друга. Ганцы разоружили и выдворили с радиостанции охранявших ее конголезских солдат. Нкрума не вмешался. Днем 11 сентября Лумумба в сопровождении верного ему отряда прибыл к радиостанции и потребовал пропустить его. Ганцы не подчинились. Дабы избежать кровопролития Лумумба отдал приказ отступить. Он пригрозил разрывом отношений с Ганой, если ее войска не покинут радиостанцию [3, p. 39]. Исследователи скупо комментировали этот конфликт. Сам Нкрума не дал вразумительных объяснений [9, para 68].

Прояснить истинные причины поведения Нкрумы позволили архивные документы. В британских архивах автор обнаружил копии депеш, которые посылал Нкруме начальник штаба ганской армии британский генерал Генри Александер. Он так формулировал свою задачу: «Добиться, чтобы президент Нкрума действовал в рамках ООН». Всякий раз, когда Нкрума заявлял о намерении проводить собственную линию, генерал старался вернуть президента «на путь истинный». И ему это всегда удавалось. Он играл на тщеславии Нкрумы, пугал его коммунистической угрозой [10; 11].

Нкруме оставалось или принять британские условия или отдать приказ ганскому контингенту перейти на сторону правительства Лумумбы и выйти из подчинения командования войсками ООН. Последнее означало вступить в открытую конфронтацию с Западом, уповая на то, что СССР окажет прямую военную помощь Лумумбе.

Документы из российских архивов свидетельствуют, что руководство СССР делать этого не собиралось, опасаясь перехода конфронтации с Западом в «горячую фазу» [12].

9 сентября Хрущев направил конфиденциальное послание Нкруме, где предложил ему передать ганские войска в Конго «непосредственно в распоряжение правительства Конго», т. е. Лумумбы. В качестве поддержки СССР обещал всего лишь «потребовать в Совете Безопасности отстранения дискредитировавшего себя командования ООН в Конго» [5, с. 248]. С заведомо неудачным исходом голосования, поскольку большинство там было у США и их союзников.

Нкрума ответил, что вопрос о Конго «должен решаться через Объединенные Нации», а план Хрущева неосуществим [5, с. 249]. Тройственный союз развалился. Лумумба лишился власти, а вскоре и жизни, Советский Союз отошел в сторону, а попавший в ловушку Нкрума вынужден был играть по правилам коллективного Запада в лице Великобритании.

По просьбе британского премьер-министра Гарольда Макмиллана Нкрума в январе 1961 г. сорвал решение левых африканских лидеров стран Касабланской группы вывести свои войска из подчинения командования ООН и оставить их в Конго для поддержки Антуана Гизенги, преемника Лумумбы. Нкрума настаивал на необходимости сохранения войск африканских стран в Конго в распоряжении ООН до тех пор, пока они не перейдут в подчинение Африканского командования. Но этого командования тогда не существовало даже на бумаге, и оно так и не было создано.

Мали вывела свой контингент из Конго в ноябре 1960, еще до начала конференции. Гвинея сделала это в январе 1961, Объединенная Арабская Республика – в феврале, Марокко – в марте-мае. Ганский контингент остался до конца 1962 г. Это стоило жизни десяткам ганских военнослужащих. Генерал Александер, еще недавно хваливший решение Нкрумы оставить войска в Конго, теперь призвал их вывести, чтобы предотвратить «уничтожение вашей прекрасной молодой армии» [3, p. 157–158, 160–161].

Войска пришлось вывести. Президент Нкрума не смог стать по-настоящему субъектным игроком в схватке за «сердце Африки». В результате он потерял лицо, репутацию выразителя и защитника интересов африканцев на международной арене. И вот ирония

(или месть?) истории: нкрумовский режим в Гане в феврале 1966 г. свергли те же старшие офицеры, которые командовали ганским контингентом в составе войск ООН в Конго, и помогли отстранить от власти Лумумбу.

Роль ганского лидера в конголезском кризисе подтверждает старую истину, что политика есть искусство возможного.

Ссылки:

1. Smith T. New Bottles for New Wine: A Pericentric Framework for the Study of the Cold War // Diplomatic History. 2000. Vol. 24. № 4.

2. Ahlman J. Lise Namikas. Battleground Africa: Cold War in the Congo, 1960-1965 (Stanford: Stanford University Press, 2013) // Cold War History. 2013. Vol. 13. № 3.

3. Nkrumah K. Challenge of the Congo. A Case Study of Foreign Pressures in an Independent State. L.: International Publishers, 1967.

4. Nwaubani E. Eisenhower. Nkrumah and the Congo Crisis // Journal of Contemporary History. 2001. № 36 (4).

5. Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. – 1960 г. Т. II. 1918–1960. М.: ИВИ РАН, 1999. 397 с.

6. S/PV.885. Совет Безопасности. Официальные отчеты. 885-е заседание 8 августа 1960 г.

7. S/4426.

8. Правда. 27.08.1960 г.

9. A/HV.961. United Nations. General Assembly. Fifteen Session. Official Records. 961st Plenary Meeting. Tuesday, 7 March 1961.

10. United Kingdom National Archives (UKNA). FO 371/146644. Report on Congo Dictated by General H.T. Alexander, DSO, OBE, to GSO II War Office (MO3), 13 September 1960.

11. UKNA. FO 371/146644. Major-General Chief of Defense Staff H.T. Alexander – Osagyefo Dr. Kwame Nkrumah. Situation in Congo Particularly from the Military Standpoint, 17 August 1960.

12. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0590. Оп. 2. П. 1. Д. 8. Л. 56.

УДК 929

В. М. Марасанова

Нарратив VS стереотип: «Записки губернатора» С. Д. Урусова*

V. M. Marasanova

Narrative VS stereotype: “Notes of the Governor” by S. D. Urusov

Ключевые слова: Россия, губернатор, Сергей Дмитриевич Урусов, мемуары.

Keywords: Russian Empire, governor, Sergei Dmitrievich Urusov, memoirs.

Начало XX столетия вошло в историю России как переломный период, эпоха войн, реформ (что не было новым для страны) и революций (впервые). Ценным источником рассматриваемого периода являются мемуары князя Сергея Дмитриевича Урусова (1862–1937) [1; 2]. Мемуары позволяют узнать личное мнение и характер автора, объясняют его поступки и управленческие решения. Князь С. Д. Урусов стал заметной фигурой начала XX в. не только на государственной службе, но в либеральном движении, что было не типично для его собратьев по губернаторскому корпусу.

Дворянский род Урусовых связан с Ярославским краем. В конце XVIII в. Никита Сергеевич Урусов служил ярославским вице-губернатором и губернатором. Его сын Семен в 1820–1830-е гг. избирался ярославским уездным и губернским предводителем дворянства; в конце карьеры стал сенатором. В новом «колене» Дмитрий Семенович Урусов был мировым посредником, председателем Ярославской уездной и губернской земской управы. Так Урусовы попробовали силы и на государственном поприще, и в сословных учреждениях, и в органах общественного управления.

В следующем поколении Сергей Дмитриевич Урусов выполнял разные виды государственной и общественной деятельности. Он родился в с. Спасском Ярославской губернии. После окончания Ярославской гимназии (в 2005 г. данный факт зафиксирован мемориальной доской) и Московского университета стал податным инспектором в Калужской губернии, но вскоре оставил коронную службу и на протяжении 14-ти лет проживал в калужском имении

* Работа выполнена при поддержке проекта ЯрГУ VIP-018.

© Марасанова В. М., 2022

жены. Урусов занимал должности уездного предводителя дворянства, почетного мирового судьи, председателя Калужской губернской земской управы. В 1898 г. Урусов переехал в Москву, где продолжил государственную службу как старший инспектор по надзору за типографиями, литографиями и книжной торговлей.

В 1902 г. князь Урусов стал тамбовским вице-губернатором, а в 1903 г. бессарабским губернатором. Назначение состоялось вскоре после погрома 7–9 апреля 1903 г. в Кишиневе, и новому губернатору пришлось приложить немало усилий для урегулирования национальной напряженности. Мемуары раскрывают круг проблем, с которыми приходилось сталкиваться губернатору в национальном регионе накануне первой российской революции 1905–1907 гг. Из современной исследовательской литературы для понимания ситуации в Бессарабии наиболее важна работа В. В. Морозана [3].

Князь Урусов описал свои встречи с министром внутренних дел В. К. Плеве, с губернским чиновничеством и местным населением. Урусов вспоминал о том, что в момент назначения в Кишинев «о Бесарабии я знал в то время столько же, сколько о Новой Зеландии, если не меньше» [2, с. 1]. Чтобы компенсировать этот недостаток он прочел разделы «Свода законов Российской империи», посвященные губернским учреждениям и правам министра внутренних дел. В своих мемуарах он привел фразу, которой его напутствовал В. К. Плеве: «Я вам не даю ни советов, ни указаний. Вы совершенно самостоятельны, но за то и ответственны» [1, с. 349; 2, с. 18].

Перед отъездом к новому месту службы Урусов изучил законодательство по еврейскому вопросу, а также бессарабский «Адрес-календарь», стараясь запомнить фамилии служащих, с которыми предстоит работать в Кишиневе. Проведенная подготовка и ответственное отношение к службе позволили князю Урусову успешно справиться с обязанностями. В рабочие дни в половине девятого утра он начинал прием посетителей. В 13.00 приходил правитель канцелярии, а в 14.00 Урусов председательствовал в одном из присутствий, не менее четырех раз в неделю, иногда ежедневно. После нескольких визитов с 20.00 вечера губернатор садился за бумаги. С. Д. Урусов считал важными свои объезды губернии, «так как дела и вся переписка, проходящая ежедневно перед его глазами, оживают и приобретают реальное значение» [2, с. 49–50, 232]. На губернаторе лежала обязанность подписать до 400 документов в день, и его рабочий день составлял не менее 10–12 часов.

Из воспоминаний Урусова видно, что он приложил немало усилий для борьбы с недостатками местной администрации и полиции, особенно, взяточничества.

Отличие князя С. Д. Урусова от других российских губернаторов начала XX в. состояло в том, что он не только был активным администратором, но и понимал необходимость преобразований в государственном строе. В «Записках», дополненных в 1930-е гг., он писал об ответственности центрального правительства за кишиневские события: «Я считаю наше правительство виновным в покровительстве, оказываемом им узконационалистической идее; в недальновидной и грубой по приемам политике его по отношению к окраинам и инородцам; в том, что эта политика поддерживала среди отдельных народностей взаимное недоверие и ненависть» [1, с. 407].

Осенью 1904 г. С. Д. Урусову было предложено на выбор два губернаторских места в Харькове и в Твери. Князь Урусов выбрал Тверскую губернию, хотя она считалась «особенно трудной» из-за «крамольного» земства. К сожалению, узкая компетенция земств приводила к их оппозиционности, к взаимному недоверию власти и общества. Предварительно С. Д. Урусов изучил материалы ревизии земства 1903 г., сделал вывод о необоснованности исключительных мер по отношению к тверскому земству и сообщил министру внутренних дел и императору Николаю II о необходимости их отмены. В результате Новоторжское уездное и Тверское губернское земства вновь получили возможность избирать членов земских управ. Действия губернатора смогли урегулировать затяжной конфликт между государственными органами и местными либеральными деятелями.

Обстановка в Тверской губернии резко изменилась в связи с началом первой российской революции 1905–1907 гг. С. Д. Урусов 24 мая 1905 г. отправил в Петербург прошение об отставке с поста тверского губернатора «по домашним обстоятельствам», но реальная причина ухода была другой. Князь Урусов считал, что товарищу министра внутренних дел Д. Ф. Трепову были излишне предоставлены особые полномочия в руководстве деятельностью губернаторов. Случай, когда губернатор оставил службу из-за несогласия с политикой министерства внутренних дел был исключительным по российским меркам явлением.

В соседнюю Ярославскую губернию новый «начальник» А. А. Римский-Корсаков прибыл в конце ноября 1905 г. Его

предшественник А. П. Рогович подал прошение об отставке, как и князь С. Д. Урусов, из-за несогласия с политикой правительства. Однако, в отличие от тверского коллеги, Рогович покинул пост губернатора вследствие неприятия начатых в России реформ. В прощальном адресе, врученном Роговичу, отмечалось, что его решение покинуть пост губернатора вызвала «не робость душевная, а стойкость в вере и убеждениях» [4]. Позиция А. П. Роговича была характерна для большинства губернаторов, а князь Урусов остался редким исключением из общего правила. По воспоминаниям московского губернатора В. Ф. Джунковского, при назначении московским генерал-губернатором генерал-адъютанта Ф. В. Дубасова в конце ноября 1905 г. последний принял это назначение так, «как принимают боевой пост» [5, с. 109].

После отставки с поста товарища министра внутренних дел князь Урусов был избран депутатом I Государственной Думы от Калужской губернии. 8 июня 1906 г. на заседании думы он критиковал Департамент полиции за призывы к погромам. С. Д. Урусов заявил, что погромы являются правительственной провокацией и происходят при молчаливом согласии властей. Это выступление произвело большое впечатление на депутатов и общество, как писал С. Ю. Витте [6, с. 68–69]. С. Д. Урусов был привлечен по делу о Выборгском воззвании и отбыл трехмесячное заключение в Таганской тюрьме. Но не стоит спешить сочувствовать арестанту; он писал: «Почти все сидевшие в Таганке были люди умственного труда, серьезные, занятые, малоопытные по части забот об удовлетворении своих потребностей о житейских удобствах. За всех них думал и о всех заботился наш староста, поставивший себе задачу возвратить заключенных в их семьи здоровыми, отдохнувшими телом и душой» [1, с. 627]; Ф. Ф. Кокошкин даже прибавил в весе и отзывался о тюрьме как о курсе санаторного лечения. После освобождения до 1917 г. Урусов жил в калужском имении, занимался литературной деятельностью и работал над мемуарами, первый том которых был издан в 1907 г. [2] и стоил автору нового четырехмесячного заключения.

Мемуары С. Д. Урусова показывают трудности государственного управления в переломный период начала XX в. В данном случае нарратив не соответствует стереотипу восприятия губернаторов и является уникальным, единичным, а не универсальным и типичным.

Ссылки:

1.Урусов С. Д. Записки. Три года государственной службы / вступ. ст., подгот. текста, сост. и коммент Н. Б. Хайловой. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 856 с.

2. Урусов С. Д., князь. Очерки прошлого. Т. 1: Записки губернатора. Кишинев. 1903–1904. М., 1907. 377, IX с.

3. Морозан В. В. Бессарабия и ее дворянство в XIX – начале XX в.: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018.Т. 1. 526 с.; Т. 2. 591 с.

4. Ярославские губернские ведомости. 1905. Неофиц. часть. 6 дек. № 98.

5. Джунковский В. Ф. Воспоминания: В 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. Т. 1. 733 с.

6. Витте С. Ю. Воспоминания: В 3 т. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923–1924. Т. 2. 1923. 570 с.

УДК 94(5); 94(6); 364.122

А. В. Мильто

Презентация культурного пространства города в постколониальных исследованиях

A. V. Milto

Presentation of the cultural space of the city in post-colonial studies

Ключевые слова: постколониализм, урбанизм, города, пространство, архитектура, мигрант.

Keywords: Postcolonialism, Urbanism, Cities, Space, Architecture, Migrant.

Постколониальные исследования всегда были тесно связаны с урбанистикой. Эдвард Саид утверждал, что одним из самых значимых наследий колониализма является четкая связь между идеями исключительного владения территорией и концепциями культурной идентичности [1, с. 38]. Пространственный анализ городской среды раскрывает данную взаимосвязь, рассматривая вопросы культуры и общества в рамках территориально замкнутых образований с четкими границами. Постколониализм проявляется в городских ландшафтах бывших колоний, осуществляя

© Мильто А. В., 2022

институционализацию и символизацию социальных отношений, в большей или меньшей степени сохраняющих колониальные представления и спустя несколько десятилетий после обретения независимости [2, p. 24].

Проведенный Францем Фаноном в 1961 г. анализ географии колониального города в книге «Проклятые земли» («Проклятьем заклейменные») был основан на особенностях планирования таких городов, как Алжир, Дели, Йоханнесбург и других. Он пришел к выводу, что «колониальный мир – это мир, разделенный на отсеки» [3, p. 37], напомнив о существовании обособленных друг от друга туземных и европейских кварталов, школ для местного населения и для европейцев и т. д.

Постколониальная теория уделила значительное внимание проблематике города. Лидеры постколониального урбанизма: Абду Малик Симон, Айхва Онг, Карлос Вайнер и другие пытаются распространить новую политику признания тех мест и пространств, которые пока находятся на периферии политического и академического внимания. Абидин Кусно в книге «Позади постколониального», исследуя Джакарту, продемонстрировал, как колониальные представления возрождались и перестраивались в постколониальной Индонезии [4]. Мэри Луиз Прэтт, анализируя романы – травелоги, предложила рассматривать колониальное пространство как «контактную зону» [5]. Дженнифер Робинсон изучала пространственное воплощение апартеида в Порт-Элизабет (ЮАР) [6]. Постколониальный урбанист Ананья Рой посвятила докторскую диссертацию городу своего детства – Калькутте [7]. Имперское наследие стало объектом исследования Джейн М. Джейкобс [8], Джона К. Болла [9], Питера Дж. Кэллини [10], Джона Маклеода [11].

Города часто рассматриваются через призму «проблем третьего мира», среди которых: загрязнение воздуха, размер мегаполиса, управление дорожным движением, обилие трущоб и нехватка воды. Вопросы религиозной или культурной идентичности фигурируют редко и включают проблемы репрезентации в искусстве, социальной напряженности, роль вестернизации, миграции и терроризма, а также мультикультурализма, гибридности, глобализации и т. д.

По мнению некоторых авторов, приставка «пост не обязательно указывает ни на то, что колонизаторы ушли <…>, ни на то, что условия сильно изменились, по сравнению с колониализмом, несмотря

на обновленный внешний вид» [2, p. 121]. Постколониальный город, как особая форма поселения, возникшая в результате господства завоевателей над местной цивилизацией, отличается расовым и этническим разнообразием и часто характеризуется социальной и пространственной поляризацией. Бомбей, Калькутта, Мадрас, Лагос и другие были задуманы как города-гибриды, развивающиеся благодаря проектированию и планированию европейцев, хотя зачастую попыткам улучшить городские условия мешала нехватка финансовых средств. Колониальные власти, строя города, мосты и дороги, по общему мнению, способствовали прогрессу и модернизации стран Азии и Африки.

Представители администрации в большинстве своем сегодня выступают за сохранение архитектуры, городского дизайна и планировки бывших колониальных городов. Символическое значение колониальных зданий утратило свое прежнее политическое значение. Новые поколения рассматривают городской дизайн, сложившийся под воздействием завоевателей, как источник доходов от туризма, а не как пробуждающий воспоминания о колониальном угнетении [6, p. 294].

Постколониальные города и государства одновременно взаимодействуют с последствиями своего колониального прошлого и дистанцируются от него, стремясь создать новую идентичность. В границах городского пространства архитектура и дизайн территорий и зданий демонстрируют не только эстетические, но и политические и социальные представления былых времен и тенденции настоящего. Традиционные и постмодернистские примеры архитектуры создают сложное взаимодействие между воспоминаниями о прошлом и реалиями настоящего.

Притязания на идентичность, отличную от колониальной, прослеживаются в разрушении памятников колониализма, реновации пространства городских улиц, модернизации дизайна, строительстве культурных объектов. Возведение новых архитектурных комплексов, самых высоких небоскребов, уникальных зданий призвано стать конкурентной стратегией для постколониальных народов, противопоставить ее европейскому господству, дать возможность по-новому взглянуть на региональные, национальные, диаспорические и транскультурные идентичности.

Термин «постколониальный» часто используется и для характеристики столиц бывших метрополий (Париж,

Лиссабон, Лондон и другие), особенно в отношении их этнического состава. Миграции нарушают традиционные представления об их географии, расширяют реальное и виртуальное пространство города. Сегодня новое колонизированное население городов – трудовые мигранты, легальные и нелегальные, прибывающие со всего мира, заполняющие самые низкооплачиваемые места. Они оказывают большое влияние на экономику, общество, культуру, политику и, в некоторых случаях, на безопасность города, создавая множественные темпоральные пространства. В Париже большинство постколониальных меньшинств проживает в пригородах, которые уже «в 1990-е гг. стали синонимом социально неблагополучных периферийных районов французских городов» [12, p. 12]. Структурно эквивалентные британским и американским центральным районам города и рассматриваемые как гетто, пригороды предоставляют пространство для развития «сепаратистской культурной программы, отмеченной граффити, музыкой, танцами и своим дресс-кодом». В Британии внутренние пригородные ландшафты постколониального Лондона возрождаются и трансформируются выходцами из бывших метрополий, которые, «хотя и объединены верой, тем не менее разделены по национальному, этническому и другим признакам» [12, p. 14].

Политика постколониального урбанизма помогает объяснить различия в современных западных мегаполисах, проектируя новый тип интеллектуальной среды, созданной уникальными этносами, гибридами и диаспорами. В мультикультурных обществах члены определенных сообществ живут вместе, имея собственные магазины, социальные центры и места отправления культа. Согласно Д. М. Джейкобс, преемственность дискурсов об исторических местах в лондонском Сити, который помнят как «экономический центр Империи», повлияла на решения о городском дизайне [8, p. 52]. Городская и человеческая география Лондона необратимо изменилась в результате миграции из бывших колониальных стран.

Новые и самобытные культуры развиваются в специфичных постколониальных городах. Будь то бывшая метрополия или бывшая колония, постколониализм создает условия как для раскола, так и для союза между «традиционной» и «современной» идентичностями. Географическая карта становится неточной, неадекватной моделью реальности, смешением многочисленных

кодов и символов, сложных для классификации [13, с. 7]. Жители постколониальных городов, оказавшись между двумя пространственными перспективами, «пренебрегая и отвергая, насмехаясь и подражая, участвуя и потворствуя, учась и принимая», [2, p. 145] получили возможность построить новую идентичность.

Пространственность, построенная на эстетике повседневной жизни в мегаполисе и выходящая за пределы сценарных нарративов города, заставляет переосмыслить постулаты традиционных теорий и демонстрирует центральную роль урбанистики для понимания постколониального состояния.

Ссылки:

1. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: Русский Мір, 2006. 637 с.

2. King A. D. Writing the Global City: Globalisation, Postcolonialism and the Urban. L.: Routledge, 2016. 206 p.

3. Fanon F. The Wretched of the Earth. N.-Y.: Crove Press, 1963. 317 p.

4. Kusno A. Behind the Postcolonial: Architecture, Urban Space and Political Cultures in Indonesia L., N.-Y.: Routledge, 2016. 206 p.

5. Pratt M. L. Imperial Eyes. Travel Writing and Transculturation. 2nd ed. L., N.-Y.: Routledge, 2008. 282 p.

6. Robinson J. The Power of Apartheid: State, Power and Space in South African Cities. Oxford: Butterworth Heinemann, 1996. 249 p.

7. Roy A. Who’s Afraid of Postcolonial Theory? // International Journal of Urban and Regional Research. 2016. Vol. 40. № 1. P. 200–209.

8. Jacobs J. M.: Edge of Empire. Postcolonialism and the City. L., N.-Y: Routledge, 2002. 208 p.

9. Ball J. C. Imagining London: Postcolonial Fiction and the Transnational Metropolis. Toronto: University of Toronto Press, 2004. 295 p.

10. Kalliney P. J. Cities of Affluence and Anger: A Literary Geography of Modern Englishness. Charlottesville: U of Virginia P, 2006. 266 p.

11. McLeod J. Postcolonial London: Rewriting the Metropolis. N.-Y.: Routledge, 2004. 194 p.

12. Post-colonial cultures in France / edited by Alec G. Hargreaves and Mark McKinney. L., N.-Y.: Routledge, 1997. 299 p.

13. Мильто А. В., Гавристова Т. М., Хохолькова Н. Е. Современная история Африки (опыт классификации источников) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 8 (94). С. 7.

УДК 94(6)

З. В. Мокрушина

Антропология будущего в нигерийской non-fiction

Z. V. Mokrushina

Anthropology of the Future in Nigerian Non-fiction

Ключевые слова: антропология, будущее, Нигерия, литература, нон-фикшн.

Keywords: anthropology, the future, Nigeria, literature, non-fiction.

В настоящее время внимание специалистов в области современной социальной и культурной антропологии обращено к исследованию социальных сетей и принципов самоорганизации сообществ, трансформации социальных институтов, процессов миграции и урбанизации [1, с. 5]. Возникшее направление антропологии будущего рассматривает человека не как объекта или субъекта: он – элемент движущейся (мобильной) системы. Происходящие в системе тектонические изменения транслируют визуальные материалы, произведения искусства и отдельные жанры литературы.

Жанр non-fiction (в буквальном переводе с англ.: не-вымысел) переживает ренессанс на фоне кризисов XXI в.: цивилизационного и глобального (обострения существующих и появления новых вызовов глобализации и глокализации), социально-психологического и гносеологического. Все они, так или иначе, сопряжены с процессами цифровой трансформации реальности, сменой профессиональных ориентаций и культурных паттернов, поиском баланса между технологизацией и гуманизацией, нового культурного кода поколений и новой системы координат в условиях дигитализации [2], интенсивностью урбанистической динамики и актуализацией гендерного вопроса.

Non-fiction – один из самых парадоксальных и синкретических жанров, включающий биографии, автобиографии и мемуары, эссе, документальные хроники, травелоги, критику, научно-популярные работы, монографии, справочную литературу и медиа-контент. В отечественной науке термин «non-fiction» сравнительно недавно пришел на смену понятия «документальная проза», включающего меньшее число составляющих [3].

© Мокрушина З. В., 2022

Темы сюжетов non-fiction разнообразны, но все они основаны на реальных событиях. Автор, признанный эксперт в какой-то определенной сфере, через призму своих убеждений, знаний и опыта, излагает факты, дополняя их своими наблюдениями, данными проведенных исследований, информацией, полученной от свидетелей и участников события. Дозированное применение художественных приемов создает эффект «живое о живом».

Нигерийская литература – феномен, истоки которого следует искать во внимании авторов к истории Настоящего [с большой буквы – *З. М.*], а также в избрании ими перформативного подхода при определении идентичности. Установка на то, что идентичность не является фатально предопределенной, а конструируется через выраженное действие [4], стала не только их общей идеей, но и образом жизни. Каждый автор прошел путь от «почвенничества» и «культурной шизофрении» до «культурной революции», от принятия человека «двух миров» и модели «диалога культур», «человечества-оркестра», где каждый инструмент играет свою важную роль, до отказа от «гибридности культур» и приоритета «культуры диалога» [5. p. 5, 44; 6, p. 141–142; 7, p. 43; 8]. Чинуа Ачебе и Воле Шойинка стали родоначальниками жанра non-fiction в Нигерии и Африке в целом [9, с. 5].

В настоящее время non-fiction – доминирующий жанр в творчестве нигерийских авторов. Это закономерное явление. Чинуа Ачебе полагал, что в «важных историях есть что-то такое, что касается не только самого сообщения, но и способа его передачи, расположения слов, красоты языка» и в этом он видел преимущества африканцев: на этапе перехода африканского общества от устной речи к письменной можно «привнести в написанную историю что-то от энергии самой Истории, рассказанной из уст в уста» [10, p. 18–19]. В результате литература non-fiction, помимо знания о «великолепном разнообразии мира», выстраивания идентичности в «поисках человечности», продвижения этоса «единства-в-инверсии с опорой на местную специфику», передает «чувствительность», которую ощущают как автор, так и читатель [11].

Писатель, эссеист и борец за права огони[1] – Кен Саро-Вива как-то заметил, что «у хороших идей есть ноги <...> они движутся и иногда

[1] Огони – народ, проживающий на юге Нигерии, в районе дельты р. Нигер.

бегут» [12, p. 10]. Поэтому непрекращающаяся даже в период изгнанничества трансляция авторами через художественную литературу, non-fiction, многочисленные интервью антропологических аспектов прошлого, настоящего и будущего, способствовала преодолению «преднамеренного, законного, утомительного, огульного, низменного невежества в отношении Африки», «традиции дурных новостей», шаблонного восприятия континента и отсутствия понимания африканской истории, культуры и современных реалий [13].

Смена системы координат требует новых подходов, гуманитарных «истин» и парадигм. Нигерийские авторы в числе первых публично подвергли критике постколониальные теории и глобальную историю, призвав начать работать над позитивной программой репрезентации Африки. Олу Огуйбе в книге «Культурная игра» (2004 г.) заявил протест против постоянного «пережевывания Антропоцена» и «размышлений о многих катастрофических событиях в истории с длительными последствиями», статусе «барда дестабилизации», в которой «зафиксирована Африка». По его мнению, «постколониальный ум обременен колониальным недугом», и потому следует уделить внимание природе культуры как жизнестойкой сущности, заменить язык и предмет постколониальных исследований [14].

Чимаманда Нгози Адичи в ответ на критику ее позиции о необходимости смены смыслов, замены колониальности в культурных паттернах и самовосприятии, в иных аспектах современной жизни как в Африке, так и за ее пределами, охарактеризовала ситуацию на личной странице в фейсбуке очень емкой фразой: «Состоялась тревожная встреча между постколониализмом и африканской историей».

«Быть нигерийцем может быть не самым легким бременем», – писала в травелоге «Транзитом через Страну чудес: путешествия по Нигерии» (2012 г.) Ноо Саро-Вива. Прежде всего это касается эмигрантов и их детей, ощущающих себя на родине то ли «частично-возвращенцами», то ли «частично-туристами», и точно «аутсайдерами». Они должны пройти заново момент открытия для себя Нигерии для «обретения истины и примирения» [15].

Сборник эссе «Это наша страна» (2021 г.) объединил 25 авторов. В той или иной мере все они писали о ситуации постколониальности. Среди них Айобами Адебайо, Ч. Н. Адичи,

Хелон Хабила, Чигози Обиома, Болу Бабалола, Аби Даре, Оки Нбиде, Лола Шонейин и другие [16]. Их книга представляет собой собирательный – живой – портрет Нигерии, прекрасной и полной противоречий. Образ размыт – четкого изображения быть не может. Любая четкость – в описании и оценке – окажется репрезентацией полуправды: никакими словами не передать истинный масштаб того, что происходит в самой крупной по численности населения стране Африканского континента.

Проект стал своего рода поиском бренда Нигерии. В процессе его реализации был создан многогранный образ страны с непростой историей, непростым Настоящим, устремленной в будущее. Это проекция, построенная через актуализацию огромного потенциала, некая футурологическая идея, опыт, который необходимо освоить и принять для того, чтобы интегрироваться в глобальный мир.

Цивилизация, частью которой намеревается стать Нигерия, воспринимается с подачи Ч. Ачебе как явление «универсальное». И, хотя ясно, что существует «опасность одной единственной истории», о чем писала и говорила с своей TED-лекции Ч. Н. Адичи, ставка на самость, на обретение новых уникальных свойств и характеристик, совершенствование уже имеющихся, при условии взаимодействия с окружающим миром дает надежду на успех.

В фокусе внимания авторов – «послов культуры» – человек в бесконечно меняющемся и абсолютно непредсказуемом мире. Культура рассматривается как активный агент медиации, социального воздействия и взаимодействия, формирования новых паттернов, проектирования и соучастия, инструмент влияние «извне» и «изнутри». По их мнению, благодаря современным многочисленным каналам массовой коммуникации, возможности соучастия с другими людьми и культурами становятся безграничными.

Еще одной особенностью является то, что историко-культурное наследие рассматривается как совокупность достижений прошлого, настоящего и будущего и включает весь опыт, в том числе современный. Дискурсивные и синкретичные контексты наследия воспринимаются как гибкая и открытая система, которая нуждается в репрезентации, интерпретации, а иногда и даже легализации.

Уникальный миграционный опыт Нигерии и Африки выводит за установленные рамки фиксированных ярлыков расы, языка,

местоположения и пола вопрос идентичности. В современных условиях идентичность перестала быть постоянной величиной: она переменчива и нередко представляет собой «ежедневный социальный проект». Африка воспринимается мигрантами как средоточие исторической и культурной памяти, эксклюзивности, наследия, принадлежащего африканцам и диаспоре. На личном примере и через творчество, включая non-fiction, авторы, демонстрируя важность осуществления культурно-образовательных проектов, повышения ответственности за свое будущее, будущее страны и континента, провоцируют дискуссии, пересмотр дефиниций и обновление традиционных ориентиров, и создание новых модерностей.

Ссылки:

1. Кавыкин О. И. Введение // Антропология Африки: новые объекты исследования. М.: Институт Африки РАН, 2018. 206 с. С. 5–11.

2. Хохолькова Н.Е. «Африканцы XXI века»: репрезентации транскультурной идентичности в виртуальном пространстве // Этнография. 2020. №3 (9). С. 90–102.

3. Казакова Г. М. Нон-фикшн в современной книжной культуре // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2016. № 3 (47). С. 7–12.

4. Butler J. Performative Acts and Gender Constitution // Theatre Journal. 1988. Vol. 40. № 4. P. 519–531. URL: http://www.jstor.org/stable/3207893 (accessed: 13.10.2020).

5. Achebe Ch. Morning Yet on Creation Day. Essay. L., Ibadan, Nairobi-Lusaka: Heinemann, 1975. 108 p.

6. Soyinka W. Art, Dialogue, and Outrage: Essays on Literature and Culture. Ibadan: New Horn Press. 1988. 344 p.

7. Clark-Bekederemo J. P. The example of Shakespeare. Evanston: Northwestern University Press, 1970. 113 p.

8. Nigeria’s Chimamanda Ngozi Adichie talks colonialism, politics and pop culture By Clarisse Juompan-Yakam. 8 May 2020. URL: https://www.theafricareport.com/27060/nigerias-chimamanda-ngozi-adichie-talks-colonialism-politics-and-pop-culture/ (accessed: 20.02.2022).

9. Гавристова Т. М. Воле Шойинка: story или history? (к вопросу о становлении жанра non-fiction в Африке) // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 3 (37). С. 5–10.

10. The Paris Review. Chinua Achebe // The Art of Fiction. 2007. № 139. P. 3–25.
11. Chimamanda Ngozi Adichie: Commonwealth Lecture 2012 URL: https://www.youtube.com/watch?v=vmsYJDP8g2U (accessed: 12.05.2021).
12. Saro-Wiwa K. Prisoners of Jebs. Port Harcourt: Saros International, 1988. 180 p.
13. Adichie Ch. N. The Danger of a Single Story, 2009. URL: https://www.ted.com/talks/chimamanda_adichie_the_danger_of_a_single_story?language=ru (accessed: 31.10.2019).
14. Saro-Wiwa N. Looking for TransWonderland: Travels in Nigeria. Berkeley: Soft Skull Press, 2012. 309 p.
15. Oguibe O. The Culture Game. L.: Minnesota Press, 2004. 204 p.
16. Of This Our Country: Acclaimed Nigerian Writers on the Home, Identity and Culture They Know. UK: The Borough Press, 2021. 288 p.

УДК 94 + 7.03

О. А. Моргунова (Петрунько)

Африканское искусство на аукционе Сотбис: история, рассказанная охотником или львом?

O. A. Morgunova (Petrunko)

Trading African Art at Sotheby’s: a Story Told by Lions or Hunters?

Ключевые слова: Африка, современное искусство, постколониализм, Сотсбис, международная торговля.
Keywords: Africa, modern and contemporary art, postcolonial, Sotheby’s, international trade.

Африканское искусство привлекало европейских художников, как минимум, с рубежа XIX–XX вв. Интерес к его финансовой ценности зародился гораздо позднее, в середине XX в. Знаковым событием на международном рынке торговли произведениями искусства можно считать аукцион 1966 г., когда на аукционе Сотбис, на его торговой площадке в Нью-Йорке, была выставлена для предварительного просмотра, а затем и на торги, коллекция Елены Рубинштейн. После успеха данного мероприятия аукционный дом продолжил торговлю искусством, связанном

© Моргунова (Петрунько) О. А., 2022

с Африкой, и регулярно проводит аукционы искусства Африки на двух из трех своих основных площадок (в Париже и в Нью-Йорке), а также с 2019 г. начал серию аукционов африканского искусства онлайн. Поэтому представляется обоснованным сосредоточить внимание на изучении динамики восприятия искусства континента и осмысление изменений в проведении аукционов через анализ торгов именно на материале Сотбис. За полвека искусство Африки получило признание, которое выражается в росте стоимости произведений и в том, как оно позиционируется.

Елена (Хая) Рубинштейн, эмигрантка еврейского происхождения из Польши (Российская империя), жившая долгое время в Австралии, и ставшая создателем одной из первых мировых косметических фирм, уже в начале XX века стала собирателем традиционного искусства Океании и Африки. Благодаря артистическому кругу общения, она познакомила со своей коллекцией многих художников, в том числе тех, кто стал основателями сюрреалистического направления. После её смерти коллекция была выставлена на торги в Сотбис. Часть ее купил Харри Франклин, который впоследствии стал выдающимся американским коллекционером африканского искусства, а посмертные торги его коллекцией в 1990 г. стали еще одним важным этапом в росте интереса к африканскому искусству. Предметы коллекций продолжают переходить из рук у руки на торгах Сотбис, постоянно увеличивая свою стоимость, пока не оказываются в музейных коллекциях.

Рассмотрим два самых известных лота из этих коллекций. На аукционе коллекции Рубинштейн в 1966 г. наибольший интерес вызвала фигурка, созданная мастером Луба из Конго, хотя произведение было сильно повреждено. Считается, что один из ее европейских владельцев пытался ее «переделать». Однако у аукционистов были доказательства, что скульптурой владел Поль Элюар и она повлияла на стиль П. Пикассо эпохи кубизма [1]. В 1990 г. купленная ранее Франклиным у Рубинштейн скульптура Бангуа Квин королевская женская скульптура из Камеруна, была продана за 3.4 млн долларов [2]. Известно, что именно она служила моделью для знаменитой серии фотографий сюрреалиста Мэна Рея. Стоимость работ значительно превысила стоимость остальных лотов, которые происходили из тех же коллекций, относились к тем

же культурам и были созданы в приблизительно то же время. Таким образом, можно предположить, что рекордные цены на аукционе получали те произведения, которые были связаны с историей европейского искусства.

Покупатели ориентировались не на эстетическую ценность предмета, а на его роль в развитии того, что для покупателя являлось «культурой» (то есть культурой европейской). Например, произведение приобретало дополнительную ценность потому, что выдающийся европейский художник смотрел на него или держал в руках.

Действительно, в начале XX в. европейское мышление видело в африканском искусстве воплощение некоего до-цивилизационного мира: девственного, подлинного, чистого, наивного. Искусство Африки представляло собой источник вдохновения и новых приемов, но не имело самостоятельной ценности. Произведения неизвестных мастеров рассматривались европейскими и американскими покупателями как утилитарные, ремесленные, декоративные предметы не очень понятного назначения, как имеющие подчиненную роль для «настоящего искусства», как наивный источник вдохновения для рафинированных (то есть настоящих, европейских) художников.

Африканское искусство воспринималось как источник чистой энергии, но не как самостоятельные имеющие артистическую ценность произведения. Тем более не имело значение авторство художника, который представлялся ремесленником, изготавливающий утилитарные предметы по определенным образцам, а затем становился еще и мастером по починке своего творения.

Отзвуки такого отношения к традиционному искусству Африки слышны и сегодня, когда кураторы говорят о том, что невозможно воспринимать искусство континента вне утилитарного контекста [3], что требуется размещать произведения искусства, например, в музее, в соответствии с типом предмета, а не особенностями его эстетики, что их должны дополнять аудио-видео инсталляции.

Предметы, экспонирующиеся в музеях, могут быть сгруппированы по назначению, а не по времени создания, этнической традиции или эстетическим тенденциям, как принято в западной практике в отношении произведений искусства. Такое экспонирование делает традиционное африканское искусство своего рода экзотикой, как бы намекает на недостаточную самостоятельную эстетическую ценность предметов. В каком-то

смысле именно так экспонировались русские иконы на всемирных выставках в период начала интереса к Византии в конце XIX в. Эстетика икон была экзотикой для западного зрителя; само произведение очевидно функциональным, а авторство практически никогда не было установлено и не имело значения [4].

Восприятие произведений африканского искусства как имеющих самостоятельную эстетическую ценность можно датировать началом XXI в. Произошло это в первую очередь на аукционных площадках. Очевидным стало два значительных сдвига: изменения в оценке и атрибуции традиционного искусства и появление аукционов современного искусства континента.

Абсолютным рекордсменом продаж традиционного африканского искусства стала в XXI в. «Женская фигура Сенуфо мастера из Сикассо», также изначально из коллекций Рубинштейн и Франклина, а затем американского бизнесмена Мирона Кунина [5]. В последний раз, уже после продажи коллекции Куниным в 2014 г., она была вновь перепродана на Сотбис за рекордные 12 037 000 долларов США. Обратим внимание, что в данном случае ничего не известно о каких-либо артистических «связях» предмета искусства с европейскими мастерами. Более того, мы видим, что в предаукционной оценке произведения применяются общемировые критерии: время его создания, надежность провенанса (истории владения произведением), эстетические критерии и факт эксклюзивности подобного произведения. Более того, как и применительно к европейскому искусству, например, средних веков, в описании работы присутствует упоминание не места происхождения работы (страна, народ), а указание школы и авторства: упоминается неизвестный мастер из определенной местности, имеется описание других его произведений.

В последнее десятилетие формируется еще одно важное явление – оформление концепции современного искусства Африки как самостоятельного эстетического феномена, обладающего ценностью. До этого времени торговый дом Сотбис не выделял современное искусство Африки в отдельные торги, продолжая проводить аукционы частных коллекций и аукционы традиционного искусства. Однако аукционный дом сформировал свою политику в отношении так называемых «растущих» рынков (emerging markets) и создал программу торгов современным (modern and contemporary) искусством Африки.

Следует заметить, что этот аукционный дом не является исключением. Интерес к африканскому искусству начали активно проявлять и коммерческие институции, ярмарка Art Paris, посвятившая свою выставку 2017 г. Африке, и музеи. Крупные выставки африканского искусства были проведены в Париже (Beauté Congo в фонде Картье в 2015 г.; Art / Afrique в фонде Луи Виттон в 2017 г.). Затем прошел успешный аукцион современного африканского искусства в Лондоне, организованный домом Бонамс (Bonhams). Выставки и торги, несомненно, продемонстрировали необычайное разнообразие творчества художников и увеличили их популярность.

Первый аукцион современного африканского искусства, проведенный Сотбис, состоялся 16 мая 2017 г. и собрал 3,6 млн долларов. Аукцион представил Йинку Шонибаре [6; 7, с. 141–182], Кадера Аттиа и Эля Анацуи (родился в 1944 г.) [7, с. 97–140; 8], остающегося одним из немногих художников, который достиг международного признания, не покидая африканского континента. Все остальные лидеры аукциона в течение многих лет живут в Европе или США. Йинка Шонибаре родился в 1962 г. и постоянно живет в Лондоне, Кадер Аттиа родился в 1971 г. во Франции и рос во Франции и Алжире, Марлен Дюма родилась в 1953 г. в ЮАР и в 1976 г. перебралась в Нидерланды. Родившуюся в Адис-Абебе в 1970 г. Джули Мерету в семилетнем возрасте перевезли в США. Вонгечи Муту родилась в Кении, но не живет в Африке уже с 1990-х гг.

Кроме традиционных торгов, Сотбис стал проводить также онлайн аукционы, чему немало способствовала пандемия Ковид-19. Во время пандемии онлайн аукционы с точки зрения выбранных произведений искусства были наиболее представительны, хотя недостаточно успешны. На аукционе в мае 2020 г. было представлено 103 работы. Многие из них принадлежали признанным мастерам. Наиболее успешными были работы Ирмы Стерн (1894–1966), южноафриканки немецко-еврейского происхождения, жившей между Европой и Африкой, и ее младшего современника Бена Энвонву (1917–1994). Средняя стоимость работ составляла 400 тысяч британских фунтов. Из молодого поколения художников наиболее успешно продавались работы Эдди Камуанга Илунга, родившего в 1991 г. в Конго и живущего в Бельгии. Все проданные работы были на африканскую тематику. Стоимость остальных работ, представленных на аукционе, была в разы меньше, а процент непроданных – намного выше.

Для сравнения представим результаты благотворительного (в пользу художественной школы и музея в Лагосе) аукциона [9] Сотбис 22 марта 2022 г., в котором участвовали 130 работ. Лидерами аукциона вновь стали известные художники, имена многих перечислены выше. Стоимость произведений варьировалась в диапазоне 200–400 тыс. для признанных мастеров и 2–4 тыс. фунтов для неизвестных, что отражает тенденцию Сотбис на поиск талантов в растущем рынке. Очевидна и тенденция успешных продаж молодых африканских художников, базирующихся вне Африки: их узнаваемость несомненно выше. Важно отметить и такой признак изученного рынка как продажа картин внутри предсказанного аукционистами диапазона цен. Причем в случае с художниками старшего поколения, точность оценки интереса (и стоимости) работы выше, чем в случае с талантливой молодежью африканского происхождения. Уровень недооценки художников, живущих в Африке (не в США и Европе) может быть серьезным. Так, работа «Нкабом 2» ганаянского художника Иссхака Исмаила (1989 г.), живущего и работающего в Гане и известного преимущественно на континенте, была оценена перед аукционом в 30–50 тыс. фунтов и продана за 277200 фунт [9].

Растущий рынок современного искусства Африки отражает художественные процессы, происходящие в мире. Эксперты и блогеры отмечают, что на континенте сложились несколько крупных художественных центров: Аккра, Аддис-Абеба, Кейптаун, Дакар, Лагос и Марракеш. Происходит региональные деления художественных школ: акцент на живопись в Восточной Африке, где находятся две старейшие школы на континенте, в Западной Африке – на инсталляции, арт-перформанс и другие инновационные формы. Таким образом, возникает интерес различных регионов Африки друг к другу, который отмечают арт-блогеры. При этом местная инфраструктура торговли искусством в рамках континента практически отсутствует, и мировые аукционные дома заполняют эту нишу.

В XXI в. резко вырос интерес к так называемым растущим (появляющимся) рынкам искусства, что, очевидно, связано не только с постколониальной тенденции переоценки социальных культурных и эстетических традицией бывших колоний, но и с расцветом более понятных западному ценителю школ подготовки художников. Сохраняя «флер» и тематику Африки, художники

привлекают новую группу покупателей – африканцев, живущих в Африке и вне ее. По словам О' Лари, руководителя африканского отдела Сотбис: «Нет сомнений в качестве и таланте работ африканцев, а, где есть талант, – туда мы идем. Наличие состоятельной клиентуры очень помогает. А когда мы говорим о покупательском потенциале в Африке, он, конечно же, есть» [11]. И действительно, на четвертом аукционе Современного искусства Африки, проведенного Сотбис в 2021 г., уже 70 % покупателей были из Африки [12]. Таким образом на рынке искусства в аукционном мире появился новый тип покупателя: интеллектуальный и обеспеченный представитель национальной элиты, готовый инвестировать в искусство родного континента и региона. Это явление не исключительно для рынка африканского искусства, но характерно для всех растущих рынков, включая индийский и китайский [13].

Динамика арт-рынка в Африке показывает как социальные изменения, которые связаны с восприятием Африки, африканского наследия и африканских корней, так и финансовые перспективы его развития на континенте. Для Сотбис привлекательными являются и значительное предложение, которое есть на этом рынке, и легкость проверки провенанса, и высокий процент продаж в сегменте известных мастеров и растущий интерес к молодежи. Это тот «нечастный случай», когда постколониальные тенденции приносят прибыль в отсутствии собственной инфраструктуры продажи искусства.

Современные художники Африки уже не нуждаются в экзотизации своего искусства для привлечения покупателя. Однако, несмотря на то, что многие из них не живут на континенте, их позиционирование как африканских художников способствует коммерческому успеху и является конкурентным преимуществом в западном мире, по-прежнему ориентированном на экзотику дальних земель и народов. Нерешенным остается вопрос категоризации современного искусства, созданного в Африке или на тему Африки и наследия художников, имеющих африканские корни, но живущими в любой другой части земного шара. Этот вопрос требует отдельного изучения.

Ссылки:

1. Parke-Bernet, N.Y. 1966. African and Oceanic Art: The Collection of Helena Rubinstein, auction catalogue, (April 21, 29), 2469, no. 222.

2. Harry A. Franklin Family Collection of African Art, the Sotheby's Auction Catalogue. January, 1990.

3. Sarah Frisbie art blog. URL: https://ncartmuseum.org/why-20th-century-african-art-is-both-the-best-art-youll-ever-experience-and-not-art-at-all/ (accessed: 06.04.2022).

4. Wendy S. How America Discovered Russian Icons: The Soviet Loan Exhibition of 1930-32 // Alter Icons: The Russian Icon and Modernity. Ed. by Douglas Greenfield and Jefferson Gatrall. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2010. P. 128–143.

5. In Pursuit Of Beauty: The Myron Kunin Collection Of African Art. URL: https://www.sothebys.com/en/auctions/2014/myron-kunin-collection-african-art-n09225.html (accessed: 06.04.2022).

6. Гавристова Т. М. Йинка Шонибаре: искусство интерпретации истории // Азия и Африка сегодня. 2006. № 12 (593). С. 56–58.

7. Гавристова Т. М. Неизвестная Африка : история в биографиях. Ярославль, Филигрань, 2014. 194 с.

8. Гавристова Т. М. Эль Анатсуй: изобразительное искусство в поисках идентичности // Азия и Африка сегодня. 2009. № 9 (626). С. 71–75.

9. Modern & Contemporary African Art | and CCA Lagos Benefit Auction. URL: https://www.sothebys.com/en/buy/auction/2022/modern-and-contemporary-african-art?lotFilter=AllLots (accessed: 06.04.2022).

10. Sotheby’s 4th auction of Modern and Contemporary African Art brings in £2.3Million. URL: http://obatala.co.uk/blog/art/sothebys-4th-auction-of-modern-and-contemporary-african-art-brings-in-2-3million (accessed: 06.04.2022).

11. Sharing Africa with the World. URL: https: // www. hellocapetown.org/sharing-africa-with-the-world (accessed: 06.04.2022).

12. In a Sign of Things to Come, African Collectors Dominated Sales at Sotheby’s Impressive $3 Million Contemporary African Art Auction in London. URL: https://news.artnet.com/market/sothebys-african-sale-1507732 (accessed: 06.04.2022).

13. Kraeussl R., Logher R., Emerging art markets // Emerging Markets Review. Volume 11. Issue 4 2010. P. 301–318.

УДК 930.85

А. И. Неклесса

Постколониальность и цивилизационный транзит

A. I. Neklessa

Postcoloniality and the Transit of Civilization

Ключевые слова: постколониальность, постсовременность, цивилизационный транзит, эмансипация, активизм, афрополитизм.

Keywords: postcoloniality, postmodernity, civilizational transit, emancipation, activism, Afropolitism.

Постколониальность – существенная черта возникающего на планете постсовременного универсума – новой комплексной реальности. Это один из «больших вызовов» современности и междисциплинарное направление исследований. Моделирование подвижного и модифицируемого ансамбля «Север – Юг» связано с определением пропорций постсовременности и постколониальности в универсальном трансформационном процессе. Композиция взаимно-контаминируемого мироустройства сложнее привычной политической биполярности или идеологически мотивированных утопий. Проявления постмодернизации трудно анализировать исключитетельно с региональных или национальных позиций – это комплексное, интерактивное поле. Мировой Север и мировой Юг сложным образом сосуществуют на планете: футуристичные образы высокотехнологичной цивилизации, правового, демократичного, рационального уклада перемежаются чересполосицей авторитарных систем, трайбалистских или мафиозных сообществ, городских фавел, потоков и лагерей беженцев. Постижение причин и перспектив вселенского переворота требует, однако, большего, нежели простое суммирование причудливой феноменологии цивилизационного транзита.

Объект комплексного исследования – взаимосвязь двух междисциплинарных направлений в социальных науках, активно развивающихся с 70-х и 80-х гг. XX века: Постсовременности и Постколониальности [1]. Анализируется ситуация социального транзита и постулируется типологическое родство данных масштабных процессов общественной трансформации – своего рода исторический rite of passage.

© Неклесса А. И., 2022

Возникающая сегодня в лоне Современности комплексная реальность, провоцирует полицентризм, основанный не на этатистской симфонии, а на распределенном по планете множестве корпоративных, групповых и личностных суверенитетов. Концепту глобализации как «финалу истории» – политической и экономической связности современного мира, противопоставлен взгляд на универсальную перестройку как следствие кризиса институтов всемирной бюрократии, национальных, административных, партийных и прочих унифицирующих механизмов. Внимание должно быть также обращено на набирающие силу тенденции индивидуации и приватизации, замещение субординативности субсидиарностью, что отражает кризис национальной государственности [2].

Постсовременность, отрицая прежнее мироустройство, воспроизводит в планетарном масштабе подобие постколониальной ситуации самоопределения, что позволяет обратиться к опыту суверенизации стран, осваивающих свой новый статус в различных версиях его становления. Колониальность при этом понимается как гегемония, выходящая за рамки сложившегося толкования колониализма – это доминантная эманация мира-империума, предлагающего субалтерным иным два модуса поведения: подчинение либо ассимиляцию, отрицая легальность альтернативной самореализации или сопротивления [3].

Политическая деколонизация – исторически недолгий период, в то время как постколониальность – длительное, комплексное состояние реабилитации бывших колониальных и зависимых территорий с ослабленной субъектностью. В отличие от прописей политической деколонизации, постколониальная теория как элемент постсовременного переворота проблематизирует социокультурную динамику, которая реконституирует права Другого на актуализацию собственной ментальности, социополитическую манифестацию и культурную эскалацию.

Проблематика деколонизации как политического процесса и постколониальности как социокультурного состояния бывших колониальных либо иным образом подчиненных сообществ, представляет интегральное исследовательское пространство, включая важное региональное измерение – Африку, континент со специфическим цивилизационным статусом как постколониальное сообщество наций [4]. Отдельная проблема – совместимость систем ценностей и взаимная трансляция правовых норм.

Влияние на генезис постколониальной культурной оптики оказали: академический ориентализм, французская (по преимуществу) философия XX века, неомарксизм, развивавшийся в контексте Франкфуртской школы. Речь также идет о деколониальности – политической, социокультурной и смысловой контргегемонии, отрицающей диктат конъюнктурной картины мира как инструмента модально-ассимилирующего комплекса «знание-власть».

Пафос постсовременной, постимперской и постколониальной позиции, в котором присутствуют также тревожные обертоны, декларирует право индивида и сообществ на реализацию оригинальной идентичности, диссимиляцию прежних лояльностей и суверенный поиск альтернатив. Актуальность данной проблематики подтвердили массовые беспорядки, вспыхнувшие в 2020–2021 гг. в США и ряде других мест планеты.

Мир становится «многоцветным», многочисленные обитатели мирового Юга растекаются по планете. В глобальной сети антропотоков сегодня доминирует как коллективный, так и индивидуальный исход обитателей Юга на Север, порождая смешение рас, этносов и народов. Переселение происходит по разным мотивам – от образовательной, карьерной, экономической эмиграции до спасающихся от голода, репрессий, войн беженцев. Массовые исходы и демографическая динамика заметно влияют на дух и содержание эпохи, теперь не только генезис множества суверенных стран (деколонизация), но сама «темнокожесть» (постколониальность) становится одним из векторов глобальной трансформации и признаком очередного исторического водоворота [5].

Необходимо переосмыслить социокультурное наследие современной цивилизации, ее статус и открывающиеся перспективы. Колониальность продолжает существовать в постколониальном мире, однако борьбу за политический суверенитет замещает практика социокультурной деколонизации людей и сообществ. В области же дисциплинированной рефлексии Постколониальность позиционируется как комплексное направление исследований, академическая теория и критическая концепция, претендующая на пересмотр европоцентричного дискурса в сфере социогуманитарного знания.

Постколониальность – одна из существенных характеристик возникающего универсума. На планете складывается многочисленное «не имеющее отечества» номадическое сообщество, не укладывающее

в прокрустово ложе географической локализации и национальной государственности. Постсовременность, делая ставку на творческий потенциал, экспериментируя с разнообразием путей самоорганизации и самореализации, оказывается в симбиотическом союзе с Постколониальностью [6].

Сегодня, обращая прежние обременения в ресурс, былые обитатели третьего мира осваивают планету, образуя разновекторные коалиции конструктивного/деструктивного толка [7]. И обретая трансконтинентальную субъектность, перехватывают стратегическую инициативу. Сбывается предвидение Альфреда Сови о роли третьего мира, потенции которого он сравнил с преобразующей силой, некогда отправившей на свалку истории феодально-сословный миропорядок.

История «бремени темнокожего человека», пройдя в своем «африканском аспекте» долгим маршем по ступеням панафриканизма, негритюда, движения «черных пантер», афроцентризма и в прихожей нового века – акционизма BLM, приблизилась к воплощению синтеза афрополитизма с рассеянной по планете Постсовременностью, укрепляя солидарные позиции деколонизирующего Современность интегрального космополитизма.

События последних лет (2020–2022 гг.) совокупно продемонстрировали также востребованность искусства управления сложными процессами и ориентации в масштабных, «вирусных», пороговых ситуациях, подтвердив императивный характер развития соответствующего научного аппарата, технологий и мастерства [8]. Исследование предполагает комплексный анализ динамики методов познания, действия, управления при переходе от Современности к новому историческому состоянию, определяемому как Постсовременность.

Одна из задач – анализ тенденции развития и особенности методологического и прогностического инструментария в контексте цивилизационного транзита, рассмотрев и оценив также предпосылки и вероятность эпистемологического переворота [9].

Для изучения, проектирования и мониторинга усложняющихся процессов развиваются и применяются методологические комплексы, преимущественно на основе системного подхода. Активное представление будущего реализуется посредством междисциплинарного (холистичного) подхода с учетом глобального контекста и долгосрочной перспективы. Императив времени,

однако, поиск новых эффективных стратегий познания и действия в подвижной среде и в ситуациях неопределенности.

Сегодня разрабатываются алгоритмы управления извне многофакторными и неопределенными системами, методы внешнего, косвенного управления многофакторными и гибридными комплексами посредством аттракторов. Складывается общая методология проектирования сложных конструкций и проведения комплексных операций, замещающая глобальность фрактальностью, долгосрочность – нелинейной динамикой, а междисциплинарные обобщения перспективной уникальностью.

При нарастании дестабилизации социальной среды поиск адекватного вызовам времени методологического и прогностического инструментария – необходимое условие, высокоадаптивного устойчивого развития.

Ссылки:

1. Неклесса А. И. 2021. Постколониальность в глобальном и региональном измерениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т. 21. № 1. С. 9–19.

2. Неклесса А. И. Метаморфозы цивилизационного транзита. Эволюционный марафон и социальная ментальность // Метафизика. Научный журнал РУДН. № 1. С. 31–40.

3. Неклесса А. И. Мультиплицированный суверенитет. постколониальность как фрактальный извод постсовременности. Африка в условиях формирования полицентричного мира / отв. ред. С. Н. Волков, Т. Л. Дейч, С. В. Ненашев. М.: Институт Африки РАН. 2020. С. 18–27.

4. Африка: постколониальный дискурс. Колл. монография. / Отв. ред. Т.М. Гавристова, Н.Е. Хохолькова. М.: Институт Африки РАН, 2020. 248 с.

5. Неклесса А.И. Темнокожий мир оказался глобальным ядерным котлом. – Дайджест РАН. 2021 Вып. № 36. (онлайн на сайте РАН): http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=ea5ddc67-5b4a-4b6c-beec-cedcfcc51876&print=1 (дата обращения: 23.03.2022).

6. Неклесса А. И. Поезд в будущее. Транзит современной цивилизации – Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Т. 11. / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». 2020. С. 108–125.

7. Неклесса А. И. Борьба за будущее. Методологические и прогностические аспекты цивилизационной конкуренции // Цивилизационные альтернативы Африки. Т. 3 / отв. ред. И. В. Следзевский. М.: Институт Африки РАН, 2020. С. 11–43.

8. Неклесса А. И. 2021. Цивилизация как процесс: мультиплицированные субъекты Постмодерна // Полис. Политические исследования. № 5. С. 39–55.

9. Неклесса А. И. 2020. Цивилизационный транзит. Методологические и прогностические аспекты (анализ – прогноз – управление) // Экономическая наука современной России № 4 (91). С. 140–141.

УДК 94(415).08

М. А. Неклюдова

«Матушка Сикоул» и история сестринского дела

M. A. Neklyudova

"Mother Seacole" and the Development of Nursing

Ключевые слова: Викторианская Англия, Мэри Сикоул, Крымская война, сестринское дело, Флоренс Натингейл.

Keywords: Victorian England, Mary Seacole, The Crimean War, nursing, Florence Nightingale.

Современники называли Мэри Сикоул по-разному: «матушка» или «тетушка» Сикоул, ямайская целительница, желтая докторша. Ею восхищались, ее презирали, почти целый век ее имя находилось в тени Флоренс Натингейл, «ангела из Скутари». Несмотря на долгий период забвения, в настоящее время никто не отрицает, что вклад Мэри Сикоул в становление и развитие сестринского дела не менее значителен.

Информации о жизни М. Сикоул можно найти в ее автобиографии, изданной в 1857 г. Она прожила невероятную, полную приключений жизнь. Мэри Энн Грант, а именно такое имя она получила при рождении, появилась на свет в 1805 г. в Кингстоне на острове Ямайка. Ее матерью была свободная чернокожая женщина, местная знахарка, а отец был шотландским

© Неклюдова М. А., 2022

солдатом. «Многие люди также приписывают моей шотландской крови ту энергию и активность, которые не всегда встречаются у креольской расы», – писала Мэри в своей автобиографии [1].

В юном возрасте она уже помогала матери в пансионе для британских солдат-инвалидов и их семей. Она внимательно наблюдала за работой военных врачей и общалась с ними. В 1836 г. Мэри вышла замуж за мистера Сикоула, однако он был болезненным человеком и вскоре скончался.

Овдовев, Мэри основала собственный пансион и начала ухаживать за пациентами. Она приобрела репутацию квалифицированной медсестры и лекаря [2].

В 1850 г. на Ямайке произошла вспышка холеры. Мэри трудилась не покладая рук, чтоб помочь своим пациентам. Она даже изобрела некое снадобье, которое оказалось весьма эффективным. Позднее она уехала в Панаму и открыла пансион в Крусесе. Там тоже бушевала холера. Она была пытливой, хотела понять, откуда берутся болезни. Однажды «желтая докторша» даже самостоятельно совершила вскрытие человека, умершего от холеры. Она сама переболела холерой, выжила и в 1852 г. решила вернуться на Ямайку. Ее оптимизм и динамизм поражают, тем более что в силу цвета кожи она всю жизнь болезненно переживала проявления расизма [3, с. 292].

Мэри всегда гордилась тем, что она британка. Где бы она ни жила, ее заведение называлось «Британский отель»: в автобиографии она упоминала о «врожденном» стремлении лечить британских солдат.

В ходе Восточной (Крымской) войны 1953–1956 гг. проявились ее особые таланты. Часть подразделений с Ямайки перебросили на поля сражений. В газетах писали не только о военных действиях, но и об ужасных условиях содержания больных и раненых солдат в госпиталях. Мэри чувствовала, что должна быть там и осенью 1854 г. отправилась в Лондон. У нее было с собой множество блестящих рекомендательных писем от военных врачей Ямайки. «Матушка Сикоул» обращалась в Военное министерство, в различные ведомства, в организацию Флоренс Натингейл – везде ее ожидал отказ. И тогда Мэри решила ехать сама, как маркитантка, то есть женщина, продающая провизию солдатам.

«Слава Богу, – писала она, – в первый и последний раз в моем сердце зародились сомнения и подозрения. Возможно ли, что

американские предрассудки против цвета имели здесь какие-то корни? Эти дамы уклонялись от моей помощи, потому что моя кровь текла под несколько более темной кожей, чем у них» [1].

В нескольких километрах от Балаклавы «матушка Сикоул» открыла магазин и пансион под названием «Британский отель». Там она начала свою медицинскую практику, а вскоре ее взяли в военный лагерь на должность медсестры и врача. В своей любимой яркой одежде с медицинской сумкой женщина работала на поле боя, даже когда сражение продолжалось. А когда пал Севастополь, миссис Сикоул вошла в город, чтобы там помогать людям.

После окончания Крымской компании миссис Сикоул понесла большие финансовые потери. В качестве благодарности за труд и помощь на войне офицеры и солдаты создали фонд помощи. Даже свою автобиографию она написала и издала, чтобы поправить материальное положение.

Ее заслуги не были замечены правительством, но «докторша с Ямайки» смогла завоевать любовь и уважение англичан. Журналист У. Х. Рассел написал в газете «Таймс» ряд заметок о Мэри и предисловие к ее автобиографии: «Я был свидетелем ее преданности и мужества; я уже засвидетельствовал ее услуги всем, кто в них нуждался <…> Я верю, что Англия не забудет того, кто ухаживал за ее больными, кто искал ее раненых, чтобы помочь» [4].

Мэри умерла в Паддингтоне в Лондоне 14 мая 1881 г. Ей было посвящено несколько некрологов, а потом ее имя забылось на десятилетия. Почему так вышло? На этот вопрос есть немало возможных ответов. Мэри Сикоул и Флоренс Натингейл начинали свою деятельность тогда, когда женщины еще не могли голосовать, а работа медсестры была совершенно не респектабельна и осуждалась. Миссис Натингейл своей деятельностью пыталась поднять репутацию и престиж сестринского дела. Своенравная и даже бесцеремонная «матушка Сикоул» явно не вписывалась в образ идеального ангела милосердия. Ф. Натингейл пользовалась поддержкой правительства и оставила после себя многочисленные труды по уходу за ранеными и больными. М. Сикоул была средних лет креолкой с Ямайки, и не раз сталкивалась с проявлениями расизма. О ней знали, помнили, но по популярности Мэри явно уступала «ангелу из Скутари».

Только в 1970-х гг. имя Мэри Сикоул стало символом чернокожих медсестер, женского освободительного движения

и других групп, боровшихся за гражданские права. Ее книгу переиздали в 1987 г., о ней стали писать.

Одной из первых М. Сикоул говорила о важности чистоты, хорошей вентиляции, разделении пациентов с инфекционными заболеваниями – обо всем том, что сейчас входит в понятие гигиены человека. Ее вклад в становление сестринского дела и заслуги перед обществом нельзя переоценить.

Ссылки:

1. Сикол М. Чудесные приключения миссис Сикол во многих странах. Лондон: Джеймс Блэквуд, 1857. URL: https://digital.library.upenn.edu/women/seacole/adventures/adventures.html (дата обращения: 31.03.2022).
2. Helen J. Seaton Another Florence Nightingale? The Rediscovery of Mary Seacole. URL: https://victorianweb.org/history/crimea/seacole.html (accessed: 31.03.2022).
3. Джонсон Б. Лондон по Джонсону. О людях, которые сделали город, который сделал мир. СПб.: Азбука-Аттикус, 2014. 544 с.
4. Рассел У. Х. Читателю, 1857. URL: https://digital.library.upenn.edu/women/seacole/adventures/adventures.html (дата обращения: 31.03.2022).

УДК 93/94:30+327

Е. Б. Рашковский

«Изгнанная Россия» как проблема глобальной структуры истории: теоретические заметки

E. B. Rashkovsky

“Russia in Exile” as a Problem of Global Structure of History: Some Theoretical Notes

Ключевые слова: русская эмиграция, историография, «человеческий капитал».

Keywords: Russian emigration, historiography, "human capital" .

Сама проблема глобальной структуры истории была впервые теоретически поставлена и отрефлексирована (причем – с огромной фактографией в руках) прежде всего в трудах Фернана Броделя

© Рашковский Е. Б., 2022

и историков школы «Анналов» [1; 2]. Среди относительно дальних предпосылок этой «историографической революции» следовало бы назвать труды А. Дж. Тойнби, но в особенности – труды о. Пьера Тейяр де Шардена, пытавшегося описывать конкретные исторические феномены в целостном (хотя и нестрогом) контексте тео-космо-исторической эволюции. История людей, таким образом, предстала в относительном единстве истории природы, истории антропогенеза и почти непроглядной архаики, истории документирнованной и худо-бедно осознанной, но также и возможной и трудной истории будущего [3].

Эта «историографическая революция» оказалась мощным стимулом для стремления ученых и мыслителей самых разнообразных стран и регионов *вписать* проблематику своих исследований в этот глобальный контекст. Ибо в таком глобальном контексте только и можно решать проблемы постмодернистской и, стало быть, постколониальной действительности. Осмысление же нашей отечественной проблематики не представляет собой в этом смысле исключения. Тем паче, что в отечественной истории как бы сконцентрированы и перемешаны темы традиционализма, модерна и первых поколений постмодернистской действительности. И в этом смысле, российский постмодернистский дискурс так или иначе перекликается с дискурсом постколониальным. Благо, тема «самоколонизации» широко трактуется и в нынешней российской историографии.

Два слова о том, что может дать отечественное социо-гуманитарное знание в плане методологии познания глобальной истории и ее структуры. И, в частности, познания того драгоценного параметра истории, который пронизывает собой всю ее ретроспективу и перспективу и который именуется *человеческим капиталом.*

На мой взгляд, немалым вкладом в эту область познаний оказалась бы та часть позднего наследия величайшего из российских философов – Владимира Сергеевича Соловьева (1853–1900). Я бы позволил себе условно определить этот вклад как «теорию соотносительности». В чем ее смысл?

Человеческие проявления нашего міра не могут безусловно размениваться, конвертироваться одно в другое, заменяться одно другим. Но это не означает отсутствия взаимной связи, взаимной зависимости между ними. И они жизненны лишь тогда, когда

между ними существует обмен частицами (или волнами) смыслов. Говоря по-нынешнему, – квантами смыслов. Стало быть, наш культурный и духовный опыт жизнен лишь тогда, когда заряжен пронизывающими творческими смыслами. И потому ставка на культурный изоляционизм, на исключительную силу былых прецедентов сулит лишь саморазрушение. Равно как сулит его невнимание и неуважение к опытам прошлого. Таким образом, мір в трудах позднего Соловьева предстает как многосоставное, трансформационное и драматическое целое.

Далее, опыт отечественных ученых – популяционных генетиков, отчасти вдохновленных идеями В. И. Вернадского, – опыт, построенный на соотнесении естественнонаучных и социогуманитарных знаний (труды Н. В. Тимофеева-Ресовского [4], Ф. Г. Добжанского [5], В. П. Эфроимсона [6], Н. Н. Воронцова [7] и др.) учат нас более вдумчивому, нежели в прошлые эпохи, отношению ко взаимосвязи индивидуальных, групповых и универсальных измерений человеческой жизни, к ее долговременным эволюционным контекстам.

Далее, рискуя заслужить упреки в нескромности, всё же рискну сослаться на свои разработки в области глобалистики и культурологии. Мір непреложно был и остается (ныне это особо заметно!) міром духовно-культурных чересполосиц и диаспор; тем не менее, единство и преемственность судеб нашего міра во всей его, казалось бы, «броуновской» динамике – скрепляется силою институтов культуры и личного и осмысленного (о-смысленного!) человеческого подвижничества. А последнее, при всей статистической его пренебрежимости, на поверку оказывается мощным и неотъемлемым эволюционным фактором мысли и культуры, и самой истории как таковой [8–10]. Этот круг работ вскрывает множество очевидных, хотя подчас и малопонятных связей между политической экономией, культурологией и философской антропологией…

Так или иначе, традиция подавления, а подчас и агрессий государства против собственных подданных, по крайней мере, со времен Иоаннова царствования, стала одной из трагических универсалий нашей (нашей-с-вами!) истории [11].

Обычно разговоры на эту тему касаются, прежде всего, больших волн послеоктябрьских российских изгнаний. И, прежде всего, – судеб писателей, мыслителей, ученых, артистов:

от, скажем, Бунина, Рахманинова, Бердяева – до Бродского, Солженицына, Каспарова… Таким творческим людям, носителям российского «человеческого капитала», воистину, несть числа. Но всё это, в плане истории отечественной и глобальной, еще (простите!) полбеды. В той или иной мере, эти творческие люди, произвольно отторгнутые от Русской земли, еще сумели развить свои отпущенные Богом дары на глобальной шкале. Хотя, наряду с великими, Родина вынуждена была расстаться с миллионами куда менее именитых людей.

Хуже оказалась участь миллионов соотечественников, насильственно загнанных – говоря библейским языком – «в тень смертную». И среди этих миллионов такие имена, как Гумилев, Клюев, Бабель, философ Шпет, гениальный генетик и селекционер Николай Вавилов… И этим носителям российского «человеческого капитала» – опять-таки – несть числа.

А, уж, сколько миллионов такового «капитала» отобрало у нас гитлеровское нашествие – даже страшно подумать…

И снова возвращаюсь к идеям российских популяционных генетиков. Преднамеренные массовые насилия в истории знаменуют собой негативный отбор, некую, я бы сказал, «евгенику навыворот» в отношении национального и глобального «человеческого капитала». Гибнут прежде всего самые отважные, самые искренние, самые одаренные и красивые. Ибо все они по-особому открыты и беззащитны перед силами исторического произвола и гнёта, во многом оправдываемыми идеями и лозунгами казенной целесообразности и нигилизма. Последний же нередко оправдывается в терминах вульгарной «фольк-науки»: «класс», «раса», «нация», «культура», «идентичность» и т. д. [12].

И все эти соображения, думается, сполна относятся и к судьбам многих африканских народов, исторически ставших жертвами колониального и нынешнего государственного или архаически-племенного произвола: к судьбам народов гереро, ибо и тутси; к судьбам народов ЦАР и Мали; к судьбам жертв «Боко харам!»; жертв режимов солдафона Иди Амина, «императора» Бокассы, «марксистов» Менгисту и Мугабе… И, как в случае смыслов и структур нашей отечественной истории, речь идет не только о локальных уронах, но и уронах глобального, общечеловеческого порядка. Ибо «человеческий капитал» образуется не только уязвимым генофондом, но и еще более

уязвимыми процессами преемственности и трансляции человеческого опыта в истории, – опыта во всём богатстве его образов, интуиций и смыслов.

Ссылки:

1. Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века. Вып. 3. Историографическая революция. Томск: Изд. Томского ун-та, 2008. 504 с.

2. Ионов И. Н. Мировая история в глобальный век. М.: Аквилон / ИВИ РАН, 2015. 461 с.

3. Харари Ю. Homo Deus. Краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбад, 2019. 496 с.

4. Тимофеев-Ресовский Н. В. Истории, рассказанные им самим, с письмами, фотографиями, документами. М.: Согласие, 2000. 880 с.

5. Dobzhansky Th. G. Mankind Evolving. The Evolution of Human Species. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 1962. V, 400 p.

6. Эфроимсон В. П. Генетика гениальности. Биосоциальные механизмы и факторы наивысшей интеллектуальной активности. М.: Тайдекс Ко, 2002. 376 с.

7. Воронцов Н. Н. Войны, революции, застой: эволюционные последствия // Знамя. М. 1995. № 7. С. 175–181.

8. Рашковская К.А., Рашковский Е.Б. Институты культуры в общественной и духовной динамике нашего времени // Мировая экономика и международные отношения. М., 2021. Т. 65. № 1. С. 114–122.

9. Рашковский Б. Е., Рашковский Е. Б. Диаспоры в архитектонике меняющегося мира // Мировая экономика и международные отношения. М., 2018. Т. 62. № 11. С. 108–115.

10. Рашковский Е. Б. Бюрократия и интеллигенция: к пониманию внутренних противоречий современного общества // Мировая экономика и международные отношения. М., 2020. Т. 64. № 1. С. 120–135.

11. Акимов А. В. Цивилизационные аспекты демографических проблем России // Глерию Широкову: я хотел бы с тобой поговорить. М.: Академия гуманитарных исследований, 2006. С. 7–15.

12. Ravetz J. R. Scientific Knowledge and Its Social Problems. Oxford: Clarendon Press, 1974. XI, 499 p.

УДК 327

Г. М. Сидорова

В преддверии Второго саммита «Россия-Африка»: итоги трех лет взаимодействия

G. M. Sidorova

On the Threshold of the Second summit «Russia-Africa»: the results of the three-year cooperation

Ключевые слова: Африка, Россия, военно-техническое сотрудничество, саммит «Россия-Африка», африканские лидеры.

Keywords: Africa, Russia, Military and Technical cooperation, Russia-Africa summit, African Leaders.

Первый саммит «Россия-Африка», состоявшийся в октябре 2019 г. в Сочи, показал заинтересованность государств африканского континента в развитии отношений с Россией. Прошли годы идеологизированного настроя, настала эпоха партнерских отношений, геополитики и бизнеса. Расширяются рамки сотрудничества, закрепляются доверительные отношения к партнерам. В новых условиях роль развивающихся стран в мировой политике и экономике растет.

Сложная военно-политическая обстановка в мире, связанная с интернационализацией украинского кризиса и началом специализированной военной операции России, показала, что в полицентричном мире нет главных и второстепенных стран. Мир все больше напоминает сообщающийся сосуд. Если на одном конце планеты случается конфликт, то он обязательно в той или иной мере отразится на жизненно важных моментах в других государствах.

Так, спецпредставитель в ООН Линда Тома-Гринфильд справедливо отметила, что «война на Украине идет далеко за пределами Африки, но ее последствия хорошо ощущаются на континенте. Это и стоимость энергоресурсов, и затруднения с поставками продуктов питания. Африканские страны чувствуют себя захваченными в клещи из-за, казалось бы, далекого конфликта» [1].

В последнее время российско-африканские контакты заметно активизировались. Продвигается политический диалог,

© Сидорова Г. М., 2022

наращивается межпарламентское взаимодействие, осуществляются научные и гуманитарные обмены. Определенные успехи достигнуты в деле развития и диверсификации торгово-экономических связей.

Об оживлении контактов свидетельствуют встречи с представителями африканских государств как в Москве, так и за ее пределами. Так, в мае 2021 г. в Дипломатической академии МИД Российской Федерации состоялась конференция, прошедшая в рамках мероприятий по подготовке Второго саммита «Россия–Африка» (2022 г.) с целью обмена мнениями о путях развития сотрудничества между Россией и африканскими государствами, а также подготовки предложений по дальнейшему развитию отношений. Заместитель Министра иностранных дел М. Л. Богданов, который является одновременно специальным представителем Президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Африки, высказался о том, что конференция – это своевременное и полезное мероприятие, которое внесет свой весомый вклад в субстантивное наполнение предстоящего саммита. Он внес предложение о проведении подобного Собрания на постоянной основе, поскольку, по его мнению, площадка «Россия-Африка: строим будущее вместе» необходима для обсуждения многопланового сотрудничества с африканскими партнерами [2].

Альберт Мучанга, Комиссар Африканского союза по экономическому развитию, торговле, промышленности и добыче полезных ископаемых, в своем видеообращении подчеркнул, что «Россию и Африку связывают долгие годы сотрудничества, которое получило новый виток развития после проведенного впервые саммита Россия-Африка в Сочи в октябре 2019 года под руководством Владимира Путина» [2].

Успешно развиваются двусторонние связи в военно-технической сфере. В настоящий момент в ее рамках действуют соглашения более чем с 30 африканскими странами, по которым Россия поставляет в Африку широкую номенклатуру вооружений и военной техники на коммерческой и безвозмездной основе. Если ранее приоритетными были страны Магриба (например, Алжир, который до сих пор держит пальму первенства), то теперь активно подключаются центральноафриканские регионы: Центральноафриканская Республика и Демократическая Республика Конго (ДР Конго), Руанда, Бурунди.

После длительных переговоров, начиная с 1999 г., в 2018 г. в ДР Конго было ратифицировано соглашение о военно-техническом сотрудничестве с Россией [3]. Эта тематика особенно актуальна в таких странах как Ангола и Мозамбик, где началась модернизация и переоснащение вооружения в рамках реформы армии и полиции. Российское вооружение там хорошо знакомо, однако наблюдается дефицит военных инструкторов и руководящего состава армии. Нуждается в обновлении и старый парк советский техники, а для этого необходимо направление в эти страны соответствующих специалистов и, возможно, строительство новых ремонтных баз и снабжение их запчастями. В рамках договоренностей предполагается возможность продления поставок африканским странам вооружений и обучение офицерского состава [4].

Россией принято стратегически важное решение, касающееся Военно-морского флота и отражения угроз на морских направлениях. В Судане будет создан пункт базирования российских боевых кораблей. 16 ноября 2020 г. В. В. Путин как Верховный главнокомандующий ВС России подписал распоряжение, согласно которому принимается предложение правительства РФ от 11 ноября 2020 г. о подписании Соглашения о создании в Судане пункта материально-технического обеспечения (ПМТО) для кораблей ВМФ России. Согласно данному документу, Россия сможет одновременно держать в Судане до четырех кораблей, включая корабли с атомной энергоустановкой. Безопасность на территории ПМТО будут обеспечивать российские военные. Россия сможет использовать воздушное пространство Судана для доставки грузов в ПМТО. Максимальная численность гарнизона оставит 300 человек. В качестве помощи Судану Россия поставит средства ПВО. Срок соглашения о нашем присутствии в Судане – 25 лет с возможностью продления [5].

Западные страны озабочены возвращением России на африканский континент. Все больше появляется статей типа «Запад теряет темпы, а Россия стремится заполнить пустоту» [6]. Африку сегодня рассматривают не только как источник сырья, но и как расширяющийся рынок потребления. Прежде всего, это бывшие колониальные метрополии – Великобритания, Франция и Бельгия. Помимо них – США, КНР, Индия, Турция, государства Персидского залива, Япония, Республика Корея, Израиль, Бразилия. Есть и у США свои «виды» на Африку. Приоритеты новой администрации США в отношении со странами Черного континента были определены

в видеообращении Дж. Байдена к участникам саммита Африканского союза, состоявшегося 5–6 февраля 2021 г. в Аддис-Абебе. Это рост торговли и инвестиций, мир и безопасность, инвестирование в демократические институты и продвижение прав человека [7].

Готова ли Россия к конкуренции в Африке? Естественно, с таким многообразием партнеров и увеличением их интереса будет расти и конкуренция. По словам лидера России, мы учитываем эти реалии и делаем соответствующие выводы. И готовы не к «переделу» богатств континента, а к конкуренции за сотрудничество с Африкой. Главное, чтобы эта конкуренция была цивилизованной, развивалась в правовом русле: России есть что предложить африканским друзьям [8].

Ссылки:

1. Lwere Kato, R. Guerre en Ukraine : l'ambassadrice Thomas-Greenfield attend le soutien de l'Afrique 18 марта 2022. URL: https://fr.africanews.com/2022/03/17/guerre-en-ukraine-l-ambassadrice-thomas-greenfield-attend-le-soutien-de-l-afrique/ (accessed: 19.03.2022).

2. Сидорова Г. М. Африка выбирает Россию: военно-техническое сотрудничество // Вестник Дипломатической академии МИД РФ. 2021. № 1. С. 168–185.

3. Agence congolaise de presse, «Vote au Sénat du projet de loi portant ratification de la convention de coopération militaire entre la RDC et la Russie». Agence congolaise de presse, 13 juin 2018 (accessed: 14.01.2020).

4. Россия может обойти Китай в поставках вооружения на африканский континент. 18 октября 2018. Экономика сегодня. URL: https://rueconomics.ru/356195-rossiya-mozhet-oboiti-kitai-v-postavkakh-vooruzheniya-na-afrikanskii-kontinent (дата обращения: 18.03.2022).

5. Тимохин А. Безопасность России будет обеспечивать Африка 17 ноября 2020 // Взгляд. Деловая газета. URL: https://m.vz.ru/society/2020/11/17/1070914.html (дата обращения: 13.01.2020).

6. Manirakiza E. Les Occidentaux en perte de vitesse, la Russie tente de combler le vide en Afrique 19.02.2022 // URL: https://www.voaafrique.com/a/les-occidentaux-en-perte-de-vitesse-la-russie-tente-de-combler-le-vide-en-afrique/6449441.html (accessed: 15.03.2022).

7. Андреев А.В. Африканский дебют президента Дж. Байдена // Проблемы национальной стратегии 2021. № 3. С. 102–122.

8. Владимир Путин: Россия готова к конкуренции за сотрудничество с Африкой 21.10.2019 // Путин сегодня. URL: https://www.putin-today.ru/archives/89391 (дата обращения: 13.01.2020).

УДК 93

И. В. Следзевский

Постколониальность в мировом цивилизационном транзите современности

I. V. Sledzevsky

Postcoloniality in the World Civilizational Transit of Modernity

Ключевые слова: постколониальность, цивилизационный подход, мировой цивиизационный транзит.

Keywords: postcoloniality, civilizational approach, world civilizational transit.

В научно-академическом сообществе принято рассматривать идейную парадигму постколониальности как основание критического изучения колониализма и деколонизации в широком наборе сопутствующих им процессов, явлений, форм идентификации человека и культуры. Однако идейные устремления постколониальности выходят далеко за рамки критики и деконструкции импортированных в колонии западных ценностей и форм социально-политического и экономического развития. Присущее идее постколониальности противостояние европоцентристским представлениям о культурно-историческом превосходстве и особом (доминирующем) статусе европейской цивилизации в мировой истории выливается в недоверие и к сложившимся в европейской культуре Нового времени принципам научного исторического познания, в сведение их к определенным социокультурным доминантам, особому типу реализации властных установок – «власти- знанию», в определении французского философа М. Фуко: особому знанию о людях включенному в существование и воспроизводство властных структур [1, с. 174]. В этом плане интеллектуальные амбиции постколониального видения истории аналогичны эпистемологическим претензиям постмодернизма на радикальное изменение принципов и правил исторического познания: признание существования исторической реальности только в дискурсивных практиках, уподобление этим практикам исторического познания в целом; отрицание стремления научного знания к объективной или общезначимой истине; разрушение представлявшейся еще недавно аксиоматичной, незыблемой грани между историей и литературой и т. д.

© Следзевский И. В., 2022

Однако, выражая чувства субалтернов, жажду компенсации потерянной ими культурно-исторической самости, постколониальная критика бросает вызов и постмодернизму как культурной практике и самосознанию постсовременного Запада – идея перемещения центра или ядра современной истории из Европы на ее постколониальную периферию («провинциализация Европы», по выражению индийского историка Д. Чакрабарти [2]). С этих позиций актуальное научное и международно-политическое значение приобретает анализ вызовов постколониального сознания одному из главных направлений макроистории (получившему быстрое развитие и исследовательское значение именно в западно-европейской культуре XVIII–XX вв.) – цивилизационному подходу.

При всех различиях в трактовках понятия «цивилизация», сложившийся в XX в. цивилизационный подход характеризуется обостренным сознанием значимости социокультурной интеграции общества, изменений и преемственности, принципов устройства общества в режиме «долгого времени» [3, с. 128] Существование цивилизаций связывается с сохранением ими определенных культурно-исторических рамок, в которых можно выявить их собственное содержание, отличное от содержание других цивилизаций. Постколониальная мысль отрицает эти рамки, фокусируя внимание на явлениях и процессах инаковости, гибридности, субъективности макроисторических моделей [4, с. 259–260]. Само понятие «цивилизация» связывается с мифологемой «цивилизаторской миссии» Запада и представляется в качестве основы колониального европоцентристского дискурса. Аналогичным образом именно этому дискурсу приписывается понятие «дикарь/варвар».

Развитие цивилизационного подхода в значительной степени происходило и происходит на основе культурной компаративистики, включающей в себя результаты длительного знакомства Европы с достижениями не-западных культур и обществ. Но компаративистские исследования невозможны без выявления исторических универсалий – универсальных исторических принципов, раскрывающих единство и многообразие человеческого бытия. Большое и во многом определяющее значение для утверждения цивилизационного подхода к макроистории имели философская разработка универсальных принципов переходного «осевого времени» и создание неиерархической сравнительной истории локальных цивилизаций. Однако постколониальная критика подвергает

радикальной деконструкции универсальные принципы культурной компаративистики, сводя ее значение к сопоставлению «высокой западной теории» и подлинной не-западной реальности (одна из ключевых установок постколониальных исследований).

Вызовы постколониальной критики принципам цивилизационного подхода достигают сегодня такого уровня эпистемологической напряженности, который цивилизационная мысль уже не может игнорировать, опираясь исключительно на нормативные целостные образы мировых и локальных цивилизаций. Напряженность вызовам придает как лингвистический поворот в историческом познании (интерпретация исторических знаний как речевых и литературных феноменов), так и глобальный сдвиг в развитии межкультурных контактов и взаимовлияний (межкультурных трансферов). Связи поверх культурных барьеров и политических границ дают толчок подходу «перекрестной истории».

Отвергая рассмотрение единиц исторического или культурологического исследования исключительно с позиций норм и идеалов одной культуры/цивилизации без внешней точки референции, подход перекрестной истории усматривает в подобном позиционировании цивилизаций стремление к когнитивному доминированию, а в самих целостных образах цивилизаций инструмент познавательного и глобального культурно-политического гегемонизма. Это не только размывает цивилизационный подход, но и переводит его в разряд межкультурных, постпарадигмальных, проблематичных в своей научной основе идей, что и соответствует постулатам постколониальной критики. Как пишет И. Н. Ионов, «…Негативные ощущения направляются на само представление о цивилизации, размывая местную форму цивилизационного самосознания и определяя различные формы его деконструкции» [5, с. 69].

Современная цивилизационная мысль ищет и находит ответы на вызовы постколониальной критики и перекрестной истории. Ответы не укладываются в единую и чисто научную модель исторического знания, по сути своей, они представляют альтернативные стратегии (цели, проекты) цивилизационного переустройства миропорядка, цивилизационного транзита современности. Первая – стратегия возрождения и подъема («индигенизации») не-западных цивилизаций – адаптирует постколониальную критику к задачам культурной независимости от Запада и мировой экспансии не-западных ценностей. Вторая – стратегия обновления и возрождения Запада на почве

противостояния тренду мультикультурности западных стран – выдвигает на первый план задачу сохранения и защиты уникальных ценностей европейской цивилизации перед лицом постколониального возрождения не-западных культур и глобальных миграционных потоков. Третья – стратегия межцивилизационного диалога – устанавливает взаимосвязь «локализма» и «глобализма», постколониальной критики («субалтерных исследований») и преодоления форм негативной цивилизационной идентичности.

В качестве стратегии мирового цивилизационного транзита принцип диалога цивилизаций поднимает проблему роли цивилизаций как альтернативных проектов мироустройства и, соответственно, их субъектности в международных и глобальных отношениях. Так, известный российский исследователь-исламовед В. В. Наумкин отмечает «тенденцию обозначать исламский мир как единый, коллективный субъект международных отношений», под которым понимается либо исламский мир в целом, либо совокупность составляющих его исламских государств и их транснациональных объединений, либо ислам «как религия, как “цивилизация”» [6, с. 439–441].

В рамках цивилизационного дискурса мировой политики и глобальных отношений рождается особое понимание нового мироустройства как полисистемного, многополярного, культурно гетерогенного и альтернативного по векторам своего развития глобального целого – «*мира миров*».

Цивилизационные представления приобретают многомерный, мультиперспективный характер, первостепенную роль в этом процессе играет идейное течение постколониальности.

Ссылки:

1. Бокарева О. Б. Концепция власти и понятие «Власть-знание» в философии Мишеля Фуко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 1. С. 172–175.

2. Chakrabarty D. Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2000. 301 p.

3. Ионов И. Н. Теория цивилизаций и эволюция научного знания // Общественные науки и современность. 1997. № 6. С.118–135.

4. Ионов И. Н. Постколониальная критика и трансформация цивилизационных представлений // Диалог со временем. 2010. Вып. 30. С. 257–274.

5. Ионов И. Н. Идеал цивилизации, его эмоциональная окрашенность и перекрестная история // Цивилизации / Ин-т всеобщ. истории РАН. Вып. 9: Цивилизация как идея и как исследовательская практика. М.: Наука, 2014. С. 58–83.

6. Современная мировая политика. Прикладной анализ. М.: Аспект Пресс, 2009. 592 с.

УДК 94(671.1) + 821.111

Е. В. Спиридонова

Британский Камерун в книгах Джеральда Даррелла*

E. V. Spiridonova

British Cameroons in the books of Gerald Durrell

Ключевые слова: Джеральд Даррелл, Камерун, Бафут, Ахиримби II.
Keywords: Gerald Durrell, British Cameroons, Bafut, Ahirimbi II.

Имя Джеральда Даррелла, британского натуралиста, писателя, путешественника, основателя зоопарка на о. Джерси, хорошо известно в России. Его книги были переведены на русский язык еще в советские времена, да и сам он побывал в СССР в 1984 г., объехав все крупнейшие заповедники страны.

Джеральд Даррелл родился в 1925 г. в Индии в семье инженера-строителя Лоуренса Даррелла. Он был младшим четвертым ребенком в семье. После смерти отца в 1928 г. вся семья перебралась в Лондон, а спустя 7 лет – на греческий о. Корфу. В отличие от старших братьев Джеральд не получил систематического образования, его обучением на Корфу занимались частные репетиторы из числа эксцентричных друзей его брата Лоуренса. Несмотря на огромное количество прочитанных книг, Даррелл писал с ошибками и имел весьма смутное представление о точных науках.

Вернувшись в 1940 г. в Англию, Даррелл работал зоомагазине, на ферме, в зоопарке Уипснейд. Его мечтой было участие в зоологической экспедиции, но отсутствие образования и опыта мешали. В итоге, в двадцать один год, получив причитавшееся ему наследство в 3 тыс. фунтов, он организовал экспедицию сам.

* Работа выполнена при поддержке проекта ЯрГУ VIP-018.

© Спиридонова Е. В., 2022

Именно Африка была первым регионом, куда Даррелл, вместе с орнитологом Джоном Йоландом, отправился в 1947 г. с целью отлова диких животных для британских зоопарков. Их выбор пал на Британский Камерун – мандатную территорию Великобритании, располагавшуюся между Нигерией и Камеруном. 22-летний Джеральд влюбился в его дикую красоту, он писал матери: «Эта страна великолепна. Мы с Джоном буквально захлебываемся от восторга при виде птиц и цветов» [1, с. 132].

В книге «Перегруженный ковчег» («The Overloaded Ark»), вышедшей в свет в 1953 г. и описывающей экспедицию, Даррелл пишет о местных жителях с неизменным уважением, хотя и не без юмора. А, вот, в дневниках и письмах того периода скорее можно увидеть описание поведения типичного британского колонизатора. Джеральд писал матери: «Мы живем здесь как настоящие аристократы <…> Я сижу за столом, возле меня стоит стакан пива, а Пайос, наш стюард, почтительно стоит за моим стулом, готовый в любой момент наполнить опустевший сосуд и подать мне новую сигару». Даррелл вполне мог себе позволить себе накричать на африканца, если тот вел себя недостаточно почтительно [1, с. 139–140].

Примечательно, что в дневниках Даррелл описывает свои охотничьи успехи, не стесняясь хвастаться трофеями. Например, описывает, как радовалось местное население, когда он подстрелили черного ястреба: «Моими усилиями репутация Белого Человека не только не пострадала, но и серьезно укрепилась» [1, с. 138]. Позднее он полностью откажется от охоты на диких зверей и в книги эти эпизоды не попадут.

Первая экспедиция закончилась успешно, много денег Даррелл не заработал, но и финансовых потерь не было. И спустя всего год, в 1949 г., он опять отправился в Британский Камерун. Эта экспедиция была позднее описана в книге «Гончие Бафута» («The Bafut Beagles»), опубликованной в 1954 г.

Третья экспедиция в Западную Африку состоялась только в 1957 г., и она сильно отличалась от двух первых. Даррелл на тот момент уже известный писатель, он едет ловить животных для собственного зоопарка и снимать документальный фильм по мотивам своей прошлой экспедиции. Его сопровождают жена, секретарша, помощник и корреспондент газеты «Life». По итогам поездки был снят 4-х серийный документальный фильм «В Бафут

с Гончими» («To Bafut With Beagles») и написана книга «Зоопарк в моем багаже» (A Zoo in My Luggage), вышедшая в 1960 г.

В своих книгах Даррелл посмеивается над стереотипами. Например, когда Джеральд еще в первую поездку, отправился в Эшоби, Джон обещал ему, что тот будет съеден своими носильщиками, как только они войдут в лес [2, с. 14]. Камерунцы смеются над словами Даррелла о том, что ему нравится лес, полагая, что для белого человека это невозможно [2, с. 25]. И верят, что «если черный человек входит в воду один, хищные звери, например змеи, чувствуют его, подкрадываются и кусают. Но если черный входит в воду с белым человеком, звери чувствуют это и не подходят близко» [2, с. 55].

Одной из проблем, с которой столкнулся Джеральд, была вера охотников в страшную опасность некоторых вполне безобидных животных. Он пытался убедить их своим примером, что ящерицы не ядовиты, но африканцы были уверены, что они безопасны только для белых, а чернокожие умрут, даже если просто прикоснуться к ним. Даже слова Даррелла об имеющемся у него особом «лекарстве» подействовали на местных жителей только после того, как их правитель, воспользовавшись снадобьем (Даррелл выдал за него борную кислоту), взял в руки ящерицу и остался жив [2, с. 268–269].

Приходилось ему сталкиваться и с местными верованиями. Даррелл отмечал, что для африканцев злые духи ю-ю являются вполне реальной угрозой, и они убеждены в их безграничном могуществе настолько, что действительно могут заболеть и умереть [2, с. 140].

Упоминал Даррелл и о страхе местных жителей перед фотографированием, которое они расценивали как возможность украсть часть души человека и получить над ним власть [2, с. 186].

Книги Даррелла полны описаний местного быта. Он, например, описывал пестрые африканский базары, где «можно было увидеть людей народности хауса в ослепительно белых одеяниях и маленьких белых шапочках; местных вождей в многоцветных одеждах и богато расшитых шапках с кисточками; были тут и полудикие жители отдаленных горных селений – на этих не было ничего, кроме набедренных повязок из грязной кожи; зубы у них заострены, на лицах татуировка…» [2, с. 183].

В своих дневниках он упоминал об ужасающей бедности и болезнях местного населения: «Вокруг меня собралось все

население деревни, демонстрируя симптомы всех известных науке болезней – от фрамбезии до проказы. Даже маленькие дети с ног до головы были покрыты огромными язвами…» [1, с. 143].

Когда Дарреллу, во время неудачной охоты, пришлось застрелить гиппопотама, его туша досталась местным жителям: «Они дрались, толкались, кричали и рычали. Одна старуха тащила ребро, которое было больше ее самой, а за ней неслись голодные старики и пытались отнять ее добычу…» [1, с.143]. В книги подобные эпизоды не попали.

Даррелл щедро расплачивался за пойманную добычу и недаром, когда он уезжал из Эшоби, местный вождь устроил в честь него праздник и, в торжественной речи произнес: «Никогда еще в истории Эшоби не встречали мы такого человека <…> деньги текли из его рук так же легко, как воды в руслах ручьев и рек» [2, с. 102].

Джеральд не забывает упомянуть о вежливости местных жителей. Например, он описывал случай, когда пришедшие с охотничьей добычей жители два часа на солнцепеке в полной тишине ждали, пока он проснется [2, с. 247]. Куда больше проблем доставляла местная администрация: «Чтобы общаться с этими людьми, требовались гораздо большее терпение и ловкость, чем при общении с животными» [1, с. 270].

Одним из самых примечательных знакомств Даррелла стала дружба с фоном Бафута, исторической области к северу от Баменды, Ахиримби II. Правда, в книгах, Джеральд ни разу не называл его по имени, ограничиваясь лишь титулом. По словам одного из местных британских чиновников, фон Бафута «в этом краю нечто вроде римского императора <…> Этот тамошний фон – премилый старый мошенник, и вернейший путь к его сердцу – доказать, что вы можете выпить не меньше его самого. У него там прекрасная большая вилла, он построил ее нарочно на тот случай, если к нему явятся гости-европейцы» [2, с. 180].

При первой встрече фон Бафута произвел на Даррелла сильное впечатление: «Посреди этой группы шагал высокий стройный человек с живым улыбчивым лицом. На нем была простая белая одежда и шапочка без всяких украшений, и все же, несмотря на это, я тотчас понял, что в этой яркой толпе он самый главный – так величава была его осанка <…> Я знал, что он сказочно богат и правит своим королевством толково и умно, хоть и несколько деспотично» [2, с. 188].

Впоследствии Джеральд провел немало вечеров в компании фона, который говорил на ломаном английском, был в состоянии поглощать спиртное в неограниченном количестве, имел несколько десятков жен и детей. Для ловли животных он выделили Дарреллу четверых охотников, которых тот окрестил «Гончими Бафута», чем они очень гордились. По словам Даррелла, фон жаловался ему на тяжелую жизнь в окружении множества жен, которые «ему голову морочат», сложности управления Бафутом: «когда много люди – много забота», и особенно на британскую администрацию: «Бывает, я иметь хлопоты с полицейский чиновник, вот тогда я совсем-совсем много уставать» [2, с. 214].

Джеральд и Ахиримби II провели много вечеров, выпивая, беседуя, слушая музыку и танцуя. Во время одной из вечеринок фон даже предложил Дарреллу жениться на его дочери, и тому с большим трудом удалось отбиться от предложения, не обидев гостеприимного хозяина [2, с. 232].

Однажды фон пообещал Джеральду показать интересную добычу. Он снял роскошные одежды и, оставшись в одной набедренной повязке, повел его вглубь леса. Даррелл отметил, что в отличие от остальных охотников, для которых охота – повседневное, порой скучное занятие, фон Бафута искренне рад был освободиться, пусть на время, от обязанностей правителя: «наверно, уже не раз монарху надоедали его почтительные советники и подобострастные подданные, в пышном одеянии ему вдруг становилось жарко и тяжело, и он чувствовал, что его остроносые туфли безжалостно жмут и стесняют ногу. И тогда <…> он тайком уходил в маленькую хижинку, облачался в костюм охотника и отправлялся в горы, помахивая копьем и напевая песенку, а на вершинах останавливался – и стоял, и любовался прекрасной страной, которой он управляет» [2, с. 256].

Во время третьей поездки в Бафут Даррелл опасался, что тот образ фона Бафута, который он создал на страницах книги, мог ему не понравиться. Однако все опасения оказались напрасными, книга фону пришлась по вкусу: «Эта книга, которую ты написал... она мне здорово понравилась... ты прославил мое имя на весь мир... это здорово. Много народу приезжает сюда в Бафут, самые разные люди, и все показывают мне твою книгу, в которой стоит мое имя. <…> Когда я ездил в Нигерию <…>, там у всех европейцев была твоя книга. Очень много людей просили меня написать имя на твоей книге» [3, с. 47].

Ахиримби II был известен своими пробританскими настроениями. В его резиденции над «троном» висели портреты Елизаветы II и Георга VI. В Лагосе он лично встречался с королевой и преподнес ей в дар от всего народа Бафута резной бивень слона [4, p. 53]. Когда Джеки, жена Даррелла, поинтересовалась его впечатлениями о королеве, он отзывался о ней в высшей степени положительно: «Замечательная женщина. Совсем-совсем маленькая, вроде тебя. Но сильная, сразу видно. Это очень сильная женщина». А вот Нигерия ему не понравилась: «Слишком жарко. Солнце, солнце, солнце, я обливался потом. А эта королева, она сильная... идет и хоть бы что, совсем не потеет. Замечательная женщина» [3, с. 47]. Возможно, эта поездка впоследствии повлияла на его выбор и Бафут в 1961 г. присоединился к Камеруну, а не Нигерии.

Книги Даррелла полны мелких зарисовок быта бафутцев. Например, услышав поздно вечером пение детей фона, он спросил у слуги, почему они поют, и получил такой ответ: «Когда фона нет дома, сэр, каждый вечер дети должны петь у него во дворе, чтобы в усадьбе фона было тепло» [3, с. 73].

Когда Джеральд уезжал из Бафута, фон подарил ему свою парадную одежду: «Эта одежда моя собственная. Я отдал ее тебе, и ты теперь человек из Бафута <…> Теперь ты будешь фоном, как и я» [3, с. 109].

Это была их последняя встреча и последнее путешествие Джеральда Даррелла в Западную Африку: «В Камеруне я побывал в соборе, уходящем высоко в небо, так что было невозможно разглядеть фрески на потолке. Таким собором был для меня тропический лес» [1, с. 146].

Ссылки:

1. Боттинг Д. Джеральд Даррелл. Путешествие в Эдвенчер. М.: ЭКСМО-пресс, 2002. 640 с.

2. Даррелл Дж. Перегруженный ковчег. Гончие Бафута / пер. с англ. И. Левшина. Саратов: Курсив, 1994. 344 с.

3. Даррелл Дж. Зоопарк в моем багаже. Поместье-зверинец. / пер. с англ. Л. Л. Жданова. М.: Мысль, 1978. 246 с.

4. Ritzenthaler P. The Fon of Bafut. The Life of Achirimbi, who wears horn-rimmed glasses, rides in a royal Land Rover, and led Spear carring Bafut into Modern African Life. Crowell; 1st Printing edition (January 1, 1966). 221 p.

УДК: 94+821.4

Ю. Г. Суетина

Женская литература на хауса в постколониальной Нигерии

Y. G. Suetina

Women's Literature in Postcolonial Nigeria

Ключевые слова: литература, женщины-писательницы, Нигерия, постколониальный период.

Keywords: literature, women-writers, Nigeria, postcolonial period.

Современная литература в Нигерии на латинской графике начала развиваться в 30-х гг. XX века, когда по инициативе английского колониального чиновника Р. Иста был проведен конкурс литературных произведений на хауса. Повести, завоевавшие на этом конкурсе призовые места {«Живая вода» Абубакара Имама ("Ruwan bagaja" Abubakar Imam), «Гандоки» Белло Кагара ("Gandoki" Bello Kagara), «Шейх Умар Тафава Балева ("Shehu Umar" Tafawa Balewa)}, до сих пор являются любимыми произведениями читателей Северной Нигерии. В конкурсе принимали участие только мужчины: женщины практически не имели возможность получить европейское образование (т. н. ilmin book). В течение длительного времени литературным творчеством у хауса занимались только мужчины.

Первая женщина-писатель Хафсату Абдульвахид появилась в 1970 г., когда была опубликована ее повесть «Любовь – рай земной» ("So aljannar duniya") [1], занявшее второе место на литературном конкурсе, проводимым North Nigeria Publishing Company. История завоевала популярность у читателей хауса, неоднократно переиздавалась и была переведена на языки фула и арабский. Повесть относится к любимому у хауса жанру «любовных историй» (labarum soyayya), хотя английские исследователи относят ее к жанру fiction, видимо из-за включенных в канву повествования многочисленных фантастических мотивов, заимствованных из арабского фольклора.

Героями повести являются девушка по имени Бодадо и юноша Ясир. Бодадо принадлежит к народу фула, как и сама Хафсату Абдульвахид, а Ясир – араб. Идея сделать героями повести

© Суетина Ю. Г., 2022

представителей разных народов пришла писательнице после того, как ее старшая сестра вышла замуж за араба из Ливана и различия в культурах вызвали серьезные трения в их семье.

В повести все иначе: на собрании членов клана, когда глава клана, он же отец Бодадо, спрашивает у присутствующих юношей-фула, кто из них хочет жениться на Бодадо, все отказываются, зная о любви Бодадо и Ясира. Мать Ясира относится к Бодадо как к своей родной дочери и делает племяннице строгий выговор, когда та презрительно называет Бодадо «торговкой молоком» (mai tallar nono).

Сама Бодадо предстает перед нами вполне современной девушкой. Она получила образование и успешно работает. Она любит Ясира и отстаивает свое право на счастье вместе с любимым человеком. На замечание тети, что не стоит отдавать девочек учиться, Бодадо возражает: «Если бы я не училась, то теперь торговала бы молоком. Целый день я ходила бы по улицам, голодная, уставшая, не имея другой одежды, кроме старого зане[1]» [1, с. 6]. Бодадо указывает, что на деньги, которые зарабатывает она и ее брат, родственники могут совершать хадж в Мекку. И она открыто заявляет о своем желании выйти замуж за юношу, который не принадлежит к ее народу: «А я говорю вам, что выйду замуж только за Ясира!» [1, с. 3].

Вторую половину повести занимает борьба молодых супругов за свое счастье. Тут и происки злой женщины-джина, влюбленной в Ясира, и ревность двоюродной сестры Ясира, и старинное проклятие, лежащее на семье Ясира. Фантастические мотивы, широко распространенные в арабском фольклоре и заимствованные из него литературой хауса, дали повод западным исследователям относить повесть «Любовь – рай земной» к жанру фэнтези.

После множества перипетий, влюбленные обретают счастье, ибо литература хауса не допускает другого конца, кроме хэппи энда.

Вся литература хауса, не только женская, носила первоначально развлекательный характер. Острые социальные проблемы поднимаются крайне редко. В нынешнем столетии ситуация изменилась. В произведениях женской литературы в первую очередь затрагиваются вопросы, касающиеся необходимости получения женщинами образования и их положение в семье. Примером может

[1] Зане – кусок ткани, который женщины оборачивают подмышками вокруг тела.

служить роман писательницы Рахмы Альмаджид «Женщина тоже человек» (“Mace mutum” Rahma Al- Majeed) [2]. Она родилась в 1980 г. в семье араба из Судана и женщины фульбе из штата Адамауа. Ее детство прошло в пригороде Лагоса, где распространен язык йоруба. В интервью журналу «Писательница (Marubuciya)» писательница сказала, что она выучила хауса позднее, когда ее семья переехала на север Нигерии, где находится ареал распространения хауса [3, с. 12]. И хотя Рахма Аль-Маджид владеет арабским, английским и отчасти йоруба, все ее произведения созданы на хауса. В более позднем интервью она сказала, что считает себя хауса.

Героиня романа – сначала девочка, затем девушка и молодая женщина. Мы знакомимся с ней, когда она, сотрудница журнала «Голос женщин», навещает девочку Сауде и рассказывает ей историю своей жизни. Родилась в далекой деревне, жители которой занимались земледелием. С раннего утра мужчины уходили на работу в поле, а женщины, помимо забот по дому, помогали отцам и мужьям в полевых работах. Работать им приходилось с 5 утра до 10 вечера. Ни школы, ни медицинского пункта в деревне не было. Иногда в деревню приходили маламы[2]. Они обучали мальчиков Корану. Однажды в деревне появилась женщина, которая взялась обучать девочек. Но обучение продолжалось недолго. Отцы девочек считали, что женщинам не нужна грамота; главное – выйти замуж.

Девочек выдавали замуж, начиная с 12 лет. Ранняя беременность, отсутствие медицинской помощи часто приводили к смерти роженицы и младенца. Такая судьба постигла и старшую сестру героини Лами. Она не смогли найти себе мужа в деревне, и отец выдал ее за приезжего малама, заключив так называемый «брак-милостыня» (auren sadaka)[3]. Вместе с Лами героиня переезжает в другой населенный пункт в дом малама, у которого уже есть три жены.

В семье у женщины практически нет прав, если судить по рассказу героини романа. Так, младшую сестру ее отца муж выгнал только за то, что из-за нехватки дров она не успела вовремя приготовить ужин. Приданое одной из жен малам забрал, якобы для того, чтобы поместить ее сына в школу. На самом деле – для того, чтобы заплатить выкуп еще за одну жену.

---

[2] Малам – ученый человек, знаток Корана.

[3] Auren sadaka – брак-милостыня, один из видов брака в традиционном обществе хауса, когда девушку выдают замуж, как правило, за малама, без уплаты последним выкупа за невесту.

В городе положение женщин мало чем отличается. В Абудже, куда героиня переезжает после замужества, одна из ее подруг рассказывает, что, когда она тяжело заболела и были нужны деньги на лечение, муж отказался платить, так как ему были нужны новые шины. Мужья не позволяют своим женам, получившим образование, работать: это, по их мнению, негативно сказывается на мужской репутации.

В деревне жители страдают от различных болезней, не получая врачебной помощи. Однажды в деревню приезжает женщина по имени Зубайду, которая собирает женщин деревни и рассказывает им о правильном питании во время беременности и дает советы, как надо заботиться о детях, чтобы те росли здоровыми. Но мужья и отцы не позволяют женщинам слушать Зубайду, говоря, что судьба человека находится в руках Аллаха. Во время родов умирает одна из жен малама, так как муж не позволяет отвезти ее в больницу. Лами, старшая сестра героини, боится предстоящих родов и все время повторяет девочке: «Беги, беги».

Незадолго до родов Лами девочку отвозят домой к ее семье. Узнав, что Лами умерла, а ее хотят отдать в жены все тому же маламу, у которого уже умерли две жены, героиня убегает из дому. Ее находит Зубайду и забирает с собой в город. Героиня растет в доме Зубайду, учится в школе и выходит замуж по любви. Но брак по любви не является гарантией счастья. Муж не обращает на нее никакого внимания, часто не ночует дома, у него есть другие женщины. Лишь когда в дом приходят его друзья, он был внимателен к ней и ласков.

Автор сознательно сгущает краски в романе, описывая судьбы женщин в деревне и городе. Сама Хафсату Абдульвахид тепло отзывается о своем муже. Их дочь Билкису окончила университет и является успешной журналисткой. Рахма Аль-маджид, помимо образования, полученного в Нигерии, окончила каирский университет Аль-Азхар.

В финале романа героиня и другие женщины активно участвуют в общественной и политической жизни, являются доверенными лицами губернатора штата и кандидата в президенты Нигерии. Литература хауса требует хэппи энда.

Прием, использованный Рахмой Альмаджид – рассказ о событиях, описываемых в романе, одним человеком другому – характер для хаусанской литературе. Его использовал Абубакар Имам в «Живой воде» и Тафава Болева в «Шейхи Умар».

Женская литература все более набирает популярность в Нигерии, о чем свидетельствуют литературные конкурсы, регулярно проводимые редакцией хауса БиБиСи. Вместе с тем издание книг сопряжено с большими трудностями, в первую очередь финансовыми. Так, Хафсату Аджульвахид написала около 30 повестей, хотя издать удалось только три.

Ссылки:

1. Hafssatu Abdulwaheed *So aljannar duniya.* Norla: Zaria, 1980. 54 p.
2. Rahma Al-Majid *Mace mutum.* Kano: Gidan Dabino Publishers, 2006. 520 p.
3. Marubuciya. Kano: Mashi Publishers, 2001. 70 p.

УДК 930.85

А. А. Токарев

Языковая доминанта в сотрудничестве португалоязычных государств в области культуры

A. A. Tokarev

Linguistic Dominance in the Cooperation of Portuguese-speaking States in the Field of culture

Ключевые слова: Сообщество португалоязычных стран, СПЛП, португальский язык, Международный институт португальского языка.

Keywords: Community of Portuguese-speaking Countries, CPLP, Portuguese, International Portuguese Language Institute Africa, IILP.

При создании Сообщества португалоязычных стран (СПЛП)[1], его участниками подчеркивалось, что главным и, возможно, единственным объединителем этих стран и территорий может стать только португальский язык. Поскольку союз, основанный на географическом положении, политическом режиме, религии обязывает к определённому подчинению и носит временный характер, в то время как употребление общего языка – явление постоянное (или довольно длительное), ни к чему не обязывает, но позволяет решать много вопросов [1, с. 5].

[1] Comunidade dos Países de Língua Portuguesa (CPLP).

© Токарев А. А., 2022

Такой критерий в выборе языка в качестве объединителя оказался убедительным. Стало очевидно, что наличие официального языка не представляет угрозу для местных языков, как и местных языков – для официального. Напротив, возникла возможность общения для всех участников, в том числе, с внешним миром.

В Декларации, учреждавшей СПЛП, закреплялись направления первостепенной важности: решимость участников укреплять национальную и многонациональную реальность, придающую собственную идентичность португалоязычным странам, отражая особую связь между ними и накопленный многолетний полезный опыт сотрудничества; утверждение организации, объединенной общим языком, на международной арене; подтверждение обязательств участников развивать экономическое и социальное сотрудничество и в области социальных отношений, особое внимание уделяя продвижению португальского языка [2, с. 2].

Приоритетное место в Декларации заняло положение о португальском языке, его значению и важности в документе отведен 21 пункт. Согласно Декларации, португальский язык является для народов стран СПЛП историческим скрепом, общим наследием многовекового сосуществования, универсальным привилегированным средством распространения культуры португалоязычных народов и их культурных ценностей в мире; превращение португальского языка в рабочий язык международных организаций; создание условий для облегчения перемещения граждан стран-членов внутри пространства СПЛП; поставлена задача возродить деятельность Международного института португальского языка (ИИЛП). Предусмотрено расширение культурного обмена среди стран СПЛП, налаживание работ по изучению и распространению национальных языков [2, с. 8].

Одной из главных целей Сообщества определена консолидация национальной и многонациональной культурной идентичности португалоговорящих стран.

В 2002 г. на VI очередном заседании Совета министров стран СПЛП в Сан-Томе были намечены направления проведения языковой политики. Среди главных его решений – создание Международного института португальского языка (ИИЛП)[2]. Одна

[2] «O Instituto Internacional da Língua Portuguesa».

из задач, стоящих перед ИИЛП и закрепленных Уставом СПЛП, – реализация проектов по продвижению и распространению португальского языка [3]; среди них приоритетная цель – добиться принятия португальского языка в качестве рабочего во всех международных организациях, включая область науки [4].

В 2005 г. на совещании в Луанде страны-члены Сообщества постановили считать 5 мая международным Днем португальского языка и культуры в СПЛП. Активная деятельность СПЛП по пропаганде и продвижению португальского языка и культуры народов португалоязычных стран увенчалась большим успехом: 5 мая 2018 г. День португальского языка и культуры в СПЛП был проведен в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке. В 2020 г. ЮНЕСКО официально утвердило 5 мая как Всемирный день португальского языка [5].

В течение многих лет страны СПЛП вели работу по признанию португальского языка в качестве официального языка ООН (наравне с английским, арабским, испанским, китайским, русским, французским). С избранием Генеральным секретарем ООН португальского политика А. Гутерриша усилия умножились[3]. В октябре 2016 г. СПЛП подала заявку на признание португальского языка в качестве официального языка ООН. А. Гутерриш, который к тому времени еще не был избран на пост Генерального секретаря, поддержал предложение, оговорив при этом, что такой вопрос не в компетенции Генерального секретаря [6]. Тем не менее, 5 ноября 2018 г. Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш был награжден премией имени Ж. Апаресиду де Оливейра «за вклад в продвижение португальского языка» [7].

Языковая политика стран СПЛП сталкивается с проблемами лингвистического порядка, которые, однако, способны приобрести политическое содержание. Одна из таких проблем – Соглашение по орфографии[4]. Расхождения в произношении ряда звуков и буквосочетаний привело к появлению мнения о необходимости проведения орфографической реформы и издания новых орфографических словарей с новыми правилами правописания. Однако такая точка зрения вызвала серьезные разногласия как

[3] А. Гутерриш был одним из сторонников создания СПЛП, и 17 июля 1996 г. в качестве главы правительства Португалии присутствовал при подписании документа, учреждавшего СПЛП.

[4] Acordo Ortográfico.

в среде ученых стран СПЛП, так и среди политических кругов лузофонных стран.

Наиболее жестко отреагировали в Анголе, заявив, что Соглашение не будет в стране одобрено «ни на каком правительственном уровне» [8]. По мнению ангольской стороны, оно «содержит изъяны, которые необходимо исправить до его вступления в силу». К ним, в частности, ангольская сторона отнесла необходимость вставить в готовящийся словарь заимствования из национальных языков, распространенных на территории страны [8].

В Анголе неохотно уступают давлению сторонников орфографической реформы. Даже на ангольском информационном сайте sapo.ao особо помечаются тексты, написанные в новой, бразильской орфографии: «Artigo escrito em português do Brasil»[5].

Уведомление о том, что текст может содержать бразильскую орфографию полностью или частично, встречается и на мозамбикском информационном сайте sapo.mz: «Os textos do parceiro BBC News estão escritos total ou parcialmente em português do Brasil»[6].

Важным инструментом в проведении языковой политики стала Аудиовизуальная программа СПЛП[7]. Ее составной частью является программа «Наш язык»[8]. Последняя рассматривается как «стратегическая инициатива» по сотрудничеству общественного телевидения стран СПЛП в создании единых программ, одновременно передаваемых на национальные территории. Содержание призвано показать современный взгляд на культурное, социальное и политическое многообразие португалоязычного мира [9].

В 2016 г. был принят «Документ о реализации Нового стратегического видения (2016–2026 гг.)»[9]. В рамках Документа действует «Оперативный план по продвижению и распространению португальского языка (2021–2026)»[10].

---

[5] Пер. с порт.: «Статья написана на бразильском варианте португальского языка».

[6] Пер. с порт.: «Тексты партнера из ББС полностью или частично написаны на бразильском варианте португальского языка».

[7] O Programa CPLP Audiovisual.

[8] O Programa Nossa Língua.

[9] Documento de Operacionalização da Nova Visão Estratégica (2016–2026).

[10] Plano Operacional para a Promoção e Difusão da Língua Portuguesa (2021–2026).

Ссылки:

1. Cristóvão F., Amorim M. A., Marques M.L.G., Moita S.B. Dicionário temático da Lusofonia. Lisboa: ACLUS, 2005. 976 p.

2. Declaração Constitutiva da Comunidade dos Países de Língua Portuguesa – CPLP. URL: file:///C:/Users/Andrey/Downloads/Declara%EF%BF%BD%EF%BF%BDoConstitutivaCPLP%20(2).pdf (accessed: 19.03.2022).

3. Estatutos da Comunidade dos Países de Língua Portuguesa, Art. 3.c. URL: https://www.cplp.org/Files/Filer/Documentos%20Essenciais/Estatutos_CPLP_REVLIS07.pdf (accessed: 19.03.2022).

4. URL: http://www.mundoportugues.org/article/view/63975 (accessed: 19.03.2022).

5. Plano Operacional para a Promoção e Difusão da Língua Portuguesa (2021–2026). URL: https://www.cplp.org/Files/Filer/1_CPLP/Lingua/Livro-Plano-Operacional-Lingua-Portuguesa-vfinal.pdf (accessed: 19.03.2022).

6. URL: https://portal.oa.pt/comunicacao/imprensa/2016/11/02/cplp-apresenta-proposta-para-que-portugues-seja-lingua-oficial-na-onu/ (accessed 19.03.2022).

7. URL: https://noticias.sapo.ao/sociedade/artigos/guterres-recebe-hoje-premio-da-cplp-pela-promocao-da-lingua-portuguesa (accessed 19.03.2022).

8. Angola não autorizou Acordo Ortográfico "a nenhum nível governamental. URL: http://www.sapo.pt/noticias/angola-nao-autorizou-acordo-ortografico-a_56864b79ae95f50442d2ba62 (accessed: 19.03.2022).

9. URL: https://pav.cplp.org/noticias/mostrar/58 (accessed 19.03.2022).

УДК 94(6)

Д. А. Туряница

Национально-освободительные движения на юге Африки: Советский Союз и ФРЕЛИМО в 1960–1970-е гг. (по документам РГАНИ)

D. A. Turianitsa

National Liberation Movements in Southern Africa: Soviet Union and FRELIMO in the 1960s – 1970s (according to the RGANI documents)

Ключевые слова: Россия, Африка, Холодная война, Советский Союз, Мозамбик, ФРЕЛИМО.

Keywords: Russia, Africa, Cold War, Soviet Union, Mozambique, FRELIMO.

С распадом Советского Союза и окончанием «холодной войны» возникает необходимость переосмысления роли СССР и той помощи, которую он оказывал национально-освободительным движениям на юге Африки. Спустя 30 лет появляются новые возможности изучить данный вопрос, актуальность которого показательна в свете «открытия» или «переоткрытия» ранее не опубликованных материалов из советских/российских архивов.

Наиболее важные документы, связанные с освободительными движениями на юге Африке, находятся в учреждении, ранее известном как Центр сохранения современных документов (ЦХД), преобразованного позднее в Российский государственный архив современной истории или сокращенно РГАНИ. Несмотря на то, что в течение двух лет (2016–2018 гг.) РГАНИ был закрыт в связи с переездом в новое помещение, с 2019 г. читальный зал снова стал доступным для работы исследователей. В новых условиях появилась возможность открыть существенную часть ранее недоступных архивных документов и сформировать новые описи дел. Однако в 2020 г. из-за пандемии коронавируса и принятыми ограничениями в этой связи работа в зале была прервана на полгода. С июля 2020 г. стало возможным возобновить работу в читальном зале РГАНИ, но с определёнными ограничениями.

РГАНИ не прекратил свою деятельность в 2020–2021 гг. и продолжил тщательную публикацию рассекреченных документов

© Туряница Д. А., 2022

из Фонда 5 «Аппарат ЦК КПСС (1949–1991 гг.)», куда как раз входил «Международный отдел ЦК КПСС (МО ЦК КПСС)». Именно Сектор Африки МО ЦК КПСС и стал специальным «мозговым центром» проводимой советской политики в Африке. На основе документов Фонда 5 были созданы новые описи, демонстрирующие деятельные контакты советских госслужащих с руководством ФРЕЛИМО. Все документы архива доступны только в очном формате. Онлайн-каталог начал работать в тестовом режиме в конце 2021 г.

Автор статьи не ставит перед собой задачу всецело проанализировать развитие связей между Советским Союзом и ФРЕЛИМО, однако, предпримет попытку обратить внимание на новые архивные материалы, датируемые 1960-ми и особенно серединой 1970-х гг. Именно тогда произошли существенные политические изменения в Африке – бывшие португальские колонии: Гвинея-Биссау, Ангола и Мозамбик – обрели независимость, что серьезно повлияло на баланс сил на юге Африки.

Большинство документов, с которыми работал автор, представляют собой отчеты и аналитические записки советских дипломатов, а также многочисленные беседы с руководителями ФРЕЛИМО в Танзании и Замбии, а после 1975 г. в Мозамбике. Несмотря на обилие «канцеляризмов», автор попытался извлечь некоторые подробности таких контактов, в частности принимая во внимание дневниковые записи Аркадия Михайловича Глухова, первого секретаря советского посольства в Танзании, а затем советника-посланника в первом посольстве Мозамбика, и его коллеги, Петра Николаевича Евсюкова, с 1975 г. первого посла СССР в независимом Мозамбике. В разные годы у А. М. Глухова и П. Н. Евсюкова сложились длительные и плодотворные контакты с первыми лицами ФРЕЛИМО – Эдуардо Мондлане, Марселино дос Сантос, Жоаким Чиссано, Самора Машел и представителями национально-освободительных движений, находившихся в то время в Танзании.

Среди документов, которые поступали для ознакомления в МО ЦК КПСС, были и отчеты советского представителя в Организации солидарности народов Азии и Африки (ОСНАА), а также биографии и характеристики, подготовленные органами разведки относительно деятельности ФРЕЛИМО. Особое внимание заслуживает обширный отчет о работе II съезда ФРЕЛИМО в 1968 г., проведенный в еще

воюющем Мозамбике. Документ был составлен советским представителем ОСНАА Бахадыром Аббасовичем Абдуразаковым, в котором автор выделил, например, непростую обстановку, складывающуюся из-за отказа делегации провинции Кабо Дельгадо принять участие во II съезде партии. Кроме того, танзанийские власти и ФРЕЛИМО были весьма удивлены, что советские представители входили в состав прибывшей делегации ОСНАА [1].

Интересно, что в этой же описи числятся документы, подписанные начальником Главного разведывательного управления (ГРУ), Петром Ивановичем Ивашутиным, о II съезде партии ФРЕЛИМО. Их содержание свидетельствует о проблематичном характере отношений внутри движения перед съездом, что, таким образом, помогает компенсировать и расширить понимание отчета Б. А. Абдуразакова. В документах не единожды отмечаются весьма напряженные отношения с танзанийской стороной, которая использовала зависимое положение руководства ФРЕЛИМО в своих интересах.

Кроме того, обращают на себя внимание краткие биографии и характеристики основных лидеров ФРЕЛИМО – триумвирата, составленные органами ГРУ в связи с прибытием делегации в составе Уриа Симанго, Марселино дос Сантоса и Самора Машела в 1969 г. в Москву после трагической смерти Эдуардо Мондлане в феврале 1969 г. [2]. В этом документе делается акцент на то, что «триумвират, по-видимому, долго не продержится». Впоследствии вывод подтвердился. У. Симанго, будучи вице-президентом, был недоволен тем, что его не избрали председателем партии, а С. Машел, как подчеркивается в документе, «зная свою слабую теоретическую и политическую базу», опасается и Симанго, и дос Сантоса, хотя и утверждалось, что он имеет определенную поддержку среди боевых отрядов ФРЕЛИМО [3].

Ссылки:

1. РГАНИ, ф. 5, оп. 60, д. 537, л. 102.
2. РГАНИ, ф. 5, оп. 61 д. 542, л. 61–66, л. 78–102.
3. РГАНИ, ф. 5, оп. 61 д. 542, л. 63.

УДК 94 (47) + 94 (630)

А. В. Урядова

Русские в первой итало-абиссинской войне в конце XIX в.*

A. V. Uriadova

Russians in the First Italo-Abyssinian War at the end of the XIX century

Ключевые слова: Россия, Эфиопия, Италия, итало-абиссинская война.
Keywords: Russia, Ethiopia, Italy, Italo-Abyssinian War.

В конце XIX в. страны Европы вели борьбу за раздел Северо-Восточной Африки. Российская империя не участвовала в ней, хотя и не была в стороне от «африканского вопроса». Особый интерес вызывала единственная на континенте православная Эфиопия. В «Исторической справке по архивным документам» отмечалась духовная связь двух стран, перспективы возможного сотрудничества с ней [1].

В то время к власти в Эфиопии пришел негус (император) Менелик II, который был вынужден в 1889 г. подписать с Италией Уччальский договор о дружбе и торговле, на основании которого Италия объявила о своем протекторате над этой страной [2, с. 326].

Между Россией и Эфиопией официальных соглашений не существовало. Взаимоотношения двух стран строились скорее на основе «народной дипломатии». В конце 1880-х гг. сюда, как частное лицо и внештатный корреспондент газеты «Новое время», прибыл В. Ф. Машкова. В 1889 г. он был принят негусом Менеликом II, который вручил ему письмо и подарки для русского царя. О важности поездки говорят следующие факты: после нее В. Ф. Машков стал членом Русского географического общества, военное ведомство выплатило все его долги, присвоило ему очередное воинское звание. Александр III лично принял его и наградил орденом Владимира IV степени, дал согласие на повторную экспедицию.

В 1890 г. для того, чтобы подчеркнуть независимость Эфиопии, Менелик II сообщил о своём воцарении главам всех европейских держав, в том числе и Императору Александру III, который отказался признавать права Италии на Эфиопию [3, с. 148].

* Работа выполнена при поддержке проекта ЯрГУ VIP-018.

© Урядова А. В., 2022

В 1891 г. была организована повторная экспедиция В. Ф. Машкова в Эфиопию, во время которой негусу были переданы 509 ящиков с подарками, а также письмо русского царя [4]. По сути, это был первый официальный визит русского представителя.

В 1894 г. состоялась экспедиция, которая, по мнению исследователя Н. В. Малыгиной, носила военно-политический характер [5]. В ее состав входили отец Ефрем, отставные офицеры К. С. Звягин и Н. С. Леонтьев. Особо следует остановиться на персоне последнего, так как он стал ближайшим советником Менелика II по делам внешней политики и обороны. По окончании экспедиции многие личные документы (дневники, воспоминания, переписка) ее участников были изданы [6–9], что свидетельствует об интересе к данному вопросу.

Н. С. Леонтьев вернулся в Россию в 1895 г. Вместе с ним приехала большая эфиопская делегация во главе с митрополитом Харарским и двумя принцами крови. Они привезли Николаю II дары и письмо негуса. Уехала делегация не с пустыми руками, а с крупной партией оружия (винтовки с боеприпасами, кавалерийские сабли) и деньгами (400 тыс. руб.) [10, с. 88]. Менелик II был награжден орденом святого благоверного Великого Князя Александра Невского. Император написал ему официальное письмо с благодарностью и заверениями о своем расположении и беспокойстве о судьбах абиссинского народа.

Уччальский договор запрещал Эфиопии иметь собственную дипломатию, поэтому такой демарш был вызовом итальянскому правительству, о чем заявил российскому министру иностранных дел итальянский посол, но услышал в ответ, что Россия никогда не признавала итальянского протектората над Абиссинией [3, с. 148].

В 1895 г. началась итало-абиссинская война. Итальянцы не ожидали столь упорного и массового сопротивления. Они несли потери и в результате проиграли войну. Н. Леонтьев в разгар войны вновь отправился в Абиссинию во главе российских добровольцев (офицеров и фельдшеров) [11, с. 137; 12]. Сюда прибыла также миссия Российского Красного Креста, создавшая здесь санитарный отряд, а затем и русский госпиталь в Аддис-Абебе [13–15]. Одним из членов делегации был А.К. Булатович, ставший затем доверенным лицом негуса, а с 1897 по 1899 г. его военным помощником в войне с Италией и южными племенами.

Сведения о российской военной помощи, а вернее о ее размерах и времени, разнятся. О том, что помощь Россия действительно оказывала ее и о том, что она оценивалась как значимая,

свидетельствует реакция итальянских властей, особенно после поражения в битве при Адуа. На это указывали, например, министр иностранных дел Италии в разговоре с русским послом, и итальянский посол в Петербурге в разговоре с российским министром иностранных дел [16, с. 15, 131]. Письма Менелика Николаю II подтверждают факт помощи. В них Менелик просил окончательно изгнать итальянцев из Абиссинии и благодарил за уже оказанную поддержку [12, с. 158].

26 октября 1896 г. в Аддис-Абебе был подписан мирный договор, по которому Италия, уплатив контрибуцию, признала независимость Эфиопии. Впервые в новой истории европейская держава выплатила контрибуцию африканской стране. Надо отметить, что успехи Эфиопии остановили и британское продвижение в регионе. Помощь России сыграла не последнюю роль в таком развитии событий, позволив, в том числе, сохранить Эфиопии независимость.

Ссылки:

1. Цветаев Д. Сношения с Абиссинией. Историческая справка по архивным материалам // Русский архив. 1888. Кн. 2. С. 205–210.

2. Бартницкий А., Мантель-Нечко И. История Эфиопии. М.: Прогресс, 1976. 571 с.

3. Мультатули П. В. Внешняя политика Императора Николая II. М.: ФИВ, 2012. 840 с.

4. Хренков А. В. Машков в Эфиопии (между подвигом и авантюрой) // Азия и Африка сегодня. 1998. С. 123–136.

5. Малыгина Н. В. Российско-эфиопские дипломатические и культурные связи в конце XIX – начале XX веков: дисс. … канд. ист. наук. Владимир, 2004. 217 с.

6. Елец Ю. Л. Император Менелик и война его с Италией. По документам и походным дневникам Н. С. Леонтьева. СПб: Тип. Е. Евдокимова, 1898. 331 с.

7. Булатович А. К. Из Абиссинии через страну Каффу на озеро Рудольфа // Известия Русского географического общества. 1899. Т. XXXV. Вып. 3. С. 259–283.

8. Bulatovich A. K. Dall'Abissinia al lago Rudolfo per il Caffa. Con note di G. Roncagli // Bollettino della Societa Geografica Italiana. 1900. Ser. IV. Vol. l. № 2. P. 121–145.

9. Булатович А. К. С войсками Менелика II. Дневник похода из Эфиопии к озеру Рудольфа. СПб: Типография «Т-во Худож. Печати», 1900. 271 с.

10. Jesman C. The Russian in Ethiopia. An Essay in Futility. London: Chatto and Windus, 1957. 159 p.

11. Давидсон А. Б. Гумилёв в Абиссинии // Новая и Новейшая история. 2001. № 6. С. 137–148.

12. Некоторые новые документы о русско-эфиопских отношениях (конец XIX – начало XX вв.) // Проблемы востоковедения. 1960. № 1. URL: https://drevlit.ru/docs/abissiniya/Russ_aethiop/text13b6.php (дата обращения: 01.02.2022).

13. Шведов Н. К. Русский Красный Крест в Абиссинии в 1896 г. СПб, 1897. 40 с.

14. Глинский Д. Л., Жизнь русского санитарного отряда в Хараре (Из воспоминаний об Абиссинии). Гродно, 1897. 38 с.

15. Лебединский М. И. Первый госпиталь в Абиссинии (из личных воспоминаний) // Исторический вестник. 1912. Т. 30. С. 811–826.

16. I Documenti Diplomatici Italiani. Terza Seria: 1896-1907. V. 1 (10 marzo 1896–10 aprile 1897). Roma: Libreria dello Stato, 1953. 356 p.

УДК 94(3)

Г. В. Усков

Антиримские выступления в североафриканских провинциях во II в. н. э.: оценки в историографии

G. V. Uskov

Anti-Roman uprisings in the North African provinces in the II century AD: assessments in historiography

Ключевые слова: Римская империя, североафриканские провинции, романизация, берберы, империализм.

Keywords: Roman Empire, North African provinces, romanization, Berbers, imperialism.

В период правления династии Антонинов на территории Северной Африки периодически происходили конфликты с берберскими племенами, возникавшие из-за политики переселения племен римской администрацией, споров по поводу земель, а также культурных противоречий. В то же время эти конфликты носили обычно локальный характер и либо подавлялись военной силой, либо

© Усков Г. В., 2022

сглаживались политикой уступок по отношению к берберам и предоставлением привилегий вождям племен.

Сегодня в большинстве научных трудов преобладает рассмотрение отношений между римлянами и африканцами как взаимовыгодного сотрудничества, а не столкновения между культурами. С этой точки зрения случаи восстания племен нельзя рассматривать как систематический процесс сопротивления римскому господству. В то же время, можно встретить и работы, в которых которые римское господство оценивается как эксплуатация Африки, что в свою очередь вело к восстаниям [1, с. 8–9]. Не менее важное значение в контексте данного вопроса имеет проблема римского империализма. Само понятие «империализм» происходит из XX века и первоначально, согласно британскому экономисту Д. Гобсону, обозначало новую стадию в развитии капиталистического общества. В узком смысле империалистической принято называть агрессивную политику великих держав в начале XX века, которая нашла логическое завершение в Первой мировой войне. В широком смысле под империализмом понимается внешняя политика, направленная на достижение политической, военной, экономической и культурной гегемонии. По определению французского историка Ж. Каркопино, под империализмом можно понимать способ народа думать и действовать, исходя из желания подчинить другие народы [2, p. 20]. Таким образом, истоки империализма как явления вполне можно усматривать в эпоху Древнего мира [3, с. 101]. Конечно, следует понимать разницу между античным империализмом, носившим преимущественно политический и военный характер, и империализмом начала XX века. Тем не менее, употребление термина «римский империализм» является вполне допустимым. Дискуссия о характере империалистической римской внешней политики берет свое начало в XIX веке. А. Б. Егоровым было отмечено, что для работ XIX – первой половины XX века был характерен тезис о преимущественно положительном влиянии римлян на присоединенные к империи народы и позитивные оценки римского империализма с культурной и экономической точек зрения. Признавались негативные последствия римского завоевания, связанные с уничтожением населения, угоном его в рабство и экономическим разорением. Вместе с тем, было создано единое культурное и экономическое пространство, положено начало современной европейской цивилизации. Во второй половине

XX века появились иные оценки римской внешней политики, рассматривавшие внешнюю и провинциальную политику Рима как агрессивную и захватническую, что вызывало сопротивление местного населения. Более того, эта политика представлялась как не отвечавшая интересам самого же Рима. [4, с. 80].

В целом, можно констатировать, что на сегодняшний день проблема римского империализма и связанных с ним восстаний местного населения имеет выраженный научный интерес.

Ссылки:

1. Бембай К. Римская политика в Африке в I–III вв. н. э. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Белгород, 2017. 180 с.

2. Carcopino J. Les etapes de l'imperialisme romaine. Paris, 1961. 272 p.

3. Шишкин М. В. Теории империализма: особенности становления и развития // Вопросы политической экономии. 2017. № 1. С. 101–118.

4. Егоров А. Б. Последние планы Цезаря (к проблеме римского глобализма) // Мнемон. 2006. № 5. С. 77–94.

УДК 94

И. И. Филатова

«Как в прошедшем грядущее зреет, так в грядущем прошедшее тлеет». К вопросу о границах постколониальности

I. I. Filatova

"As in the Past the Coming Ripens, So in the Coming the Past Smoulders". On the Limitations of Postcoloniality

Ключевые слова: постколониализм, колониализм, колониальность, постколониальность, колониальное общество, «традиция», «культура».

Keywords: postcolonialism, colonialism, postcoloniality, coloniality, colonial society, "tradition", "culture".

Постколониализм существует в двух измерениях: как интерпретация воздействия колониализма на восточные и африканские общества и как дискурсное переосмысление колониальности и постколониальности. В первом, пост-колониализм (в этом понимании его последователи обозначают его через дефис) вполне вписывается

© Филатова И. И., 2022

в траекторию и ландшафт традиционных исследований проблем истории XX–XXI столетий. Понимаемый как интерпретация характера и глубины воздействия колониализма на восточные и африканские общества, пост-колониализм обогатил историографию новыми темами, в*и*дениями и ракурсами. Среди них – повышенное внимание к духовной колонизации, воздействию колониализма на литературу, язык, образование, интеллектуальные ценности, восприятия и представления.

Во втором значении понимаемый как методология, теоретическое переосмысление воздействия колониализма на колонизованный мир, постколониализм дал немало для понимания значимости интеллектуального и эмоционального наследия колониализма, его воздействия на многие поколения интеллектуальной элиты как колонизованных, так и колонизовавших обществ. Он, безусловно, полезен и для изучения *текстов*, имеющих отношение к колониализму и личностной *осознаваемости* его как явления в прошлом и настоящем.

Колониализм был и остается феноменом прежде всего социальным и экономическим, и постколониальных тематик и методик недостаточно для понимания его важнейших составляющих. Нужны конкретно-исторические исследования явлений, проблем и предметов, а не только «деконструкция» их текстовых «конструктов» или «интерпретация» «нарративов» о них.

В этой точке происходит столкновение понимания истории теми, кто придерживается традиционной методики исторических исследований и последователями постколониальной теории. Первые полагают что на базе анализа имеющихся источников историк может прийти к определенным выводам или, по крайней мере, сделать обоснованные предположения. Вторые считают, что историки изучают «воображаемую» реальность, ее отражение в тексте, письменном или устном; значит, о характере самой реальности, особенно прошедшей, судить не могут. Такой подход отрицает сам возможность познавания объективной реальности, во всяком случае, гуманитарными науками, что привносит в постколониальную теорию элемент агностицизма.

Пафос постколониализма – освобождение дисциплин, которые принимают его постулаты и методику, от европоцентризма. И все же его последователи широко пользуются такими терминами как «культура» и «традиция», понимаемыми, как неизменяемая и исключительная принадлежность одной нации или расы. Сейчас,

когда поиски личной и общинной идентичности стали доминирующим трендом глобального интеллектуального диалога, интеллектуалы всех стран и народов легко оперирует этими понятиями. Но как научные термины они были заклеймены еще в 1970–1980-е гг. как европоцентристские, фундаменталистские и неисторичные, причем, не только историками, но и антропологами, которые оперировали ими в 1930-е гг. Представление о том, что все культуры без исключения историчны, что они находятся в процессе постоянной трансформации под воздействием самых разных факторов, в том числе и взаимодействия со множеством внешних влияний, было тогда доминирующим.

Проблема самоидентификации стоит наиболее остро в среде интеллигенции колонизированных в прошлом стран, зачастую получившей образование в бывшей метрополии и иногда проживающей в Европе. Постколониализм появился именно в этой среде, и его внимание к «традициям» и «культурам» колонизированных народов понятно, но в результате нередко происходит «деисторификация» этих понятий, возвращающая нас в 1930-е гг., к Функциональной школе Бронислава Малиновского.

Постколониальная теория оперирует дихотомиями – абстрактными, и, судя по всему, непреодолимыми. Такими, как, например: Запад – Восток; колониальность – постколониальность, доколониальность – колониализм и другие. Личности балансируют на «грани» дихотомий страдают синдромом «расщепленного сознания». Такие дихотомии, безусловно, реальны для интеллигенции бывших колоний, ищущей точку опоры в раздвоенном мире своего сознания. На каком языке писать? Как не предать память предков? Как и чему учить детей? Как писать историю по-другому, не так, как ее пишут на Западе? Как сделать это, не отказавшись от того, что может предложить Запад – в сущности, от колониальности [1][1]? «Расщепленное сознание» появилось теперь и в среде западных интеллектуалов: ведь это даже не амальгама, а единый глобальный чат.

Но в «нарративах» социальной реальности дихотомий нет, как нет и стационарных состояний, будь то «доколониальность», «колониальность» или «постколониальность». Есть лишь длительные транзиторные процессы. К тому же на «грани»

[1] Об этом задолго до появления постколониализма писала Гера Ивановна Потехина [1].

перехода от одного социального состояния к другому, каковым бы оно ни было, в каждый данный исторический момент балансирует бо́льшая часть человечества. И тем или иным способом личности вынуждены преодолевать и преодолевают эти грани. О дихотомиях и «традициях» я и хочу поговорить более предметно с конкретно-исторической точки зрения.

Истоки современных африканских обществ обычно относят к самому началу колониальной эпохи, когда появились все главные институты и социальные группы колониального общества.

Установление колониального господства было политическим актом, но главной целью и главной функцией нового порядка было создание социальных условий для экономического освоения завоеванных территорий метрополией. Колониальная администрация выступала в качестве посредника между метрополией и колонизированными обществами и играла решающую роль в организации системы колониального производства. Но ее посреднические функции могли успешно выполняться только с помощью местных союзников и местных институтов власти.

В обществах, где к моменту колонизации существовали четко оформленные институты власти, колониальная администрация использовала их, изменяя их природу в своих интересах. Так, например, происходило в Буганде, Северной Нигерии, Занзибарском Султанате. В обществах, где такие институты были слабыми или не существовали, создавались новые механизмы и институты управления.

Отбор местных институтов и структур, которые могли использоваться в системе колониального управления, начался с первых дней колониального проникновения. Миссионеры, торговцы, служащие привилегированных компаний, военные, а затем колониальная администрация, поначалу всегда весьма немногочисленная, начали искать союзников в местных обществах. Процесс отбора шел на структурном и личностном уровнях.

В 1905 г. Джон Эйнсворт, колониальный чиновник Кении, писал, что правительство поощряет «любую сильную личность», и «делает все возможное, чтобы увеличить ее власть, коль скоро она проявляет лояльность». Степень «традиционности» новых союзников начинала волновать колониальных администраторов лишь тогда, когда их соотечественники отказывались принимать их власть как легитимную [2, p. 129–130].

Ранние союзники колониальной администрации представлены целым набором «сильных личностей» с различной степенью вовлеченности в структуры доколониальной власти. В Восточной Африке, например, султаны Занзибара из династии Бусайди могли претендовать на некоторую «традиционную» легитимность своей власти, хотя англичане и вмешались постоянно в процессы ее наследования. Киньянжуи, назначенный одним из трех «верховных вождей» гикуйю (в доколониальные времена у гикуйю вождей не было, а верховных – тем более), не мог претендовать на какую бы то ни было власть в рамках доколониальных норм – он начал свою карьеру как переводчик и гид караванов Имперской британской восточноафриканской компании. Нгоньо, ставший «вождем» гириама, имел определенный статус в доколониальную эпоху, но он тоже никак не был связан с доколониальными структурами. Он стал «сильным человеком» с большой клиентелой, когда стал торговать с проходившими через территорию гириама суахилийскими караванами. Все они преодолели переход из доколониальности в колониализм вполне успешно и с выгодой для себя. «Грани» между этими реальностями не было: переход от доколониальности к колониальности был не прыжком через пропасть, а неровным и долгим процессом, растянутым на десятилетия. Люди в нем просто выживали, не думая о переходах.

В этом процессе колониальная администрация должна была вписываться в систему местных отношений и понятий. Создав с помощью силы и поощрения сеть зависимой от нее клиентелы – обычная практика в доколониальных сообществах – она сама стала «сильным человеком» на местной политической арене, перенеся, таким образом, доколониальную систему патронажа в колониальную эпоху и встроив ее в основу отношений между колониальной и «туземной» администрациями на многие десятилетия вперед. Независимо от степени доколониаланой легитимности того или иного представителя «туземной администрации», каждый ее член становился винтиком клиентно-патронной цепочки, тянувшейся из его деревни в метрополию, и тем самым закладывал основу будущего перехода к постколониальности.

В 1920–1930-е гг. в колониальном обществе появились новые социальные группы: рабочие–мигранты, скваттеры, колониальное крестьянство. Но только одна из них сыграла такую же важную роль в процессе формировании постколониального общества, как

«туземная администрация» – в процессе формирования общества колониального. Это была новая образованная элита, те, кто получил европейское образование в колониальные годы. Кенийский автор Гидеон Мутисо назвал ее «асоми», от суахилийского слова «кусома» (в буквальном переводе: учиться) [3].

Значительная часть «асоми» состояла из детей и родственников «туземной администрации», хотя в политическом отношении противостояла им. Главным социальным различием между двумя элитами был не уровень образования, а характер их связи с колониальной властью. К концу колониальной эпохи «асоми» имели довольно широкую политическую базу в своей среде и были более независимы от колониальной администрации, чем «туземная администрация», что позволило им навязать себя колониальным властям как более легитимного представителя своих обществ, посредника между ними и колониальным государством.

Провозглашение политической независимости было, конечно, рубежным событием в жизни африканских обществ, но в социальном плане оно практически ничего не изменило: постколониальные структуры были созданы задолго до него. Бывшие «асоми» превратились в постколониальную элиту, основным источником власти и материального благополучия которой, как и «туземной администрации», была административно-посредническая функция, давшая ей и ее клиентеле доступ как к легальному, так и к нелегальному внешнему финансированию. Как писал известный французский африканист Жан-Франсуа Байа, «доминирующие группы, находящиеся у власти в Черной Африке, продолжают, в основном, пользоваться доходом, который они получают от своего положения посредников в отношениях с системой международных отношений» [4, p. 25].

Клиентно-патронная система была далеко не единственным структурообразующим элементом африканской постколониальности, унаследованным от доколониальных времен и протянувшимся через колониальную эпоху в современность. Тот же Байя обрисовал несколько особенностей доколониальной «модели», которые играли и продолжают играть определяющую роль в процессе формирования современного африканского государства. Среди них: низкая производительность труда и попытки государства увеличить свои доходы за счёт «мобилизации ресурсов, полученных от его (возможно неравноправных) отношений с внешним миром»; выбор «исхода» – отделения кланов и линиджей (разросшихся больших семей) – он был

возможен, благодаря наличию незанятых или временно неиспользуемых территорий; восстание как структурное, постоянно повторяющееся, явление из-за доступности «выбора исхода»; «ацефальность» многих обществ, отсутствие у них четко выраженного центра власти; важность клановых структур в государственных обществах, что позволяло населению в какой-то мере ограничивать всевластие своих лидеров [4, p. 21–23; 5; 6][2]. Все эти факторы были взаимосвязаны, усиливали и дополняли друг друга.

Эти *longue durées* мало совместимы с постколониальными дихотомиями и с неизменными «традициями» и культурами, которыми мыслит постколониальная интеллигенция. «Пост-» никогда не наступало и наступить не может. Колониализм с нами навсегда, как римская колонизация навсегда с Англией, и как монгольская колонизация навсегда с Россией. Как и доколониализм. Ведь история процесс не поступательный, а поступательно-накопительный, вбирающий в себя многое из накопленных опытов и моделей.

Ссылки:

1. Потехина Г. И. Очерки современной литературы Западной Африки, М.: Главная редакция восточной литературы, 1968. 213 с.

2. Mungeam G. N. British Rule in Kenya, 1895–1912. The Establishment of Administration in the East African Protectorate. Oxford: Clarendon P., 1966. 329 p.

3. Mutiso G. S. Kenya Politics, Policy and Society. Nairobi: East African Literature Bureau, 1975. 286 p.

4. Bayart J.-F. The State in Africa. The Politics of the Belly. L.; N.Y.: Longman, 1993. 370 p.

5. Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий (проблемы исторических контактов) / отв. ред.: А. И. Першиц и А.М. Хазанов. М.: Наука, 1978. 299 с.;

6. Куббель Л. Е. Доколониальная политическая культура в колониальных и современных африканских государствах // Этнографическое исследования развития культуры.: сб. ст. / отв. ред. А. И. Першиц, Н. Б. Тер-Акопян. М.: Наука, 1985. 263 с.

---

[2] Задолго до Байа к аналогичным выводам пришел российский африканист Л. Е. Куббель, изучавший специфику доколониальной государственности в Африке [5; 6].

УДК 94 (6) + 325

Н. Е. Хохолькова

Деколонизация сознания: культурный национализм, афроцентризм, афротриумфализм

N. E. Khokholkova

Decolonization of Consciousness: Cultural Nationalism, Afrocentrism and Afrotriumphalism

Ключевые слова: Африка, деколонизация, деколониальность, культурный национализм, афроцентризм, афротриумфализм.

Keywords: Africa, decolonization, decoloniality, cultural nationalism, Afrocentrism, afrotriumphalism.

Деколонизация – это то, что я называю теорией жизни.
Сабело Ндлову-Гатшени [1]

Деколонизация – глобальная инициатива и комплексный исторический процесс, направленный на освобождение от угнетения и зависимости. Он развивался и развивается по всему миру с разной интенсивностью, охватывая сферы политики и права, экономики и международных отношений, культуры и науки.

Деколонизация нередко рассматривается как политический «контрпроект» (по отношению к «проекту колонизации»), реализовывающийся народами Азии, Африки и Южной Америки во второй половине XX в., трансформировавшийся к началу XXI в. в деколониальность. Она, в свою очередь, может трактоваться как особое состояние (а также способ его описания) и как новая фаза эмансипации – отмены социокультурных структур и институтов, навязанных освободившимся бывшими колонизаторами [2].

Деколониальность неразрывно связана с колониальностью, через которую во многом определяются ее характеристики и измерения. Профессор Байройтского университета (Германия) Сабело Ндлову-Гатшени вслед за возглавляемой Вальтером Миньоло латиноамериканской группой исследователей «Модерность/ Колониальность» выделял следующую триаду: «колониальность власти, колониальность знания, колониальность бытия» [1]. Все три сферы формируют особые области деколониальности. Их формирование начинается с констатации кризиса.

© Хохолькова Н. Е., 2022

Ссылаясь на коллег, С. Ндлову-Гатшени утверждал, что «кризис проявляется в неспособности генерировать новые критические категории» – так, например, заимствованный концепт «демократия» дополняется уточняющими прилагательными [1].

Колониализм и укоренившаяся в качестве его следствия колониальная ментальность подобно «внутренним врагам» дестабилизируют состояние бывшего угнетенного и провоцируют такие трагедии, как «эпистемицид», «лингвицид» и «культуроцид» [1]. Каждая связана с уничтожением, вытеснением и подменой знания, языка, культуры соответственно. Преодоление этих «катастроф» и обретение деколониального состояния, по мнению ученого, напрямую зависят от процесса «переосмысления мышления как такого» – освобождения сознания.

Идея деколонизации сознания не нова. Она проходит красной нитью сквозь корпус концепций, в разное время предложенных интеллектуалами африканского происхождения. Первые попытки осмысления необходимости духовного и ментального освобождения африканцев, предпринятые западноафриканскими мыслителями в первой половине XIX в. [3, с. 11], вылились в создание философии культурного национализма. Ее основоположником считается Эдвард Уилмот Блайден (1832–1912) – пресвитерианский священник, дипломат, просветитель, министр иностранных дел Либерии (1864–1871), один из «отцов» панафриканизма. Столетия угнетения, как он считал, обратили африканцев в духовное рабство, являющееся более опасным, чем физическое. В 1872 г. Э. Блайден провозгласил лозунг «духовной деколонизации», которым выразил призыв освободиться от подчинения чуждой европейской культуре, сохранить в себе «африканскую личность» и «африканскую душу».

Просветитель писал: «У каждой расы, как сегодня признано, есть душа, и душа расы отражается в ее общественных институтах; уничтожить эти институты – значит уничтожить саму душу; ужасное убийство» [4, p. 145]. В настоящее время исследователи творчества Э. Блайдена пришли к выводу, что понятию «душа» (soul) соответствует категория «этос» [4, p. 145]. «Душа» в его трактовке представляет собой совокупность характеристик – особую модель поведения, обусловленную культурными и социальными факторами [5, p. 10–11].

По мнению Э. Блайдена, «африканскую душу» во многом сформировал уклад жизни, несколько им идеализированный.

В книге «Африканская жизнь и традиции» [5] он указывал на то, что африканской ментальности присущи духовность, созидательность, общинность, доброволие. Ей претят, согласно утверждениям Э. Блайдена, многие достижения европейской цивилизации, например, крупные города и «грубый материализм» [3, с. 19].

Перспективы возрождения «африканской души» он видел в объединении представителей негроидной расы и африканизации всех сфер жизни в первую очередь церкви и образования.

Основы африканского культурного национализма в целом и тезис об уникальности «африканской личности», сформулированные Э. Блайденом на исходе XIX столетия, в последующие годы были развиты его идейными преемниками Джеймсом Джонсоном (1836–1917), Джозефом Кейсли-Хейфордом (1866–1930), Мази Мбону Оджике (1914–1956), создателями концепции негритюда Эме Сезером (1913–2008) и Леопольдом Сенгором (1906–2001) [6], идеологом освободительного движения Францем Фаноном (1925–1961), родоначальником академического афроцентризма Шейхом Анта Диопом (1923–1986) и автором теории афроцентричности Молефи Кете Асанте (родился в 1942 г.).

В последней трети XX в. ходе процессов культурного трансфера идея деколонизации сознания обрела более широкие границы. Ее стали разделять и реинтерпретировать те, чей опыт не был напрямую связан с колонизацией, но те, кто обнаружил себя в состоянии колониальности. В разработку механизмов духовного и ментального освобождения включились афроцентрично настроенные представители африкано-американского сообщества.

Афроцентризм – парадигма, в основе которой лежит утверждение о центральном положении Африки и людей африканского происхождения в мировой истории и культуре. Подобно другим деколониальным и постколониальным течениям она формировалась спорадически на всем протяжении XX в. Широкую известность данное направление мысли стало приобретать в начале 1980-х гг., после выхода в свет книги специалиста в области массовых коммуникаций Молефи Кете Асанте «Афроцентричность: теория социальных перемен» [7]. В ней, объединив интеллектуальный опыт предшественников, автор представил собственное учение, целью которого была комплексная реабилитация людей африканского происхождения, прежде всего африкано-американского населения США.

М. К. Асанте позиционирует афроцентризм как «движение за освобождение людей, которых в прошлом подвергали угнетению». Он утверждает, что «в западном мире люди африканского происхождения всегда находились на обочине, и не только физически (речь о рабстве в Америке), но и культурно, интеллектуально. Их система ценностей и традиций была уничтожена из-за психологического сдвига. Так что во многом афроцентричность есть реакция на этот сдвиг, в том числе психологический – потерю способности к самоопределению у африканского народа» [8]. Состояниям маргинальности и колониальности, которые в случае с африкано-американцами были вызваны посттравматическим синдромом раба[1], противопоставляется состояние афроцентричности, для достижения которого, по мнению М. К. Асанте и его коллег, необходимо справиться с культурной дезориентацией, обратиться к африканским корням, разработать «собственные научные и моральные критерии для установления подлинной сущности общественных процессов» [9].

Афроцентризм – динамичная бесконечно диверсифицирующаяся система. Новые течения образуются как внутри нее (афроцентричная психология, афроцентричное образование, афроцентричный феминизм), так и вовне – на ее основе. Одной из концепций, «выросшей» на подготовленной афроцентристами почве, и так же ориентированной на трансформацию сознания стал афротриумфализм.

Смысл афротриумфализма как способа мировосприятия манифестируется через само его название и сводится к «жизнеутверждающей» убежденности в победе «африканского духа» над «всеми враждебными силами» [10, p. 204]. Главный популяризатор афротриумфалистского подхода, исследователь зимбабвийского происхождения Тавенгва Гвекверере и его южноафриканский коллега Гифт Мхета охарактеризовали данное видение как «афроцентричный аналитический канон», позволяющий африканцам отказаться от «отупляющих философий жертвенности, безнадежности, беспомощности, безжизненности и пессимизма» [11, p. 197].

---

[1] Посттравматический синдром раба (Post Traumatic Slave Syndrome) – термин, введенный в начале 2000-х гг. американским психологом Джой Диграй для описания транспоколенческой травмы, ведущей к психологическим и поведенческим расстройствам, распространенным среди современных африкано-американцев.

Афротриумфализм – перманентный поиск вдохновения в прошлом во имя построения будущего. «Быть афротриумфалистом значит сказать жизни “да” <…> создавать и использовать возможность там, где пессимисты видели бы одни лишь трудности» – заявления и призывы сторонников течения звучат в духе популярной психологии. Через трансляцию позитивных аффирмаций, в качестве которых используются в том числе и слова выдающихся африканских и африкано-американских лидеров, писателей и интеллектуалов, таких как Чинуа Ачебе (1930–2013), Джеймс Болдуин, Э. Блайден, (1924–1987), Маркус Гарви (1887–1940), Амилкар Кабрал (1924–1973), последователи течения намерены сформировать свободное деколониальное сознание необходимое для созидательной деятельности.

Создатели культурного национализма, афроцентризма и афротриумфализма в разные периоды времени и в разных условиях преследовали близкие цели и использовали схожие методы, обращаясь к сферам науки, образования и культуры. Все три течения вместе формируют единую традицию, своего рода континуум, в расширяющихся границах которого не теряющая своей актуальности идея деколонизации сознания ретранслируется и преобразуется.

Ссылки:

1. Decolonization, Decoloniality, and the Future of African Studies: A Conversation with Dr. Sabelo Ndlovu-Gatsheni. URL: https://items.ssrc.org/from-our-programs/decolonization-decoloniality-and-the-future-of-african-studies-a-conversation-with-dr-sabelo-ndlovu-gatsheni/ (accessed: 25.03.2022).

2. Mingolo W. D., Walsh C. E. On Decoloniality: Concepts, Analytics, Praxis. Durham: Duke University Press, 2018. 304 p.

3. Frenkel M.Yu. African Nationalism as Ideology. Moscow: Institute for African Studies RAS, 2003. 48 p.

4. Racial Structure & Radical Politics in the African Diaspora / ed. by J.L. Conyers Jr. New Brunswick: Transaction Publishers, 2009. 216 p.

5. Blyden E.W. African Life and Customs. Reprinted from «The Sierra Leone Weekly News» / E. W. Blyden. London: C. M. Phillips; N. Y.: ECA Associates, 1908; 1990. 91 p.

6. Гавристова Т. М. «Исправление ошибок»: об увековечении памяти Леопольда Сенгора // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2017. № 1 (39). С. 23–27.

7. Asante M. K. Afrocentricity: The Theory of Social Change. N.Y.: Amulefi Publishing Co., 1980. 125 p.

8. Ковда Е., Асанте М. К. Африканская диаспора уникальна, потому что это не национальный союз. Интервью с М. К. Асанте// The Prime Russia Magazine. URL: http://primerussia.ru/interview_posts/493 (дата обращения: 06.03.2022).

9. Nobles W. To Be African or Not to Be: The Question of Identity or Authenticity – Some Preliminary Thoughts. URL: http://www.ayanetwork.com/aya/wal/african%20to%20be%20or%20not%20-wade%20nobles.pdf (accessed: 25.03.2022).

10. Muhwati I., Gwekwerere T., Gambahaya Z. Children's literature, child engineering and the search for an ennobling gender paradigm // Zimbabwe Journal of Educational Research. 2010. Vol. 22. P. 202–214.

11. Gwekwerere T., Mheta G. The Afrotriumphalist Commitment to Life in Freedom and Dignity in Transatlantic African Literature // South African Journal of African Languages. 2012. Vol. 32 (2). P. 195–206.

УДК 94

Э. Г. Цветков

Государственный переворот в Гане 1966 г. глазами советских специалистов

E. G. Tsvetkov

The 1966 coup d'état in Ghana through the Eyes of Soviet Specialists

Ключевые слова: Африка, СССР, специалисты, Кваме Нкрума, Гана, переворот.

Keywords: Africa, USSR, specialists, Kwame Nkrumah, Ghana, coup.

Президента Кваме Нкруму[1] свергли 24 февраля 1966 г. Первое независимое государство Африки, провозгласив курс на строительство справедливого общества, не продержалось и десяти лет из-за внутренних противоречий. В очень короткое время

[1] Френсис Нвиа Кофи Кваме Нкрума (1909–1972) – интеллектуал, философ, создатель теории «коншиенсизма», глава национально-освободительного движения колонии Золотой Берег, глава Народной Партии Конвента, первый премьер-министр 1957–1960 гг. и президент 1960–1966 гг. независимой Ганы.

© Цветков Э. Г., 2022

режим К. Нкрумы эволюционировал от демократического до авторитарного [1]. В 1961 г. К. Нкрума стал пожизненным председателем НПК[2], в 1964 г. запретил оппозицию. Тогда же в 1964 г. К. Нкрума был провозглашен пожизненным президентом страны [2; 3].

До разгона оппозицию в Гане представляла «Объединенная партия». Выборы депутатов в Национальное собрание в г. Кумаси (регион Ашанти) в 1959 г. показали, что НПК было далеко до безоговорочной поддержки населения[3]. Соперник К. Нкрумы на президентских выборах 1960 г. Дж. Б. Данква обвинял его в стремлении к диктатуре, использовании «грязных» политических технологий, в слабости демократических политических институтов, вмешательстве государства в экономику [4, л. 141-144]. О том, что в стране и до переворота были люди не довольные К. Нкрумой, свидетельствуют регулярные раскрытия различных заговоров, аресты и ссылки оппозиции [5, л. 2-41], а также ряд покушений на президента 1 августа и 9 сентября 1962 г. и 8 января 1963 г. [6, л. 16], произошедшие после начала курса на усиление единоличной власти.

К. Нкрума говорил: «Африка не является дополнением к Европе и нельзя допустить, чтобы Африка стала ареной Холодной войны. Не должна она быть и ареной создания конфликтов между Западом и Востоком» [7, л. 172]. Однако в реальности Гана, как и многие другие страны Африки, оказалась втянутой в противостояние, а политика «позитивного нейтрализма», основанная на «принципах Бандунга», осталась только на бумаге в политических декларациях.

План первой пятилетки Ганы 1959–1964 гг. выглядел специфически. Из необходимых 342 млн. фунтов для его реализации[4] правительство гарантировало наличие только 10 млн. фунтов, остальные средства, а вместе с ними и технологии должны были предоставить частные инвесторы [5, л. 30-31]. Для этого в 1958 г. был принят закон о гарантиях капиталовложений, в 1960 г. ликвидирован финансовый контроль за иностранными инвестициями и разморожены французские активы [8; 9]. Гана рассчитывала на соглашение с США от 3 июня 1957 г., в котором говорилось о содействии в развитии

---

[2] Народная партия конвента – социалистическая партия Ганы, основанная Кваме Нкрума 12 июня 1949 г.

[3] Итоги выборов в г. Кумаси: 9032 голоса за кандидата от НПК, против 8663 за кандидата от Объединенной партии

[4] По плану предполагалось создание не менее 600 промышленных предприятий.

сельского хозяйства, дорожной сети, образования, геологоразведки и энергетическому проекту на р. Вольта [10].

Гана страдала от дефицита бюджета в силу отсталости экономики, низких цен на какао, необходимости оплачивать множество дорогостоящих проектов и непредусмотренных трат. Нерациональное использование средств очевидно [5, л. 6], когда речь заходит о строительстве Института ядерной физики за 400 тыс. фунтов или трата 300 тыс. фунтов на прием в ноябре 1961 г. в Аккре Елизаветы II [11, л. 43–45]. Финансирование дорогостоящих проектов объяснимо стремлением совершить качественный скачок в развитии. Понятна и двойственность политики К. Нкрума в отношении Британии и расходы на прием королевы. Англия оставалась главным внешнеторговым партнером Ганы и основным источником пополнения государственных доходов. На фоне дефицита, антиколониальной и антикапиталистической риторики и сближения с СССР такие затраты на прием королевы выглядели необоснованно.

Принято считать, что после сближения с СССР в 1960 г. Гана развивалась за счет советской помощи [12–15]. Дипломатические отношения были установлены лишь 14 января 1958 г., а советское посольство в Аккре открылось только в 1959 г. [16]. До 1960 г. участие СССР в экономике Ганы можно считать нулевым. Полноценное взаимодействие началось только после подписания ряда соглашений, обеспечивших ее основу[5]. В 1962 г. состоялся визит в Гану А. И. Микояна[6], проведена Советская торгово-промышленная выставка, подписаны контракты [6, л. 10–11].

Как отражение политических изменений с 1961 г. в Гане начала расти доля государственного сектора экономики. За 1962–1963 гг. появилось более 100 госхозов, но они давали только 5 % экспорта зерна, бананов и овощей и никак не касались главного источника доходов – какао-бобов. Как и госхозы, промышленные госпредприятия были убыточны. Спичечная фабрика за 1962 г. с учетом роста выпуска продукции на 44 % «чистыми» заработала 9 тыс. фунтов! [6, л. 16]. Только государственный контроль 75 % внешней торговли позволял держаться Кваме Нкрума у власти [17].

---

[5] «Торговое Соглашение между СССР и республикой Ганой» 4 августа 1960 г.; «Соглашение о техническом и экономическом сотрудничестве» 1961 г.; «Соглашение о культурных связях» 1961 г.

[6] В 1962 г. А. И. Микоян занимал пост заместителя председателя Совета Министров СССР.

Результатом проводимой политики стал государственный переворот 24 февраля 1966 г. во главе с генералом Джозефом Артуром Анкрой. После захвата власти в Гане военными, НПК оказалась вне закона, а сам К. Нкрума нашел убежище в Гвинее-Конакри. Гана стала первой страной, сошедшей с пути строительства социализма в Африке.

Свидетелями событий стали советские специалисты, работавшие в Гане в рамках советско-ганаянского сотрудничества. Среди них были и две школьных учительницы из Ярославля: Лидия Николаевна Старова и Светлана Константиновна Рицкова.

Накануне переворота 23 февраля в культурных центрах при посольствах СССР проводились праздничные мероприятия, собирались все советские граждане. Л. Н. Старова тогда работала в женском колледже в Аккре, она вспоминает: «23 февраля мы приехали в русский клуб при посольстве, <…> получили почту за месяц. Приехали домой и долго читали пачки писем. <…> И вдруг мы слышим выстрелы, застреляли буквально около школы…. Наш колледж находился на возвышенной местности, рядом проходила дорога, а за дорогой тюрьма. <…> Все началось внезапно. Вдруг объявляют, что в Гане переворот!» [18].

Светлана Константиновна Рицкова встретила события на рабочем месте в школе вблизи Кумаси**.** «Когда по всей стране прошла кампания против русских со стороны официальных властей отношение <…> резко изменилось. Было видно невооруженным взглядом изменение отношения к русским даже среди учеников» [19]. Светлана Константиновна слышала, как ее ученицы шептали: «русские, убирайтесь домой» [19]. Началась эвакуация советских граждан. «Дошла информация, что пребывание русских на местах нежелательно. <…> Из посольства через всю страну поехала «Волга» оповещать всех на местах, чтобы немедленно собирались <…>. Это было фактически бегство из страны» [19]. Так началась эвакуация советских граждан из Ганы.

Сначала всех свозили в Аккру, где, по свидетельству С. К. Рицковой, специалистов размещали в большом доме на время сбора и ожидания самолета в СССР. Передвижения по стране и городу были ограничены. «Конечно, было страшновато, и к нам относились не очень хорошо» [18]. Л. Н. Старова свидетельствует: «Ограничили передвижения, да и потом ограничили наши в основном, потому что они боялись за жизнь <…> И начали потихонечку свозить всех под охраной, полицейские сопровождали,

начали свозить из глубинки и селили куда могли – и в русский клуб, и в Посольство, и в Торгпредство и к нам даже приехали девочки из периферии» [18].

Вывоз советских специалистов начался только через неделю после переворота [19]. Возможно, эвакуация советских специалистов прошла бы быстрее, но «ганцы поставили условия: только этот конкретный самолет будет прилетать, забирать группу и улетать и больше ни одного самолета не будет. Самолет был прямой из Аккры в Москву. И это продолжалось больше месяца» [18].

Для Л. Н. Старовой и ее коллег из Ярославля [18] как таковой эвакуации не было, и они продолжали еще некоторое время преподавать в колледже после переворота, тогда как в других местах всех советских учителей отстраняли. Лидия Николаевна вспоминает: «У нас была передовых взглядов, такая феминистка была жуткая, директор – жена министра сельского хозяйства[7] школы, такая современная баба, молодец. Она говорит: «Я никому не подчиняюсь, пусть что угодно там правительство делает, а у меня учебный процесс и вы будете работать». И мы продолжали работать <…> в единственной школе, мы, русские учителя продолжали работать! А во всех остальных школах не допускали советских учителей» [18]. Но со временем отстранили всех.

Последние дни в Аккре у Л. Н. Старовой прошли спокойно. У московской коллеги по колледжу, которая только прилетела работать в Гану в 1965 г. был приятель – представитель СССР от ООН в Гане, который «на своей машине под голубым флагом ООН возил и девушек в торговые центры за продуктами, на посольский пляж. <…> Мы были неприкосновенны. Нам повезло» [18]. Вылетела Л. Н. Старова в Москву «последним рейсом <…> в Гане оставались только около 10 дипломатов» [18].

Лидия Николаевна упоминает, что «с Ганой все отношения сразу прекратились» [18]. Однако новое правительство Ганы спустя уже 3 месяца стало искать контакты с СССР для завершения наиболее важных экономических проектов. Первым таким обращением стала просьба «Национального Совета Освобождения» Ганы о возвращении в страну советских моряков [20], а в октябре 1966 г. поступили более масштабные предложения о расширении

[7] Министром сельского хозяйства в Гане в 1965 – феврале 1966 гг. был Франклин Абубоби Джантуа (1929–2020 гг.).

торговли, продолжении реализации проектов, отсрочке по платежам по кредиту 1961 г., пересмотре его условий и возвращении более широкого круга специалистов [11; 21], Просьбы были направлены послу СССР в Гвинее-Конакри И. Л. Воронину [22], по причине отсутствия в Гане посольства СССР.

Переворот 24 февраля 1966 г. не раз становился предметом исследований в связи с яркой личностью Кваме Нкрумы. Живые свидетельства ярославских учителей позволяют под новым ракурсом взглянуть события из прошлого Африки.

Ссылки:

1. Mazrui A. Nkrumah: The Leninist Czar // Transition. 1966. № 26. P. 8–17.

2. Beichman A. Western Socialists and Ghana // Transition. 1967. № 30. P. 28–29.

3. Тупицына, Е. Е. Национально- освободительное движение и Кваме Нкрума // 50 лет Года Африки. Судьбы национально-освободительных движений: взгляд из Африки, России и Западной Европы: материалы международной научной конференции, Москва, 30–31 марта 2010 г. М., 2011. С. 150.

4. АВП РФ. Ф. 573. Оп. 4. П. 5. Д. 16. Л. 141–144. цит. по «Гана Ньюз Эдженси» 28 марта 1960 г. Программа лидера Объединенной партии Дж. Б. Данква в борьбе за пост президента Ганы.

5. АВП РФ. Ф. 573. Оп. 3. П. 2. Д. 5. Л. 2-41. Записка О. Л. Орестова корреспондента «Правды». О политическом положении в Гане. 22 апреля 1959 г.

6. РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 2843. Л. 1-60. Обзор экономики Ганы за 1962 год. Справки и информации об оказании технического содействия Гане.

7. АВП РФ. Ф. 573. Оп. 4. П. 5. Д. 16. Л. 172. Из выступлений премьер-министра Ганы на конференции позитивных действий и безопасности в Африке 7 апреля 1960 г. в Аккре.

8. АВП РФ. Ф. 573. Оп. 4. П. 5. Д. 16. Л. 191. цит. по «Гана Таймс» 4 апреля 1960 г. Финансы.

9. АВП РФ. Ф. 573. Оп. 4. П. 5. Д. 16. Л. 193-194. цит. по «Дейли График» 12 апреля 1960 г. Бум инвестиций в Западной Африке.

10. АВП РФ. Ф.573. Оп. 4. П. 5. Д. 16. Л. 73. цит. по «Гана Таймс» 6 февраля 1960 г. Американская техническая помощь Гане «разнообразит» экономику.

11. РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 584. Л. 138-142. Меморандум МИД Ганы советской стороне от 6 октября 1966 г.

12. Симония Н. А. Страны Востока: пути развития М. 1975. 384 с.

13. Солодовников В. Г. Современный этап некапиталистического развития в Азии и Африке М. 1972. 74 с.

14. Ульяновский Р. А. Социализм и освободившиеся страны. М., 1972. 557 с.

15. Экономика независимых стран Африки / под ред. В. Г. Солодовникова М., 1972. 364 с.

16. О Гане (справочная информация по стране общего характера). URL: http://www.ghana.mid.ru/ghana.html (дата обращения: 05.04.2022).

17. Carl K. Eicher Facing Up to Africa's Food Crisis // Foreign Affairs Fall 1982 Vol. 61. N. 1. URL: http://www.foreignaffairs.com/articles/36817/carl-k-eicher/facing-up-to-africas-food-crisis (дата обращения: 04.04.2022).

18. Личный архив автора [Э. Г. Цветкова] Интервью Л. Н. Старовой. 27 сентября 2012 г.

19. Личный архив автора [Э. Г. Цветкова] Интервью С. К. Рицковой. 28 июня 2012 г.

20. РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 584. Л. 135–136. Справка об эксплуатации рыболовных судов, поставленных из СССР в Республику Гана от 8 июня 1966 г.

21. РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 584. Л. 143. Просьба МИД Ганы о возвращении советских специалистов на объекты совместного строительства, для завершения проектов и их эксплуатации от 19 сентября 1966 г.

22. Мазов С. В. Кваме Нкрума // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. Т. 4. Выпуск 3 (19) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: http://history.jes.su/s207987840000467-2-1 (дата обращения: 06.04.2022).

УДК 94 + 7.036(6)

Е. Ю. Чемякин

Художественное образование в Нигерии в 1920–1960-е гг.

E. Yu. Chemyakin

Art Education in Nigeria in the 1920s–1960s

Ключевые слова: Нигерия, искусство, художественное образование, колониализм, деколонизация.

Keywords: Nigeria, art, art education, colonialism, decolonization.

Колонизация Африки европейскими странами, активно проводившаяся в XIX в., прервала естественное политическое, экономическое и социальное развитие местных народов. В рамках колониального дискурса Запад выступал в роли единственного носителя модерности, базировавшейся на идеях универсального секулярного знания и историцизма: «…историцизм установил меру культурной дистанции, которая, как считалось, существует между западным и незападным мирами. Он оправдывал тезис о принесении цивилизации в колонии» [1, с. 18] Проводниками подобных идей становились не только административные или военные кадры, но и путешественники, ученые, миссионеры.

Из среды последних формировалась и прослойка первых европейских учителей в Африке: именно миссионерские школы с самого начала взяли на себя функцию воспитания и обучения детей местных жителей: «Миссионерская школа становилась местом, где маленькие африканцы впервые вплотную сталкивались с заморской культурой» [2, с. 32]. Одной из задач образования было насаждение стереотипных убеждений, направленных на принижение значимости традиционных культур, закрепление за ними статуса «варварских», «диких», «иррациональных»: «В значительной степени под влиянием миссионеров складывалось искаженное представление об африканской культуре, в которой якобы нет ничего достойного сохранения <...> Единственно правильным и высокоразвитым объявлялось все то, что было свойственно английским культурным формам» [3, с. 164].

Традиционное искусство на долгие годы потеряло свое влияние и значение, что сказалось, по мнению некоторых историков,

© Чемякин Е. Ю., 2022

на ослаблении африканской духовности и единства, стиранию самобытности и культурной идентичности [4, p. 78]. Своему частичному сохранению африканское искусство было обязано народному ремеслу: кузнечному и гончарному делу, резьбе по дереву. В таком прикладном виде оно смогло сохранить свою уникальность. Освоение ремесла-искусства осуществлялось при помощи традиционных способов: «…от родителей к детям, от мастера к ученику передавались навыки сельских работ, обработки различных материалов. Обучение <…> нередко представляло собой составную часть обычного семейного воспитания» [5, с. 40]. Главными методами были наблюдение за мастером, подражание ему и применение на практике полученных знаний. Такая система ученичества позволяла сохранить преемственность от поколения к поколению.

Специализированного художественного обучения в странах Африки не существовало вплоть до 1920-х гг., когда начинают появляться первые студии и школы. «Отцом современного нигерийского искусства» называют Айну Онаболу (1882–1963) – живописца, заложившего основы художественного преподавания в Нигерии. Сам он был самоучкой и осваивал живопись и рисунок по европейским журналам об искусстве. С 1915 г. он начал преподавать в нескольких миссионерских школах, а также в частном порядке учить живописи всех желающих.

В 1920 г. Онаболу выставил свои работы на крупной персональной выставке в Лагосе, сопроводив их манифестом под названием «Короткие рассуждения об искусстве». В нем Онаболу охарактеризовал раннее искусство, возникшее в Египте и Месопотамии как грубое и несовершенное, а его развитие и расцвет связывал исключительно с европейской традицией. Отмечая успехи западного искусства, художник восклицал: «А что мы сделали для продвижения искусства или науки? Наши скульптуры и наши рисунки все еще грубы, лишены Искусства и Науки» [6, p. 14]. Пробуждение африканского искусства он связывал с обращением к европейскому опыту, метафорично сравнивая его с ценными природными ископаемыми, спрятанными глубоко в земле: «На нашей земле было золото, руда и битум. Мы никогда не знали, что они там есть, пока европейцы, благодаря своей способности видеть величие в мелочах, благодаря своим изобретениям и трудолюбию, не пришли на нашу землю, не открыли и не извлекли их из земли» [6, p. 15].

В 1920 г. Онаболу отправился в Европу, чтобы получить там художественное образование. Он обучался живописи на курсах в Лондоне и в Париже, где зарекомендовал себя как талантливый художник. Спустя два года Онаболу вернулся в Нигерию, где его назначили преподавать искусство в Королевском колледже Лагоса. Он разработал первую в Нигерии школьную программу художественного обучения. Она состояла из двух частей: в младших классах школьники проходили основные принципы рисунка, изображение базовых конструкций и тканей, теорию и практику цвета, перспективу и живопись, а в старших – изображение натюрмортов, анатомию человека, работу с цветом, светом и тенью, образную композицию, элементы графического оформления и др. [7, p. 172]. Выпускники, прошедшие курсы, по замыслу художника, могли бы соревноваться с европейскими живописцами.

Онаболу упорно боролся за то, чтобы как можно больше школ в Нигерии включили в свои программы художественные курсы, хотя это стремление и сталкивалось со множеством трудностей, одной из которых было отсутствие квалифицированных учителей. Чтобы решить эту проблему, Онаболу смог убедить колониальную администрацию приглашать в школы квалифицированных педагогов из Великобритании. Одним из них стал Кеннет Мюррей (1903–1972) – британский художник, приехавший в Нигерию в 1927 г.

Его приезд стал важной вехой в возрождении традиционного искусства. Если Онаболу стремился воспитать поколение художников, ориентирующихся на Европу, то Мюррей активно выступал против этой тенденции. Он критиковал насаждение западных стандартов в художественном образовании, связывая его с утратой национальной культуры. «В 1920-х гг. большинство нигерийцев были в первую очередь заинтересованы в европейской культуре: искусство и ремесла их предков презирались как “нецивилизованные”, и мало кто из европейцев заботился о сохранении искусства» [8, p. 2].

Мюррей добился определенного успеха – благодаря его усилиям (связанным с регулярной публикацией статей, посвященных нигерийской культуре) в некоторых миссионерских школах Нигерии стали изучать традиционные ремесла и искусство. Так, в 1930-х гг. в миссии, расположенной в г. Арочукву, стали преподавать роспись тканей, основанную на традициях ули.

В Христианском колледже в г. Ониче обучали кузнечному делу и обработке медных изделий. В г. Ово в государственной школе преподавали резьбу по дереву, и др. [7, p. 173]. Впервые традиционное искусство стало изучаться не только через систему ученичества, но и через официальные учебные программы. Мюррей старался прививать своим ученикам идеи национального культурного возрождения: «…истинная современность может быть достигнута только в том случае, если африканцы вернутся к своим корням и модернизируют свои культурные ценности, что является единственным способом создать современное общество, остающееся африканским в своей основе…» [9, p. 107].

Две системы художественного образования, созданные Онаболу и Мюрреем, определили проблему выбора пути дальнейшего развития нигерийского искусства: «В своих крайних проявлениях она сводилась к двум противоположенным тенденциям: к сохранению и реставрации <…> национальных культурных традиций или к полной перестройке современной художественной культуры на европейский лад» [10, с. 82]. И, если тенденция к европеизации искусства была более распространенной в начале рассматриваемого периода, то ко второй половине 1950-х – началу 1960-х гг. возобладал синтез двух направлений с упором на возрождение нигерийских традиций.

К этому времени художественное образование получает значительное распространение и затрагивает не только частные или миссионерские школы, но и государственные высшие учебные заведения и колледжи. Среди них можно выделить: Технологический колледж Ябы (Yaba Art School), в котором с 1952 г. появились художественные курсы; отделение изобразительного искусства Нигерийского колледжа искусств, науки и техники в Зарии (The Zaria Art School); отделение истории искусства в Нигерийском университете в Нсукке, сыгравшее «огромную роль в процессе инвентаризации достижений традиционной африканской культуры» [11, с. 386] и др. Программы в высших учебных заведениях были выстроены по британским или американским стандартам, но содержательно они все больше отображали процесс духовной деколонизации, направленной на поиск собственного пути.

Значительную роль сыграли и клубы Мбари (творческие объединения, включавшие в себя не только художников, но и писателей, театральных деятелей, музыкантов), первый из которых

открылся в 1961 г. в Ибадане. На следующий год аналогичный клуб открылся в Ошогбо и получил название Мбари «Мбайо». А еще через год – в Энугу. Клубы формально и не входили в образовательную систему, при них были созданы «летние школы», первыми учениками которых стали учителя и студенты нигерийских колледжей и институтов. В школах придерживались «ненавязчивой системы» преподавания, в результате «возникало вполне самобытное искусство, не знающее европейских влияний, но и не прибегавшее непосредственно к сюжетам и приемам традиционного искусства» [10, с. 95].

Таким образом, за 1920–1960-е гг. в Нигерии была создана система художественного образования, что во многом было определено инициативами таких художников и преподавателей как Айна Онаболу и Кеннет Мюррей. Уже к концу 1920-х гг. закладываются два направления развития обучения изобразительному искусству, которые условно можно охарактеризовать как европоцентричное и национально-возрожденческое. Каждое из них породило многих выдающихся нигерийских художников и скульпторов. Однако именно со вторым связан процесс духовной деколонизации и деконструкции колониального дискурса, что наглядно проявило себя уже в конце 1950-х – начале 1960-х гг., когда художественное обучение прочно вошло в систему высшего нигерийского образования. Именно тогда появляется целое поколение новой творческой интеллигенции, с одной стороны, воспринявшей идеи синтеза культур, а с другой – понимающих важность и ценность национальных традиций.

Ссылки:

1. Чакрабарти Д. Провинциализируя Европу. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 384 с.

2. Балезин А. С. Черная Африка и Европа: к проблеме встречи культур в колониальную эпоху. М.: ИВИ РАН, 2015. 221 с.

3. История Нигерии в новое и новейшее время. М.: Наука, 1981. 358 с.

4. Akpang C. Nigerian Modernism(s) 1900–1960 and the Cultural Ramifications of The Found Object in Art. Bedfordshire: University of Bedfordshire, 2016. 383 p.

5. Дмитриева И. В. Образование в Африке: достижения и проблемы. М.: Наука, 1991. 110 с.

6. Onabolu A. A Short Discourse on Art. 1920. 13 p. URL: https://library.si.edu/digital-library/book/shortdiscourseon00onab (accessed: 23.03.2022).

7. Onuchukwu C. F. A Brief History and Development of Art Education in Nigeria: The Years 1923 – 1963: Some Challenges and Suggestions // The Nigerian Academic Forum. Vol. 1. № 4. November, 2001. P. 170–180.

8. Willett F. Kenneth Murray: Through the Eyes of His Friends. // African Arts, Vol. 6,. No. 4. 1973. P. 2–7, 74–78, 90–93.

9. Oloidi O. Art and Nationalism in Colonial Nigeria // Nsukka Journal of History. Vol. 1. 1989. P. 92–110.

10. Григорович Н. Е. Современное искусство Тропической Африки (становление национальных художественных школ). М.: Наука, 1988. 320 с.

11. Гавристова Т. М. Уче Океке и улизм: истоки модернизма в Африке // Африканский сборник. Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2012. С. 381–390.

УДК 94+353.2

И. Т. Шатохин, С. Б. Шатохина

Губернаторы Остзейского края XIX – начала XX в.

I. T. Shatokhin, S. B. Shatokhina

Governors of the Ostzei Region of the XIX – early XX century

Ключевые слова: Российская империя, Курляндская губерния, Лифляндская губерния, Эстляндская губерния, губернаторы.

Keywords: Russian Empire, Courland province, Livonia Province, Estland province, governors.

Совершенствование управления Остзейских краем привело к формированию в декабре 1796 г. Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерний, которые просуществовали до крушения империи. Данные территории позволяют рассмотреть различные аспекты колониальных и постколониальных дискурсов и взаимодействия центра и окраин в пространстве имперской государственности.

© Шатохин И. Т., Шатохина С. Б., 2022

В январе 1797 г. были назначены первые губернаторы в Лифляндскую и Эстляндскую губернии – барон Б. И. фон Кампенгаузен и А. А. фон Лангель. В Курляндской губернии продолжал возглавлять бывший наместник, назначенный в январе 1796 г. – Г.М. фон Ламздорф [1, с. 148, 158, 333]. До начала Первой мировой войны возглавляли Курляндскую губернию 16 губернаторов, Эстляндскую – 17 губернаторов, а во главе Лифляндской побывало 19 губернаторов. Таким образом, губернаторами остзейских губернии в указанный период были в общей сложности 52 человека.

Опыта характеристики губернаторского корпуса остзейских губерний в отечественной историографии нами не выявлено, хотя существует большой объем опубликованных биографических сведений о представителях этой страты управленческой элиты Российской империи в справочных и энциклопедических изданиях [2; 3; 4].

Именно на основе этих источников мы попытаемся дать самую общую характеристику губернаторского корпуса остзейских губерний в период от создания их до начала первой мировой войны, с учетом некоторых внешне уловимых тенденций в смене кадровой политики верховной власти по формированию состава управленческих имперских структур рассматриваемого региона. При том мы не будем вдаваться в анализ эволюции стратегии верховной власти в инкорпорировании населения и отдельных ее групп в состав Российский империи и, как составной элемент этой стратегии, подбор и расстановка наиболее приемлемых для успешного решения стратегических задач представителей высшего губернского чиновничества. В силу того, что это отдельная задача, которую в той или иной степени уже попытались решить исследователи в ряде разноплановых работ [5–10].

Имеющиеся биографические сведения позволяют представить, как обобщенный портрет остзейского губернатора, так и коллективные портреты губернаторов по каждой губернии, а также по периодам правления российских монархов, которые и формировали своими указами губернаторский корпус.

В первые две трети рассматриваемого периода на должность губернатора в Остзейском крае назначались немцы, как правило, выходцы из местного дворянства. Из тридцати губернаторов, назначенных в это время, только трое не являлись остзейскими немцами. Курляндской губернией в 1800–1808 гг. управлял Н. И. Арсеньев, а в 1853–1858 гг. – П. А. Валуев, Лифляндской

губернией в 1808–1811 гг. – И. Н. Репьев. Эстляндская губерния до 1868 г. управлялась исключительно немцами. Затем назначались в основном русские, хотя было три исключения. В 1894–1902 гг. возглавлял губернию Е. Н. Скалон – потомок французского дворянина, переселившегося в России в 1710 г., в 1902–1905 гг. здесь губернаторствовал А. В. Бельгард – потомок перешедшего на русскую службу при Екатерине II француза, в ноябре 1905 – январе 1906 г. губернию возглавлял Н. Г. фон Бюнтинг – выходец из остзейского дворянства, принявший православие и записанный в дворянскую родословную книгу Псковской губернии. Последнее назначение немца губернатором в Лифляндскую губернию было в 1874 г., А. А. Икскуль фон-Гильденбандта здесь сменил в 1882 г. И. Е. Шевич. В Курляндской губернии немецких губернаторов сменили русские в 1885 г.

Если говорить о продолжительности губернаторства в остзейских губерниях, то она составляла почти семь лет, при этом в Курляндской и Эстляндской губерниях она была несколько выше семи лет, а в Лифлядской – чуть более шести лет. Если обратиться к более детальному анализу продолжительности нахождения на посту губернатора одной из остзейских губерний, то более половины (29) из них руководили губерниями не более пяти лет. Еще 15 губернаторов занимали свои должности от 6 до 10 лет. Самый продолжительный срок пребывания в губернаторской должности в Остзейском крае принадлежит И. Х. Бреверну, возглавлявшему Курляндскую губернию – с 1827 по 1853 г. В Лифляндской губернии самое продолжительное губернаторство в течение 18 лет было у Е. Ф. фон Фёлькерзама, с 1829 по 1847 г., а в Эстляндской губернии у И. Е. Грюневальдта – 16 лет, с 1842 по 1858 г. Все трое долгожителей на остзейских губернаторских должностях относились к периоду царствования Николая I.

Средний возраст 50 остзейских губернаторов, по которым есть сведения о годе рождения, в момент назначения на должность составлял 47 лет. Для курляндских и лифляндских губернаторов средний возраст был около 47,5 лет, а у эстляндских – несколько ниже 46 лет. Самым молодым из остзейских губернаторов был курляндский губернатор П. В. Ган, назначенный на эту должность в 1824 г., когда ему было 31 год. Примечательно, что он же стал самым молодым лифляндским губернатором. П. В. Ган был переведен в 1827 г. с должности курляндского губернатора на должность лифляндского губернатора в возрасте 34 лет. В 1874 г.

в таком же возрасте лифляндским губернатором стал А. А. Икскуль фон Гильденбандт. В Эстляндской губернии самым молодым губернатором в 1885 г. стал 33-летний С. В. Шаховской.

Самым возрастным остзейским губернатором оказался назначенный в 1832 г. в Эстляндскую губернию 71-летний О. В. Эссен. Он управлял губернией всего один год, а еще через семь месяцев после отставки он умер. В Курлядской губернии самым возрастным назначенцем был 66-летний Э. Я. Станеке. Он возглавлял губернию с 1816 по 1824 г., в 74 года ушел в отставку по болезни. В 63 года лифляндским губернатором стал упоминавшийся Е. Ф. фон Фёлькерзам. Он управлял губернией практически рекордные 18 лет – с 1829 по 1847 г.

Для многих губернаторов управление одной из остзейских губерний стал ценным опытом и важной ступенью в служебной карьере. Наиболее известными сановниками Российской империи, получившими закалку в Остзейском крае на губернаторской должности, стали бывший курлядский губернатор П. А. Валуев, который возглавлял министерство внутренних дел, министерство государственных имуществ, а в 1879–1881 г. являлся Председателем Комитета министров; бывший курлядский губернатор Д. С. Сипягин, в 1899–1902 гг. министр внутренних дел.

Губернаторство в Остзейском крае стало важным опытом для того, чтобы управлять другими российскими губерниями для курляндских губернаторов Ф. Ф. Сиверса, К. И. Пащенко, Л. М. Князева, эстляндских губернаторов М. М. Галкина-Враского, М. В. Шаховского-Глебова-Стрешнева, Н. Г. фон Бюнтинга, П. П. Башилова.

Таким образом, коллективный портрет губернатора Остзейского края представляется следующим. До середины 1870-х гг. это немец, выходец из местных дворянских родов, затем это русский или иногда потомок обрусевших иностранцев. Вступал в должность губернатора в возрасте 47 лет, служил в этой должности в среднем в течение семи лет. Некоторые из остзейских губернаторов продолжали делать карьеру, получая назначения на губернаторские должности в других регионах империи, а единицам удавалось достичь министерских постов в столице. Официальные источники и нарративы позволяют составить детализированный коллективный портрет остзейских губернаторов рассматриваемого периода, а также провести глубокий корреляционный анализ их карьерных сценариев.

Ссылки:

1. Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917 / под общ. ред. Б. В. Грызлова. М.: Объединенная редакция МВД России, 2003. 480 с.

2. Волков С. В. Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. 798 с.

3. Шилов Д. Н. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 992 с.

4. Русский биографический словарь. В 25 т. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1896–1918.

5. Красников Н. И. Начальный этап инкорпорации прибалтийских территорий в состав Российской империи // Развитие территорий. 2018. № 1 (11). С. 6–11.

6. Андреева Н. С. «Остзейский вопрос» во внутренней политике Российского правительства (начало XX в.) // Cahier du monde Russe. Paris, 2002. № 43. С. 67–102.

7. Андреева Н. С. Статус немецкого дворянства в Прибалтике в начале XX века // Вопросы истории. М., 2002. № 2. С. 41–61.

8. Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.

9. Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.

10. Немцы в истории России. Документы высших органов власти и военного командования. 1652–1917 / сост. В. Ф. Дизендорф. М.: МФД: Материк, 2006. 784 с.

УДК 94(6)

В. Г. Шубин

Отражение новейшей истории Южной Африки в романе Барри Гилдера «Список»

V. G. Shubin

Reflection of the Current History of South Africa in the Novel “List” by Barry Gilder

Ключевые слова: Южная Африка, Африканский национальный конгресс, апартеид, спецслужбы.

Keywords: South Africa, African National Congress, apartheid, intelligence agencies.

В 2018 г. в йоханнесбургском издательстве «Джакана медиа» вышла в свет книга Барри Гилдера, роман с кратким названием – «The List» («Список») [1]. Как имя автора, так и название книги, не могли не привлечь читателей, причем не только южноафриканских. Это была вторая книга автора; первая книга Барри Гилдера – «Song and Secrets» («Песни и секреты» с подзаголовком «Южная Африка: от освобождения к управлению») [2], носящая мемуарный характер, вышла в 2012 г., когда ему уже шел седьмой десяток лет. Ранее он был известен в ЮАР совсем в другом качестве. В молодости он был не только сочинителем и исполнителем «бардовских» песен (отсюда и первое слово в названии книги), но и членом руководства Национального союза студентов. В 1976 г. он покинул ЮАР и в Лондоне установил связи с ведущей национально-освободительной организацией – Африканским национальным конгрессом.

Второе слово в названии книги тоже отнюдь не случайное; в ней рассказывается о том, как Гилдер вернулся из Англии в Африку, стал сотрудником разведки АНК, прошел подготовку в Москве, а после смены власти в ЮАР стал одним их руководителей спецслужб – заместителем генерального директора Южноафриканской секретной службы (внешней разведки), а затем Национального разведывательного агентства (контрразведки), генеральном директором Министерства внутренних дел, и наконец, Координатором разведывательных служб ЮАР.

© Шубин В. Г., 2022

После досрочного ухода по собственному желанию на пенсию он не только стал одним из руководителей ведущего аналитического центра страны – «МИСТРА»[1], но и окончил магистратуру по специальности «Литературное творчество». В 2019 г. Гилдер вновь вернулся на госслужбу, заняв пост посла ЮАР в Сирии и Ливане с резиденцией в Дамаске.

Когда после выхода в свет первой книги Гилдера спрашивали, почему он в ней не открыл больше секретов, он пообещал исправить это в новой книге – романе. И действительно, секретов в книге немало, начиная с ее заглавия – «Список».

В ЮАР широко распространены слухи о существовании списка агентов спецслужб режима апартеида в руководстве АНК, который был якобы передан новому президенту страны – Нельсону Манделе. До сих пор в ЮАР ведутся споры, существует ли такой список. Большинство моих южноафриканских собеседников полагали, что он существует, но может включать как действительно агентов режима, так и людей, которых хотели скомпрометировать. Список этот существует и в романе Гилдера, хотя сам он подчеркивает: «Эта книга, несомненно, является художественным произведением» [3], но в одном из интервью он назвал ее сюжет «возможной реальностью».

Действие романа по времени занимает более четырех десятилетий, вплоть до 2020 г., хотя, напомним, книга было издана в 2018 г. Начинается действие в небольшом африканском поселке Лоуфельд на территории нынешней провинции Мпумаланга на востоке ЮАР, но и там есть свои секреты: дядя одного их главных героев Субисисо (С’бу) Дламини, Вильям, директор местной школы сотрудничает с полицией безопасности, помогая находить способных учеников для их вербовки.

В романе прослеживается судьба С’бу, профсоюзного активиста и подпольщика, вынужденного покинуть ЮАР и ставшего бойцом «Умконто ве сизве» – вооруженного крыла АНК. Сам себя он называет «забытым героем», когда Джерри Уайтхед, один из его старых товарищей с трудом находит его, выясняется, что С’бу живет в однокомнатной халупе, зарабатывая на жизнь как самозанятый, торгуя в магазинчике, построенным за счет займа, полученного от дяди.

---

[1] Полное название этого центра – Институт стратегических размышлений Мапунгубве (Mapungubwe Institute of Strategic Reflection), государство Мапунгубве существовало на севере нынешней ЮАР.

Уайтхед обращается к С'бу как к «товарищу Пауло», используя *nom de guerre*, под которым тот был известен в «Умконто ве сизве», но тот отвечает, что больше не использует этих слов. «То, во что мы верили в те дни, в умзабалазо (борьбу), теперь ушло. То, на что мы надеялись, мечты, инкулулеко (свобода). Теперь мы должны подождать. Мы должны дождаться следующей жизни», – говорит С'бу, «нашедший Иисуса», но потерявший веру в идеалы АНК. В то же время его дядя, так и не разоблаченный предатель, получает хорошую пенсию как отставной государственный служащий, и даже является председателем местного отделения АНК.

Написание романа было завершено Барри Гилдером в 2017 г., накануне конференции АНК, где было избрано его новое руководство, но уже после состоявшихся в 2016 г. муниципальных выборов, в результате которых АНК потерял контроль над тремя крупными городами: Тсване (Преторией), Йоханнесбургом и Порт-Элизабетом (ныне – Геберха). Напомним, однако, что повествование в книге поведено до 2020 г. Как. же представлял ее автор последующие события?

Новый президент ЮАР должен был быть избран парламентом, сформированным по итогам выборов в 2019 г. (на практике все получилось раньше, так как Джекоб Зума был вынужден подать в отставку под угрозой импичмента). Гилдер пишет, что АНК смог с трудом победить на выборах (так и получилось), и новый президент, которого автор называет Молои, на заседании Национального исполнительного комитета правящей партии призывает «очистить АНК, избавиться от фракций, списков и подкупа голосов». «Нам дали второй шанс. Возможно – это последний шанс», – говорит он о результатах выборов.

Вслед за этим вновь назначенный министр разведки Сандиле Ндаба создает группу проверенных сотрудников, с сугубо секретной миссией найти агентов «старых» спецслужб режима апартеида в рядах АНК, чтобы защитить нового президента и его правительство. Основные члены группы Владимир (имя примечательное) Масилела и Джерри Уайтхед, уже отставные сотрудники разведывательных служб, работавшие ранее в разведке АНК.

Сеть агентов в книге Гилдера носит название «The Signs» («Признаки»). Именно их имена содержатся в списке, переданном Нельсону Манделе, который был спрятан где-то в тайном месте, а сами они были заблаговременно подготовлены спецслужбами

режима апартеида, а затем продвинуты на стратегические позиции в АНК чтобы контролировать организацию изнутри.

Группе Масилелы и Уайтхеда удается найти документы с именами лиц, в предательство которых было просто трудно поверить, но далее их работа обрывается и обрывается трагически. На открытии сессии парламента президент Молои был убит «человеком, который поднялся со скамьи в центре и нанес (ему) одиннадцать ударов ножом, скрытом в мобильном телефоне» (история, казалось бы, невероятная, но в Южной Африке и не только там помнят, как в зале заседаний парламента 6 сентября 1966 г. был убит премьер-министр ЮАР Хендрик Фервурд). Вслед за президентом был убит и министр разведки. Погибло и несколько членов созданной им группы, некоторым пришлось вновь покинуть родину, а место, где хранились найденные документы было полностью уничтожено.

Слава богу, такого в Южной Африке не случилось. Избранный в 2018 г. президентом Сирил Рамапоса сохраняет свой пост, возглавляемая им партия все еще является правящей, хотя и теряет позиции на проходящих выборах. Но тревожным сигналом о неблагополучии в стране послужили массовые беспорядки в июле 2021 г., особенно в провинции Квазулу-Наталь. Восемь месяцев спустя министр полиции Беки Селе назвал имена 19 организаторов беспорядков. И, хотя с приходом на пост президент Рамапоса провозгласил, что в стране начинается «новый рассвет», спустя четыре года в ЮАР можно слышать и такой вопрос: «Что это, новый рассвет или вечные сумерки?».

Ссылки:

1. Gilder B. The List, Sunnyside: Jacana Media, 2019. 290 p.

2. Gilder B. Songs and Secrets. South Africa from Liberation to Governance, L.: Hurst Publishers, 2012, 288 p.

3. The List Kindle Edition. Editorial Reviews. From the Author. URL: https://www.amazon.com/List-Barry-Gilder-ebook/dp/ B07LC4VYVK (accessed: 23.01.2022).

Сведения об авторах

Балезин Александр Степанович, профессор, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН (далее: ИВИ РАН), Москва; alex.balezin@yandex.ru

Блинова Елизавета Викторовна – соискатель, ЯрГУ

Бондаренко Дмитрий Михайлович, член-корреспондент РАН, профессор РАН, доктор исторических наук, Институт Африки РАН, Москва; профессор, Российский государственный гуманитарный университет; dbondar@hotmail.com

Гавристова Татьяна Михайловна, профессор, доктор исторических наук, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (далее: ЯрГУ), Ярославль; tagavristova@gmail.com

*Гаврюшева Александра Евгеньевн*а, старший преподаватель, ЯрГУ, Ярославль; alexandra-gavr@mail.ru

Герасимов Игорь Вячеславович, профессор, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; igorfarouh@yandex.ru

Годовова Елена Викторовна, доцент, доктор исторических наук, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург godovova@mail.ru

Грибанова Валентина Валерьевна, кандидат исторических наук, Институт Африки РАН, Москва; vgribanova@mail.ru

Громова Нелли Владимировна, профессор, доктор филологических наук, Институт Азии и Африки Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (далее: ИСАА МГУ), Москва; gromova@iaas.msu.ru

Данилов Евгений Сергеевич, доцент, кандидат исторических наук, ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль; explorator@list.ru

Денисова Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, Институт Африки РАН, Москва; tsden@hotmail.com

Желтов Александр Юрьевич, профессор, доктор филологических наук, СПбГУ, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург; ajujeltov@mail.ru

Жерлицына Наталья Александровна, доцент, кандидат исторических наук, Институт Африки РАН, Москва; ns_inafr@mail.ru

Завьялова Ольга Юрьевна, доцент, кандидат филологических наук, СПбГУ, Санкт-Петербург; jontan@mail.ru

Захарова Наталья Андреевна, независимый исследователь, Ярославль, Хабаровск; n.a.zakharova@list.ru

Зданевич Александр Сергеевич, доцент, кандидат исторических наук, СПбГУ, Санкт-Петербург; azdanevich78@gmail.com

Ивкина Наталья Викторовна, доцент, кандидат исторических наук, Российский университет дружбы народов (далее: РУДН), Москва; ivkina-nv@rudn.ru

Иванова Любовь Владимировна, кандидат исторических наук, ИВИ РАН, Москва; caashoru@mail.ru

Касимовская Елена Николаевна, доцент, кандидат экономических наук, ИСАА МГУ, Москва; kasim@iaas.msu.ru

Кинфу Зенебе Тафессе, PhD, журналист-международник, президент Союза африканских диаспор в России, Москва; zen888kin@yandex.ru

Кишкурно Александра Викторовна, исследователь, университет Жана Жореса, Тулуза, Франция; kushalex@mail.ru

Кривошеева Юлия Александровна, старший преподаватель, ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль; y.krivosheeva@uniyar.ac.ru

Крылова Наталия Леонидовна, доктор исторических наук, Институт Африки РАН, Москва; krylovanl@yandex.ru

Куликова Ольга Дмитриевна, доцент, кандидат исторических наук, ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль; kulikovao@rambler.ru

Куценков Петр Анатольевич, кандидат искусствоведения, доктор культурологии, Институт востоковедения РАН, Москва; pkutsenkov@gmail.com

Мазов Сергей Васильевич, доктор исторических наук, ИВИ РАН, Москва; s.mazov@mail.ru

Марасанова Виктория Михайловна, профессор, доктор исторических наук, ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль; vmm@uniyar.ac.ru

Мильто Анна Валентиновна, доцент, кандидат исторических наук, Финансовый университет при правительстве Российской Федерации (Ярославский филиал), Ярославль; amilto@mail.ru

Мокрушина Зоя Валерьевна – независимый исследователь, Вологда – Ярославль; zmokrushina@gmail.com

Моргунова (Петрунько) Оксана Алексеевна, PhD (Эдинбургский университет), доцент, РУДН, Москва; профессор,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва; morgunova-oa@rudn.ru

Неклесса Александр Иванович, Институт Африки РАН, Москва neklessa@intelros.ru

Неклюдова Марина Алексеевна, студент, ЯрГУ им. П. Г. Демидова; marinka.neklyudowa@yandex.ru

Рашковский Евгений Борисович, доктор исторических наук, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова, Москва; eug.rashkov@gmail.com

Сидорова Галина Михайловна, доцент, доктор политических наук, Дипломатическая академия МИД России; Московский государственный лингвистический университет; Институт Африки РАН; gal_sid@mail.ru

Следзевский Игорь Васильевич, доктор исторических наук, Институт Африки РАН, Москва; igor25011904m@yandex.ru

Спиридонова Елена Владиславовна, доцент, кандидат исторических наук, ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль; selenavlad@gmail.com

Суетина Юлия Георгиевна, доцент, кандидат филологических наук, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва; kaduna2007@mail.ru

Токарев Андрей Александрович, доцент, кандидат исторических наук, Институт Африки РАН, Москва; stp79@yandex.ru

Туряница Дарья Андреевна, Институт Африки РАН, Москва; darya.turyanitsa@gmail.com

Урядова Анна Владимировна, доцент, доктор исторических наук, ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль; koukouch@mail.ru

Усков Григорий Викторович, аспирант, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, ggu-03@mail.ru

Филатова Ирина Ивановна, профессор, доктор исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва; ifil1805 <ifil1805@gmail.com

Хохолькова Надежда Евгеньевна, кандидат исторических наук, Институт Африки РАН, Москва; khokholkova@gmail.com

Чемякин Евгений Юрьевич, доцент, кандидат исторических наук, Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина,

Екатеринбург; Уральский институт ГПС МЧС, Екатеринбург; johhan@yandex.ru

Цветков Эдуард Георгиев, независимый исследователь, Ярославль; egeo84@gmail.com

Шатохина Светлана Богдановна, доцент, кандидат исторических наук, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород; Shatohin@bsu.edu.ru

Шатохин Иван Тихонович, доцент, кандидат исторических наук, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород; Shatohin@bsu.edu.ru

Шубин Владимир Геннадьевич, профессор, доктор исторических наук, Институт Африки РАН, Москва; vlgs@yandex.ru

Научное издание

Россия – Африка:

от устной истории к постколониальному нарративу

Сборник материалов Всероссийской конференции
с международным участием
18–20 мая 2022 года

Оригинал-макет подготовлен
издательским бюро «Филигрань»

Подписано в печать 29.08.2022.
Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 15,4.
Заказ № 22102. Тираж 70 экз.

Отпечатано ООО «Филигрань»
г. Ярославль, ул. Свободы, д. 91,
pechataet.ru